

ISSN 2073-8315

В Е С Н І К

Магілёўскага дзяржаўнага
ўніверсітэта
імя А.А. Куляшова

НАВУКОВА-МЕТАДЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выдаецца са снежня 1998 года

Серыя А. ГУМАНІТАРНЫЯ НАВУКІ
(гісторыя, філасофія, філалогія)

Выходзіць два разы ў год

1 (37)
2011

Галоўная рэдакцыйная калегія:

д-р філас. навук прафесар М.І. Вішнеўскі (галоўны рэдактар);
д-р гіст. навук прафесар Я.Р. Рыер (старшыня рэдакцыйнага савета серыі А);
канд. фіз.-мат. навук дацэнт Б.Д. Чабатарэўскі (нам. галоўнага рэдактара);
Л.І. Будкова (адказны сакратар)

Гісторыя:

д-р гіст. навук прафесар Я.Р. Рыер (Магілёў)
д-р гіст. навук прафесар М.С. Сташкевіч (Мінск)
д-р гіст. навук прафесар І.А. Марзалюк (Магілёў)
канд. гіст. навук дацэнт К.М. Бандарэнка (Магілёў)

Філасофія:

д-р філас. навук прафесар М.І. Вішнеўскі (Магілёў)
д-р філас. навук прафесар П.С. Карака (Мінск)
канд. філас. навук дацэнт В.У. Старасценка (Магілёў)
канд. філас. навук дацэнт А.В. Дзячэнка (Магілёў)

Філалогія:

д-р філал. навук прафесар В.І. Рагаўцоў (Магілёў)
д-р філал. навук дацэнт А.М. Макарэвіч (Магілёў)
д-р філал. навук прафесар Т.М. Валынец (Мінск)
канд. філал. навук дацэнт Т.Р. Міхальчук (Магілёў)
канд. філал. навук дацэнт В.В. Люкевіч (Магілёў)
канд. філал. навук дацэнт М.М. Караткоў (Магілёў)
канд. філал. навук дацэнт А.С. Лаўшук (Магілёў)
канд. філал. навук дацэнт С.А. Наскоў (Магілёў)

ЗМЕСТ

ТИМОФЕЕВ Р.В. Обеспечение и организация отдыха работников на транспортных предприятиях БССР в 1943 – 1991 гг.	4
ПАВЛОВЕЦ Ю.С. СССР и албанский вопрос в процессе послевоенного урегулирования (1945 – 1946 гг.)	10
ПАДДУБСКАЯ А.Ф. Рух супраціўлення ў Італіі і пазіцыя каталіцкай царквы	14
КУЗНЕЦОВ А.Б. Древняя Русь конца IX – X вв. – потестарное государство	19
ЛАБОХА Г.М. Периодизация творчества Ж. Деррида	24
БАРСУК И.А. Духовно-нравственные основания восточнославянской цивилизации в глобализирующемся мире	33
ПОПОВ М.А. Литературная и научная деятельность митрополита Станислава Богуша-Сестренцевича	42
ЧЕРНОВА М.С. В.Д. Спасович об А.С. Пушкине: забытые страницы русской пушкинистики	51
ВОРОНОВА Е.В. Гетерогенность – сущностная характеристика художественного текста	57
ШЭЦКА Л.М. Проза-паэтычны ідыястыль У. Караткевіча ў аспекце ўнутранай інтэртэкстуальнасці	62
ЕЎМЯНЬКОЎ В.І. “Тарас Бульба” М.В. Гоголя і гістарычныя рэаліі Рэчы Паспалітай XVIII ст. ...	69
СВИРИДЕНКО Е.А. Коммуникативно-прагматический диапазон лексики русского и белорусского языков в речи ее носителей	74
ДОЎГАЛЬ Д.А. Сучасны стан даследавання беларускага вербальнага этыкету	79
БЕЛОВА К.А. Жанровая репрезентация интернет-дискурса Беларусі	85
ЗВЕСТКІ ПРА АЎТАРАЎ	92
SUMMARIES	93

ГІСТОРЫЯ, ФІЛАСОФІЯ, ФІЛАЛОГІЯ

УДК 94 (476)

Р.В. ТИМОФЕЕВ

ОБЕСПЕЧЕНИЕ И ОРГАНИЗАЦИЯ ОТДЫХА РАБОТНИКОВ НА ТРАНСПОРТНЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ БССР В 1943 – 1991 гг.

Данное исследование показывает законодательное обеспечение и конкретную организацию отдыха работников транспортных предприятий в БССР в 1943 – 1991 гг. Автором были отмечены главные документы, по которым строилась эта работа, основные источники финансирования, формы и направления, достижения и недостатки в вопросах организации отдыха. Особое внимание в статье уделено определению особенностей в организации отдыха работников по конкретным видам транспорта.

Введение

Малоизученными вопросами послевоенной белорусской истории являются законодательное обеспечение и организация отдыха работников, в том числе транспортников. Вопросы такого плана имеют право быть отдельным объектом для научного исследования, так как организация отдыха работников напрямую влияла на выполнение ими производственных задач и повышала качество труда. Однако подобных работ пока не появилось, а из современных изданий, где вопросы обеспечения и организации отдыха на транспорте затрагивались, можно отметить только коллективные труды по истории железной дороги БССР [1, 2]. Но там организация отдыха не являлась основным объектом изучения и касалась только одного вида транспорта.

Актуальность исследования отмеченных вопросов состоит в том, что позволяет сделать анализ эффективности форм и методов организации отдыха, выделить наиболее перспективные и доступные для этого способы. Чтобы достичь поставленной цели, решались задачи по выделению основных направлений деятельности в организации отдыха работников на транспорте БССР в 1943 – 1991 гг., определялись особенности в организации отдыха по видам транспорта, показывались необходимые для этого финансовые источники и основы законодательной базы. В работе использовались документы из Национального архива Республики Беларусь, государственных архивов Брестской, Витебской, Гомельской и Могилевской областей, сборники документов и материалы периодической печати.

Основная часть

Органы власти БССР никогда не забывали об отдыхе работников, обеспечивая его в рамках возможностей, но всегда надо помнить, что на первом месте в советский период истории были производственные потребности. Организация отдыха работников на Белорусской железной дороге началась уже с ноября 1943 г., когда для этого были выделены помещения в только что освобожденном Гомеле. Росло понимание, что без развитой социальной сферы трудно ожидать от работников хорошей отдачи. Профсоюз Витебского отделения Западной дороги за 26 июня 1944 г. – 26 июня 1945 г. смог послать в санатории 55 человек и в дома отдыха – 131, но при общем числе работавших 6910 человек [3, л. 62].

Материалы ведомственной газеты “Железнодорожник Белоруссии” за 1944 – 1945 гг., однако, говорили о том, что ряд работников не были довольны тем, как проходило распределение путевок. Критиковались факты того, что чаще ими пользовались те работники, у которых по тем или иным причинам не было конфликтов с руководителями предприятий. Несмотря на недостатки за 1945 – 1950 гг., на курортах и в домах отдыха побывало уже 10 тыс. работников Белорусской железной дороги, в первую очередь передовиков производства.

Не были оставлены без внимания и автотранспортники. Для обеспечения их потребностей использовалось распространенное 27 июня 1947 г. на коммунальные и автотранспортные предприятия постановление СМ СССР от 5 декабря 1946 г. “О фонде директора промышленных предприятий”, из которого средства выделялись в том числе и на организацию отдыха как самих работников, так и членов их семей.

В отношении речников БССР после войны продолжало действовать Положение о рабочем времени и отдыхе работников водного транспорта от 8 сентября 1934 г. Организация отдыха речников была специфична, что выразилось в создании летом 1946 г. плавучих санаториев и домов отдыха. По Днепро-Двинскому речному пароходству за 1947 – 1948 гг. речникам была выдана 391 путевка в санатории и 591 – в дома отдыха [4, с. 2]. Этого также было мало, так как коллектив пароходства насчитывал тысячи работников. К тому же в 1948 г. путевки получали стихийно, часто не в то время, когда у речников были отпуска, что говорило о малоэффективной в тот период роли местных комитетов профсоюзов.

Находили возможности для отдыха и гражданские авиаторы. С помощью Белорусского республиканского комитета (БРК) союза авиарботников в 1947 г. часть путевок была выделена за 30% стоимости, но летному составу.

В 1950-е гг. в БССР получила массовый характер организация отдыха и оздоровления в рамках социального страхования. Положение “О фонде предприятия для улучшения культурно-бытовых условий работников и совершенствования производства” от 9 августа 1955 г. позволило расходовать средства из него на оборудование мест отдыха. Однако негативное влияние оказало постановление СМ СССР от 30 мая 1958 г., по которому средства на организацию отдыха выделялись централизованно только для железнодорожников и авиаторов.

В начале 1950-х гг. для железнодорожников БССР происходило создание специальных домов отдыха. В 1954 г. резко возросло выделение средств на оздоровительную кампанию. В марте 1956 г. МПС дал указание о предоставлении работникам непрерывного производства дополнительного отдыха. С улучшением социально-экономической ситуации в БССР возросли масштабы оздоровления. С 1950 по 1956 г. работникам Белорусской железной дороги было выдано уже 32,4 тыс. бесплатных и льготных путевок [5, с. 31].

Больше, чем раньше, уделяется внимание организации отдыха автотранспортников. С 1955 г. на обеспечение отдыха активно используются средства из фонда предприятия. Улучшились условия и для речников. Во 2-й пол. 1950-х гг. ежедневный отдых для плавсостава предоставлялся продолжительностью до 18 часов в сутки. С 1957 г. они пользовались домом отдыха на пароходе “Марксист”. В 1958 – 1959 гг. за счет средств страхования получили путевки 1380 речников БССР. Авиаторы республики особенно активно организовывали свой отдых в праздничные дни.

Значимые изменения в области организации отдыха произошли в 1960-е гг., появился Закон о совершенствовании перевода всех рабочих и служащих на

семи- и шестичасовой рабочий день. Большие надежды были связаны с реализацией постановления СМ СССР от 22 мая 1963 г. “О фондах предприятий отдельных отраслей народного хозяйства для улучшения культурно-бытовых условий работников и совершенствования производства”, по которому выделялись средства на приобретение путевок.

Усилилось внимание к железнодорожникам. По постановлению ЦК КПСС, СМ СССР и ВЦСПС от 7 марта 1967 г. на железнодорожном транспорте к 1 января 1968 г. на 5-дневную рабочую неделю с двумя выходными днями были переведены работники, не занятые на круглосуточных работах. Продолжалось их оздоровление. В 1966 г. Калининское депо построило базу на р. Птичь. Гомельскими железнодорожниками в 1967 г. летом было проведено четыре народных гуляния [6, л. 101, 121]. С 1968 г. организации отдыха содействовал перевод Белорусской железной дороги на новую систему планирования. В целях увеличения оздоровления ВЦСПС было предложено создание санаториев-профилакториев силами предприятий. Первый из них был открыт в 1966 г. при Гомельском отделении, второй – в 1968 г. при Витебском отделении.

Автотранспортникам дополнительный отпуск на 12 дней предоставлялся, если они являлись водителями автобусов и крупных грузовых автомобилей. После перехода в БССР автохозяйств на новый порядок планирования и экономического стимулирования в 1968 – 1969 гг. за счет их средств отдохнуло 20 тыс. работников [7, с. 2]. 1-й и 2-й автобусные парки г. Минска летом 1967 г. организовали отдых на Черном море передовиков производства с их семьями в частных квартирах г. Алушты. Но многие о таком отдыхе только мечтали. Поэтому органы власти, например Могилевский облисполком в 1967 г., постоянно напоминали руководителям автотранспортных предприятий о необходимости обеспечения отдыха своих работников в целях закрепления кадров [8, л. 218].

Старались не отставать и предприятия электротранспорта. Но возможностей у них было на порядок меньше, а в ряде случаев они еще и использовались нерационально. Так, по сигналу комитета народного контроля (КНК) Управления Витебского трамвая его партийная организация вскрыла в 1967 г. большие недостатки в распределении путевок в санатории. Так, за период с 1 января 1966 г. по 1 марта 1967 г. из полученных 16 путевок в санатории было выдано по решению месткома только 8, в дома отдыха из 48 путевок местком участвовал в выдаче только 21, остальные были выданы единолично его председателем, в том числе тем, кто в управлении не работал [9, лл. 97, 98].

Обеспечению отдыха речников, находившихся на хозрасчете, в 1-й половине 1960-х гг. содействовал фонд улучшения культурно-бытовых условий работников и совершенствования производства. Свою роль сыграло и право речников на дополнительный отпуск. Много в организации отдыха не получалось, поэтому речники обращались в СМ БССР с просьбой о включении их в перечень ведомств БССР, которым в планах утверждались вложения на культурно-бытовое строительство, что решено не было. Вопросы отдыха работников гражданской авиации решались на основании Наставления по производству полетов.

К сожалению, распределение такого важного социального блага, как возможность на оздоровление содержало в себе значительное число злоупотреблений, когда чаще более высокий количественный и качественный уровень обеспечения путевками был намного выше у руководителей транспортных предприятий и членов их семей, чем у нижестоящих работников. Так, КНК БССР в 1971 г. расследовал случаи неправомерного распределения путевок в санатории в Мин-

ском управлении магистральных газопроводов [10, лл. 7, 8]. Здесь радовало только то, что под влиянием проверок число подобных злоупотреблений не росло, а на ряде предприятий сокращалось.

В 1970-е гг. внимание к организации отдыха возросло. Дневные профилактории предприятий были предназначены обеспечивать его и во время перерывов на производстве, и в свободные часы. Важную роль в организации отдыха продолжали играть и профсоюзы. Постановлением Президиума ВЦСПС от 20 августа 1971 г. в коллективные договоры предприятий и профсоюзов необходимо было включать вопросы о времени отдыха работников.

В 1971 г. постановлением ЦК КПСС, СМ СССР и ВЦСПС были установлены дополнительные ежегодные отпуска работникам предприятий железнодорожного транспорта, занятым на эксплуатационной работе. В 1970-е гг. ежегодно более 15 тысяч работников Белорусской железной дороги получали бесплатные и льготные путевки в санатории и дома отдыха за счет средств социального страхования [11, с. 2]. Тем не менее, общее количество работников магистрали доходило в 1970-е гг. до 100 тыс. человек, то есть возможность для льготного оздоровления у работников появлялась один раз в 6-7 лет, но могло быть и чаще, если они были победителями соревнований. Выход был найден в развитии сети санаториев-профилакториев.

На Брестском отделении с 1971 г. действовал профилакторий на 1 тыс. посещений в год. В профилактории Гомельского отделения ежегодно отдыхали до 2 тыс. человек. В 1976 г. появился профилакторий Минского отделения. Формы организации отдыха были самые разные. Калинковичские железнодорожники в 1972 г. построили дом отдыха, а на Брестском отделении стала работать база отдыха "Белое озеро".

Актуальным было создание условий для отдыха водителей, которые были заняты на междугородных перевозках. Вопросы организации отдыха все время поднимались облисполкомами. Так, Гомельский облисполком в июле 1976 г. рассматривал вопросы по обустройству мест отдыха водителей городского пассажирского транспорта во время смен в целях улучшения обслуживания населения [12, л. 282]. В 1972 г. автотранспортники БССР смогли построить для себя санаторий-профилакторий "Днепровские сосны" в Гомельской области. Организации отдыха работников городского электротранспорта содействовало постановление СМ СССР "О мерах по улучшению работы городского транспорта" от 25 декабря 1972 г.

Перевозки в ограниченный период времени года и закрепление за судами на весь этот период работников создавали трудности речникам для предоставления отдыха. С 1974 г. предоставлению речникам выходных дней стал помогать бригадный метод организации труда. Вопросы отдыха продолжали оставаться заботой их профсоюза. С его помощью санаторий в Бобруйске в 1970 г. был пополнен плавучим дебаркадером на р. Березине.

Для предполетного отдыха авиаторов в крупных аэропортах были созданы специальные профилактории. Часть летчиков обладало дополнительным отпуском в размере до 36 дней за особые условия труда.

В январе 1982 г. ЦК КПСС, СМ СССР и ВЦСПС приняли постановление, которое поручало предприятиям развивать собственные базы отдыха. По Уставу о дисциплине работников железнодорожного транспорта СССР от 7 августа 1985 г. предлагалось в первую очередь выдавать путевки передовикам производства. Важное место в оздоровлении по-прежнему отводилось профилакториям. С каж-

дым годом расширялась география отдыха. Так, в 1980 г. была открыта турбаза для работников локомотивного депо Полоцк на озере Щаты. В качестве основных баз отдыха зимой использовались пионерлагеря.

Уровень оздоровления в изучаемый период нельзя было признать достаточным. Так, из 12 тыс. работников Барановичского отделения Белорусской железной дороги за 1986 – 1990 гг. побывали в санаториях 2333 человека, в домах отдыха и на турбазах – 1685, в профилакториях – 2820 [13, лл. 102, 104]. Однако часть людей учитывалась несколько раз, что снижало общий уровень оздоровления для каждого работника, цифрам вслепую верить было нельзя.

С помощью профсоюза Гродненский автокомбинат № 2 в 1986 г. оформил на предприятии уголки отдыха. Минские автотранспортники в 1989 г. построили собственный корпус на территории дома отдыха “Лесные озера” в г.п. Ушачи [14, с. 3]. Профсоюзный центр досуга автопарка № 2 г. Барановичи в 1989 г. создал базу отдыха под Одессой. Массовым было появление оздоровительных комплексов. Свой санаторий-профилакторий содержало троллейбусное депо № 2 ТТУ г. Минска. В порту Бреста в конце 1980-х гг. для отдыха речников была построена сауна с бассейном. Авиаторы республики с 1985 г. могли проходить оздоровление в профилактории “Звездный” авиаремонтного завода № 407 г. Минска.

В конце 1980-х гг. проявилась общая для всех транспортников проблема, когда часть их коллективов, стремясь получить максимальные доходы, отодвинули на второй план заботу о здоровье и отдыхе людей. Решение этого вопроса произошло уже в условиях Республики Беларусь.

Заключение

Организация отдыха в послевоенный период истории БССР была злободневным делом, которое порождало значительное число недовольных, но официальная печать и статистика этого почти не отражали. Критика чаще могла звучать на закрытых партийных собраниях и узких профсоюзных совещаниях, откуда информация широкому кругу населения была недоступна. Об этом есть возможность сказать только сейчас. Из негативного можно отметить факты получения возможностей для оздоровления лицам, которые были связаны лично с руководством того или иного предприятия, происходили случаи единоличного выделения путевок профсоюзными лидерами предприятия.

Тем не менее, существовало и большое количество положительных моментов. Необходимость обеспечения работникам отдыха была записана в законодательном порядке. Организация отдыха работников была одним из средств по предотвращению нарушений трудовой дисциплины, частью мероприятий, направленных на обеспечение безопасности перевозок, так как чрезмерное утомление транспортников приводило к авариям. В первое послевоенное время расширению мероприятий по организации отдыха работников содействовало образование в 1947 г. фонда директора. В 1955 г. стал действовать фонд предприятия, что способствовало улучшению культурно-бытовых условий работников и совершенствованию производства. В 1963 г. возможности фонда расширились. Во 2-й половине 1960-х гг. у работников транспорта появилось больше возможностей для организации отдыха после перевода их предприятий на новый порядок планирования. В 1970-е гг. путевки широко использовались в качестве поощрения победителей соревнований. Решение об их выделении, особенно льготных, принималось при участии профсоюзных и партийных организаций.

У железнодорожников путевки предоставлялись в первую очередь тем работникам, которые были связаны с движением поездов. Время отдыха железнодорожников определялось с помощью изучения факторов утомляемости. У автотранспортников путевки в санатории и дома отдыха предоставлялись двум основным категориям работников – тем, кто нуждался в лечении, и тем, кто добросовестно трудился. Так как работа автотранспорта, особенно пассажирского, не могла прекращаться в общеустановленные дни отдыха, для большей части водителей в 1960 – 1980-е гг. устанавливались по графику дни отдыха в различные дни недели. Для работников речного транспорта в связи с четкой сезонностью их работы было сложно воспользоваться путевками в дома отдыха и санатории в наиболее благоприятный летний период. В целом качественная организация отдыха работников позволяла более эффективно повышать их уровень трудоспособности, а экономленные средства от уменьшения выплат по больничным листкам могли направляться на дальнейшее улучшение работы в этом направлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Железная дорога Беларуси: История и современность / В.Г. Рахманько [и др.] ; под общ. ред. В.Г. Рахманько. – Мн. : ОДО “Триолета”, 2001. – 488 с.
2. Этапы большого пути. 125 лет Белорусской железной дороге / под общ. ред. Е.И. Володько. – Мн. : ДЦНТИ, 1996. – 146 с.
3. Докладная записка о работе райпрофсожа Витебского отделения Западной железной дороги по состоянию на 1.01.1945 г. Витебский обком КПБ // Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Фонд 1. – Оп. 1. – Д. 424.
4. **Добромудров, С.** Профсоюзную работу – на уровень новых задач / С. Добромудров // Речник Белоруссии. – 1949. – 15 января. – С. 2.
5. **Кацяш, Г.** Стальные магистралі рэспублікі / Г. Кацяш. – Мн. : Дзяржаўнае выдавецтва БССР, 1957. – 50 с.
6. Документы к протоколам; №№ 2, 4, 5 заседаний комиссии по транспорту и связи. 18.07.1967. – 2.07. 1968 г. Верховный Совет БССР // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 968. – Оп. 1. – Д. 862.
7. **Чукович, В.** Человек за рулем / В. Чукович // Советская Белоруссия. – 1970. – 28 января. – С. 2.
8. Переписка о строительстве и ремонте дорог, работе железнодорожного, автомобильного, водного и воздушного транспорта. 5.01. – 31.12.1967 г. Могилевский облисполком // Государственный архив Могилевской области (ГАМО). – Фонд 7. – Оп. 5. – Д. 1351.
9. Протоколы заседаний партийных собраний первичной парторганизации при Витебском трамвайном управлении. 1966 – 1967 гг. // ГАВО. – Фонд 384. – Оп. 1. – Д. 54.
10. Материалы о недостатках в работе с кадрами в Минском управлении магистральных газопроводов. 18.03. – 26.05.1971 г. КНК БССР // НАРБ. – Фонд 911. – Оп. 7. – Д. 62.
11. **Румов, С.** Отдыхают и лечатся / С. Румов // Советская Белоруссия. – 1975. – 2 апреля. – С. 2.
12. Переписка по вопросам работы транспорта. 1976 г. Гомельский облисполком // Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Фонд 1174. – Оп. 8. – Д. 694.
13. Документы о работе постоянной комиссии областного совета народных депутатов 21 созыва по промышленности, энергетике, транспорту и связи за 1990 – 1992 гг. Т. 1 : Брестский облисполком // Государственный архив Брестской области (ГАБО). – Фонд 815. – Оп. 10. – Д. 3280.
14. **Татур, Е.** Приезжайте отдыхать! / Е. Татур // Транспорт Белоруссии. – 1990. – 24 февраля.

Поступила в редакцию 16.09.2010 г.

УДК 930.22; 949.67. 088, 949.71.088

Ю.С. ПАВЛОВЕЦ

СССР И АЛБАНСКИЙ ВОПРОС В ПРОЦЕССЕ ПОСЛЕВОЕННОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ (1945 – 1946 гг.)

Статья раскрывает основные направления политической борьбы СССР на первой и второй сессиях Совета министров иностранных дел пяти великих держав – США, СССР, Китая, Великобритании и Франции, а также на Парижской мирной конференции 1946 г. за признание Народной Республики Албания в качестве равноправного члена мирового сообщества. В процессе послевоенного урегулирования албанский вопрос превратился в достаточно важную проблему международных отношений, став одной из причин углубления геополитического раскола мира на два противоборствующих лагеря.

Введение

Окончание Второй мировой войны ознаменовало начало этапа формирования системы международных отношений, основанной на принципе мирного сосуществования. Однако в этот же период начали складываться предпосылки для геополитического раскола мира на два противоборствующих лагеря – прозападный и просоветский.

В набравшем силу противостоянии между Востоком и Западом вопрос международного признания родившейся в годы войны Народной Республики Албания (НРА) и ее места в мировой системе не мог оставаться нерешенным. Однако негативное отношение англо-американских союзников к политическим и социально-экономическим процессам, начавшимся в Албании, стало непреодолимым препятствием на пути включения республики в процесс послевоенного урегулирования.

Основная часть

Проходившая осенью 1945 г. в Лондоне первая сессия Совета министров иностранных дел пяти великих держав – США, СССР, Китая, Великобритании и Франции – должна была обсудить проблемы мирного урегулирования послевоенной Европы и началась с подготовки мирного договора с Италией [1, с. 255]. Однако уже на первых заседаниях среди министров и их заместителей по ряду вопросов выявились острые разногласия. Одним из камней преткновения стала проблема приглашения некоторых стран для обсуждения текста мирного договора. Уже на втором заседании был поставлен вопрос о принятии американского проекта “Процедуры подготовки договора с Италией”, в котором говорилось: “...те члены Объединенных Наций и другие страны, которые подверглись нападению со стороны Италии и которые не представлены в Совете, а именно – Югославия, Греция, Албания и Эфиопия, будут приглашены на заседание Совета министров иностранных дел для устного обсуждения особо затрагивающих их аспектов итальянского вопроса...” [2, л. 49]. В своем первоначальном виде проект не предусматривал приглашение Албании как страны, подвергшейся нападению Италии. В нем были указаны лишь Югославия, Греция, Австралия, Новая Зеландия, Индия и Южно-Африканский Союз [2, л. 4]. Уже на первом и втором заседаниях заместителей министров, куда был направлен на рассмотрение данный проект, советской стороной был поднят вопрос о необходимости участия в сессии Албанской Республики [2, л. 36]. Делегация

СССР имела четкие инструкции Кремля: “Если союзники внесут предложение о приглашении на Совет министров тех или иных правительств... то мы можем либо просто отклонить это предложение либо, в свою очередь, предложить пригласить дополнительно представителей тех стран, в присутствии которых на Совете мы заинтересованы...” Предполагалось, что союзники могут пригласить Эфиопию и Грецию, а СССР – Югославию и Албанию [3, л. 11]. Однако данное предложение не было принято США и Великобританией. На 3-м заседании Совета глава советской делегации Молотов был вынужден отказаться от своего предложения и согласиться на то, что “приглашения высказать свое мнение в письменном виде должны будут посланы только странам – членам ООН, находившимся в состоянии войны с Италией” [4, л. 11]. Советский Союз смог лишь добиться участия в обсуждении мирного договора Югославии, обосновав это тем, что “советской делегации трудно обсуждать территориальный вопрос, касающийся Югославии без участия представителя Югославии” [5, л. 18].

Лондонская сессия СМВД закончила свою работу 2 октября безрезультатно: не было подписано ни одного протокола, ни одного совместного коммюнике, не был определен и срок созыва следующей сессии. Совету министров не удалось найти взаимоприемлемых решений по главным вопросам подготовки мирных договоров [6, с. 81]. Стремясь в максимальной степени добиться нужных им результатов в процессе переговоров, главы делегаций пошли на конфронтацию, не учитывая позиции партнеров и не проявляя готовности к сотрудничеству. Дипломатический кризис первой сессии СМВД определил позиции государств в последующих переговорах по мирному урегулированию.

На первой части Парижской сессии Совета министров иностранных дел, состоявшейся в апреле – мае 1946 г., вновь встала проблема не только разработки мирных договоров для стран фашистского блока, но и приглашения на конференцию отдельных стран, в первую очередь Албании, для участия их в обсуждении. 18 апреля посольство Федеративной Народной Республики Югославия в Лондоне отправило на сессию подробное письмо с предложением о приглашении Правительства Народной Республики Албания на Парижскую мирную конференцию. При этом югославы ссылались на приглашение Великобритании, США и Франции, посланное Албании в декабре 1945 г., на Парижскую конференцию по репарациям, “где Албания была признана в качестве союзной державы против Германии” [7, л. 63]. Советская сторона несколько раз поднимала вопрос о рассмотрении югославского предложения (о чем свидетельствуют многочисленные архивные данные), и каждый раз его решение либо откладывалось, либо блокировалось другими участниками сессии, не желавшими никоим образом усиливать позиции СССР в Париже. Лишь накануне самой мирной конференции англо-американские союзники заявили о том, что “не будут возражать против приглашения Албании и некоторых других стран, но не в качестве членов конференции, а в качестве наблюдателей” [8, л. 22]. В некотором плане это заявление можно было считать небольшой победой Кремля, так как стратегическая линия советской дипломатии на Балканах состояла в поддержке тех стран, которые шли в фарватере советской политики, даже независимо от того, на чьей стороне они выступали в годы мировой войны.

Вопрос о приглашении Албании и ее статусе стал одним из наиболее острых на начальной стадии Парижской мирной конференции 1946 г. Уже на ее 6-м пленарном заседании югославская делегация предложила проект решения о приглашении Албании: “Пленум конференции решает пригласить Албанскую Народную Республику на Парижскую конференцию для присутствия на Плену-

мах конференции и Комиссиях, которые будут обсуждать Мирный договор с Италией” [9, л. 213]. Инициативу югославов поддержали все представленные на конференции “народные республики” во главе с Советским Союзом. Представитель СССР А.Я. Вышинский добавил к предложению югославской делегации необходимость приглашения только Албании, но не Мексики и Египта, о которых говорили западные союзники, обосновав это отсутствием их письменных заявлений. Однако реальной причиной был тот факт, что приглашение этих двух стран еще ослабило бы позиции СССР, так как последние поддерживали США и Великобританию. Однако представитель Греции К. Цалдарис заявил о неправомерности приглашения Албании в Париж на основании того, что “только страны – члены Объединенных Наций, которые фактически участвовали в войне с существенными вооруженными силами против вражеских европейских государств”, могут участвовать в конференции, как это было решено в Москве 26 декабря 1945 г. К тому же греческая сторона обвинила албанское правительство в эскалации войны и пособничестве Италии [9, л. 283-288].

Греческое заявление вызвало волну возмущения среди делегаций, ориентирующихся на Советский Союз. Представители СССР, УССР, Польши, Югославии, БССР и Чехословакии на протяжении 8 заседаний неуклонно требовали решения вопроса о приглашении Албании. Приводились примеры заявлений Соединенных Штатов и Великобритании о признании борьбы албанского народа против итальянской оккупации [10, с. 58], о приглашении Албании на конференцию по репарациям в декабре 1945 г. [11, с. 64], о дипломатическом признании союзниками Албанской Республики [9, л. 297]. Союзники в принципе не были против приглашения НРА, тем более что это не могло серьезно повлиять на расстановку сил на конференции, так как прозападной коалиции удалось утвердить процедуру принятия решений простым, а не квалифицированным большинством, что давало ей арифметическое большинство голосов [12, с. 337].

Делегация Великобритании предложила не задерживать работу самой конференции и передать рассмотрение данного вопроса Генеральной Комиссии, которая, к тому же, должна была установить статус самой Албанской Республики, так как многие делегации не могли определить, является ли Албания союзным, вновь образовавшимся или враждебным государством [9, л. 300]. За основание проекта было решено принять предложение Чехословакии: “Конференция приглашает Албанию, чтобы она могла разъяснить свою точку зрения как на пленарных заседаниях, так и в надлежащих комиссиях относительно вопроса мира с Италией, в которых она заинтересована” [9, л. 309]. Однако позже она была дополнена поправками США, которые дали возможность пригласить Мексику, Кубу, Египет, и поправкой Великобритании, требовавшей рассмотреть данный вопрос Генеральной Комиссией: “Конференция решает пригласить Албанию, Мексику, Кубу и Египет, чтобы представить им возможность изложить свои взгляды по вопросам о тексте мирного договора с Италией на пленарном заседании Конференции и в соответствующих комиссиях... Конференция, кроме того, постановляет, что точный порядок, определяющий заслушивания упомянутых выше государств, должен быть установлен Генеральной Комиссией”. Югославская и советская делегации после жарких дебатов были вынуждены согласиться на такую формулировку [13, л. 218]. Греческий представитель заявил свой протест и выступил за то, чтобы по отношению к Албании была принята та же процедура, что и к вражеским государствам. В связи с этим секретариатом конференции было решено, что приглашенные страны останутся, но их представи-

тели не будут участвовать в общих прениях, что вполне отвечало позиции и желаниям западных союзников [13, л. 220].

Глава Албанской Республики Э. Ходжа выступил на двадцать первом заседании Парижской мирной конференции 21 августа 1946 г. В своей речи он привел конкретные факты об ущербе, нанесенном Албании итальянской оккупацией, а также поднял вопрос о территориальной целостности Албании, заявив, что “наши границы являются священными” [13, л. 301]. Выступление не привело к каким-либо кардинальным изменениям в работе конференции, хоть оно и заняло особое место среди подобных речей и рассматривалось Советским Союзом в качестве своей небольшой победы на фоне ряда неудач.

Как было решено ранее, вопрос об Албании был передан на рассмотрение рабочих органов конференции – Экономической комиссии по Италии и Комиссии по политическим и территориальным вопросам по Италии. Именно здесь выработывались решения по основным политическим и экономическим проблемам мирного урегулирования с Италией для их дальнейшей передачи на рассмотрение пленарных заседаний. На 25-м заседании Комиссии по политическим и территориальным вопросам по Италии 25 сентября 1946 г. представитель НРА предложил свои дополнения к выработанным на сессиях СМВД пунктам договора [14, л. 118-129]. Однако вследствие деятельности союзников ни одно из предложений принято не было.

Помимо всего прочего, советская и югославская делегации не смогли отстоять свою точку зрения на получение репараций теми странами, которые в первую очередь пострадали от фашистской Италии. В конечном счете сумма репараций для Албании составила всего 5 млн. американских долларов. Для сравнения: Италия должна была выплатить Эфиопии 25 млн долларов, Греции – 105, Югославии – 125 [15, с. 289].

Заключение

Несмотря на очевидный провал советской дипломатии на Парижской мирной конференции, ставшей ареной первого публичного столкновения двух коалиций, сам факт приглашения Албании на конференцию говорил об укреплении международного признания этой страны на мировой арене. Лишь позднее, после долгой и упорной борьбы за признание прав Албании, которую вели СССР, Югославия и другие страны просоветской ориентации, в феврале 1947 г. она получила статус “присоединившейся державы”, а принятие ее в члены ООН произошло только через десять лет после создания этой организации – 14 декабря 1955 г. [15, с. 270-271].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Павловец, Ю.С.** Албанский вопрос на Первой сессии Совета министров иностранных дел и Советский Союз / Ю.С. Павловец // Проблемы славяноведения : сб. научн. статей и материалов. Вып. 7. / Брянский государственный университет; редкол.: Н.С. Гороховец (гл. ред.) [и др.]. – Брянск, 2005. – С. 254–259. Архив Внешней Политики Российской Федерации (АВПРФ).
2. АВПРФ. – Фонд 0431. – Оп. 1. – П. 1. – Д. 2. Сессия СМВД СССР, США, Великобритании и Франции в Лондоне (1945).
3. АВПРФ. – Фонд 0431. – Оп. 1. – П. 1. – Д. 5. Сессия СМВД СССР, США, Великобритании и Франции в Лондоне (1945).
4. АВПРФ. – Фонд 0431. – Оп. 1. – П. 2. – Д. 10. Сессия СМВД СССР, США, Великобритании и Франции в Лондоне (1945).
5. АВПРФ. – Фонд 0431. – Оп. 1. – П. 5. – Д. 22. Сессия СМВД СССР, США, Великобритании и Франции в Лондоне (1945).

6. **Агафонова, Г.А.** Дипломатический кризис на Лондонской сессии СМВД / Г.А. Агафонова // Сталин и холодная война : сб. статей / Институт всеобщей истории РАН ; редкол.: А.О. Чубарьян (отв. ред.) [и др.]. – М., 1998. – С. 63–81.
7. АВПРФ. – Фонд 0431. – Оп. 2. – П. 1. – Д. 2. Т. II. 2 Сессия СМВД в Париже (1946).
8. АВПРФ. – Фонд 0431. – Оп. 2. – П. 5. – Д. 22. 2 Сессия СМВД в Париже (1946).
9. АВПРФ. – Фонд 0432. – Оп. 1. – П. 1. – Д. 1. – Т. I. Парижская мирная конференция (1946).
10. Белая книга о враждебной политике правительства Народной Республики Албания по отношению к Федеративной Народной Республике Югославия / Институт совр. истории ; сост. М. Штевович – М. : Иностранная литература. – 1961. – 128 с.
11. **Кардель, Э.** Говори на Париској конференциј / Э. Кардель. – Београд : Култура. – 1947. – 125 с.
12. Очерки истории Министерства Иностранных Дел России. 1802–2002 : в 3 т. / редкол.: И.С. Иванов (председ.) [и др.]. – М. : Олма-пресс. – 2002. – Т. 2 : 1917–2002 / А.В. Торкунов (отв. ред.) [и др.]. – 2002. – 624 с.
13. АВПРФ. – Фонд 0432. – Оп. 1. – П. 1. – Д. 1. – Т. I. Парижская мирная конференция (1946).
14. АВПРФ. – Фонд 0432. – Оп. 1. – П. 6. – Д. 12. – Т. II. Парижская мирная конференция (1946).
15. Dokumenti o spoljnoj politici Socijalističke Federativne Republike Jugoslavije, 1946/II / Savezni sekretarijat za inostrane poslove; ured. D. Vučinić. – Beograd : Jugosl. pregled. – Beograd : Jugosl. pregled. – 1985 – 470 с.

Поступила в редакцию 05.04.2010 г.

УДК 282:327.3(450)

А.Ф. ПАДДУБСКАЯ

РУХ СУПРАЦІЎЛЕННЯ Ў ІТАЛІІ І ПАЗІЦЫЯ КАТАЛІЦКАЙ ЦАРКВЫ

У артыкуле разглядаецца пазіцыя каталіцкай царквы да нацыянальна-вызваленчай барацьбы ў Італіі. Аўтарам аналізуецца афіцыйная палітыка царкоўнай іерархіі ў адносінах да руху Супраціўлення, каталіцкі партызанскі рух. Дадзеная тэма не губляе сваёй актуальнасці, бо рух Супраціўлення вызначыў важныя ідэйна-палітычныя зрухі ў італьянскім грамадстве, што прывялі да стварэння новай палітычнай і дзяржаўнай структуры.

Уводзіны

Гісторыя барацьбы супраць фашызму і асабліва яе кульмінацыйны момант – Супраціўленне стала аб'ектам шырокага даследавання.

Да пачатку 1960-х гг. у літаратуры пра антыфашысцкі рух пераважалі працы мемуарнага і публіцыстычнага характару. Але ўжо тады былі акрэслены галоўныя моманты, па якіх сутыкаліся розныя пункты гледжання: чым было Супраціўленне па сваім змесце і характары, у якой меры яно дасягнула сваіх мэтаў?

Для ліберальнага накірунку было характэрна трактаванне фашызму як перапынку ў нармальным развіцці краіны. Супраціўленне разглядалася як ланцужок, што мог звязаць пасляваенную гісторыю Італіі з даваеннай. Падкрэсліваўся народны характар узброенай барацьбы і асабліва – удзел у ёй сялянства. У Супраціўленні бачылася рэалізацыя ўсіх задум лепшых прадстаўнікоў краіны [1, р. 81].

Еўрапейскае трактаванне Супраціўлення, якое падзяляў Дж. Ваккарына, сведчыла пра пераадоленне ў нацыянальна-вызваленчай барацьбе “прынцыпу нацыянальнасцей” у межах будучай адзінай Еўропы.

Каталіцкая гістарыяграфія трактавала рух Супраціўлення неадназначна. Для некаторых яе прадстаўнікоў (Дж. Б'янкі, П. Мальвесціці) была характэрна дэманстрацыя адкрытага непрыняцця “класавай” інтэрпрытацыі Супраціўлення і прадстаўленне яго як “паўстання праз любоў да блізкага чалавека”, натхнёнае “рэлігійна-этычнымі матывамі” [2, р. 34; 3, р. 56]. Іншыя, напрыклад, Дж. Расіні, не ігнаравалі сацыяльны склад удзельнікаў Супраціўлення і вылучалі ролю сялянства, але тлумачылі яе ўплывамі парафіяльных святароў, а народны характар Супраціўлення зводзілі да масавага ўключэння ў яго каталікоў [4, р. 50; 5, р. 149].

У марксісцкай гістарыяграфіі тэма Супраціўлення была прадстаўлена ў працах Л. Лонга, В. Баталы, П. Сек'і, якія трактавалі рух не толькі як нацыянальна-вызваленчую барацьбу, але і як змаганне за сацыяльныя і палітычныя правы [6; 7; 8; 9; 10; 11].

Такім чынам, узніклі разыходжанні адносна таго, ці было Супраціўленне толькі рухам нацыянальна-вызваленчага, патрыятычнага характару і барацьбой за тыя свабоды, якія адняў фашызм, ці таксама і імкненнем да сацыяльнага і палітычнага абнаўлення. Гэтыя думкі выклікалі песімістычную ацэнку вынікаў Супраціўлення, уяўленні пра тое, што яно скончылася не перамогай, а паразай (працы Л. Вальяні, Л. Баса [12; 13; 14]).

У другой палове 1960-х гг. інтэрпрэтацыя Супраціўлення як “няўдалай рэвалюцыі” атрымала новы штуршок развіцця. Рух трактаваўся як сацыяльная рэвалюцыя працоўных, сялян, моладзі, якім здрадзілі палітычныя партыі, што пераследавалі свае мэты [12; 15; 16; 17]. Адказам на такую крытыку з'явіўся далейшы рост даследаванняў на тэму Супраціўлення, дзе раскрывалася арганізуючая роля палітычнага кіравання ўзброенай барацьбой, значнасць палітычных партый. Прасачыць гэта можна ў працах Дж. Амендолы [18].

У 1990-я гг. падыход да гісторыі Супраціўлення стаў больш свабодным ад таго духу рэзкай канфрантацыі, які быў характэрны для ранняй гістарыяграфіі. Прыкметай апошняга часу стала разуменне таго, што перамога над фашызмам з'яўляецца агульнай справай і вынікам дзейнасці розных палітычных партый і накірункаў незалежна ад таго, якія ўзаемадачынненні склаліся паміж імі ў будучым.

Асноўная частка

Пераварот 25 ліпеня 1943 г., бегства караля з Рыма, падпісанне ўмоў перамір'я (3 верасня 1943 г.) і аб'яўленне факту капітуляцыі (8 верасня 1943 г.) прывялі Італію да стану разгубленасці. Канчатковае вызваленне краіны ад фашызму было неаддзельнае ад барацьбы супраць нацысцкай акупацыі (гітлераўская Германія не толькі заняла большую частку італьянскай тэрыторыі: толькі пры яе падтрымцы змагла аднавіцца ўлада Б. Мусаліні). Гэта задача вырашалася ў ходзе руху Супраціўлення. У італьянскай гістарыяграфіі ў паняцце “супраціўленне” ўключаецца і ўся папярэдняя гісторыя антыфашысцкага руху [1, р. 82; 10, р. 12; 11, р. 36; 14, р. 13]. Але ў больш вузкім і дакладным сэнсе Супраціўленне – гэта ўзброеная барацьба, якая пачалася з восні 1943 г.

Часта рух Супраціўлення называюць “другім Рысарджымента” (гэта традыцыя пачалася яшчэ ў перыяд узброенай барацьбы супраць акупацыі). Рысы падабенства былі відавочныя: Італіі зноў прыйшлося адваёўваць сабе свабоду ад іншаземных захопнікаў і пераадоўваць раз'яднанасць розных частак сваёй тэрыторыі. Узнікшая, верагодна спантанна, на ўзроўні народнай гістарычнай свядомасці, гэта аналогія працавала як эфектыўны стымул вызваленчага руху і, у большай ці меншай ступені, выкарыстоўвалася ўсімі палітычнымі партыямі.

Менавіта антыфашысцкія палітычныя партыі былі той сілай, якая ўзяла на сябе адказнасць за фарміраванне агульнанацыянальнага руху Супраціўлення. 9 верасня 1943 г. рымскі Камітэт апазіцыйных партый быў рэарганізаваны ў Камітэт нацыянальнага вызвалення (КНВ), створаны, як падкрэслівалася ў дакуменце, “для таго, каб заклікаць італьянцаў да барацьбы і супраціўлення і вярнуць Італіі месца, якое ёй належыць заняць у супольнасці свабодных нацый” [8, с. 111]. Акрамя партый, якія ўжо склаліся ці завяршалі сваё фарміраванне (хрысціянскія дэмакраты, камуністы, сацыялісты, Партыя дзеяння, лібералы), да КНВ далучылася і партыя дэмакратыі працы, што толькі пачала фарміравацца. Яе лідэр, І. Баномі, узначаліў КНВ.

Разгортванне нацыянальна-вызваленчай барацьбы, што перайшла ў народна-дэмакратычную рэвалюцыю, паклала канец спадзяваннем папскага прастола пра лёгкі пераход ад фашызму да пасляфашысцкага перыяду. Аднак да моманту фарміравання КНВ Ватыкан, які ўжо адмежаваўся ад рэжыму Б. Мусаліні, афіцыйна не далучыўся да руху Супраціўлення, каталіцкая іерархія не аб’явіла пра пачатак актыўнай вызваленчай барацьбы. Праўда, спаслалася на словы Пія XI, сказаныя ў 1937 г.: “...дыктатура не можа быць вечнай, бо сумленне народаў, як і асоб рана ці позна знаходзіць сябе” [19, р. 127] і заняла пазіцыю неўмяшання. Такая пазіцыя каталіцкай царквы можа тлумачыцца страхам перад вызваленчым рухам, перад “перамогай матэрыялістычных тэорый” [7, р. 14] і ўмацаваннем уплыву камуністычнай партыі. У гэтым сэнсе рух Супраціўлення не ўвайшоў неад’емнай часткай у гісторыю царкоўнай палітыкі ў Італіі.

Аднак, па словах гісторыка М.М. Шэймана, гэты быў час, калі “маўчаў папа, толькі не святары” [20, с. 114]. Размовы некаторых святароў пра ўзброенае супраціўленне фашызму вяліся ўжо з лета 1942 г. [16, р. 29; 21, с. 15]. Усе дваццаць месяцаў вызваленчай барацьбы значная частка духавенства і рэлігійныя арганізацыі аказвалі дапамогу і падтрымку пакінуўшым свае часці італьянскім салдатам, якія збеглі з канцэнтрацыйных лагераў, ваеннапалонным, асобам, якіх шукала фашысцкая паліцыя, партызанам. Некаторыя антыфашысты (калі яны не былі камуністамі) знаходзілі прытулак нават у сценах самога Ватыкана [8, с. 263].

Прадстаўнікі ніжэйшага духавенства, парафіяльныя святары, манахі, каталіцкая інтэлігенцыя падтрымлівалі рух Супраціўлення, дапамагалі партызанам, аказваючы медыцынскую дапамогу, бралі ўдзел ва ўзброенай барацьбе і нават у шэрагу месц узначальвалі яе, падтрымліваючы атрады камуністаў і сацыялістаў [22, с. 192].

Шматлікія святары ў Апенінах і Альпах аддавалі царкоўныя памяшканні для партызанскіх складоў зброі. Кс. Аньезі ў П’емонце, напрыклад, ператварыў сваю царкву ў прызыўны пункт 4-й гарыбальдзійскай брыгады, кс. Ганлжэро ў Генуі і ксёндз Дасэці ў Рэджа-Эмільё былі кіраўнікамі Камітэтаў нацыянальнага вызвалення [23, с. 95-96]. Пры гэтым падкрэслівалася, што “калі б ксяндзы не былі “бунтаўшчыкамі”, то сяляне былі б больш лаяльнымі да рэжыму Б. Мусаліні” [24, р. 26].

Удзел духавенства ў вызваленчай барацьбе можна растлумачыць і тым фактарам, што шараговыя святары былі цесна звязаны з патрэбамі простых людзей і іх паводзіны адлюстроўвалі настроі значнай часткі насельніцтва Італіі. Невыпадкова італьянскія фашысты, праводзячы карныя экспедыцыі, не шкадавалі і асоб духоўнага звання, якія падазраваліся ў падтрымцы партызан. Па каталіцкім кры-

ніцам, колькасць загінуўшых ва ўзброенай барацьбе і расстраляных ксяндзоў дасягнула 729 чал. [5, р. 151].

У 1942 – 1943 гг. першыя групы каталікоў сталі ствараць падпольныя арганізацыі, падтрымліваючы даволі сістэматычную сувязь з іншымі ўзброенымі групамі – камуністамі, сацыялістамі і Партыяй дзеяння (партызанскія атрады першапачаткова мелі партыйную афарбоўку, кожная з антыфашысцкіх партый выбірала для іх назвы і сімволіку: камуністы далі сваім атрадам імя Дж. Гарыбальдзі, рэспубліканцы – Дж. Мадзіні, сацыялісты – Дж. Мацэоці, Партыя дзеяння – “Giustizia e Liberta”, хрысціянскія дэмакраты – “Fiamma verole”, лібералы – “L’unita indipendente” [23, с. 153]).

Найбольш актыўныя прадстаўнікі каталіцкага антыфашысцкага руху належалі да груп, якія ў далейшым, пасля вызвалення краіны, гралі даволі нязначную ролю ў палітычным жыцці, а затым і ўвогуле зніклі. Гэта былі хрысціянска-сацыяльная і каталіцка-камуністычная партыі.

Агульная колькасць каталіцкіх атрадаў за першыя месяцы Супраціўлення значна павялічвалася. У Італіі даволі шырока вядомы справы такіх партызанскіх фарміраванняў, як брыгада “Curtatone montaniara” ў Лігурыі, “Fiamma verde” ва Усходняй Ламбардыі, “Beretta” і “Julia” ў Паўночнай Эміліі, “Brigate di Dio” ў Бергама [26, с. 95]; рух, што склаўся ў Паўночнай Італіі вакол падпольнай газеты “Uomo”, міланская палата службыцеляў (з удзелам святароў Д.М. Турольда і К. дэ Піяцц), гурткі ў Каталіцкім універсітэце Сэрца Госпада [27, с. 43].

Аднак неабходна зазначыць, што антыфашызм асобных хрысціянскіх дзеячаў не меў у каталіцкім свеце адзінагалоснае прызнанне. Па меркаванні даследчыкаў, “сярод каталікоў былі актыўныя антыфашысцкія настроі, аднак яны ніякім чынам не адлюстроўвалі пазіцыю царквы” [6, р. 309-318]. Удзел у барацьбе было асабістым рашэннем кожнага.

На хвалі дэмакратычнага пад’ёму пачаўся і працэс станаўлення плюралістычнай партыйна-палітычнай структуры як неад’емнай часткі палітычнай сістэмы дэмакратычнага грамадства.

Барацьба прадстаўнікоў розных палітычных партый і накірункаў (у тым ліку і каталіцкіх) супраць аднаго ворага мела вялікае значэнне для далейшага развіцця Італіі. Менавіта падчас яе была закладзена аснова пасляваеннага супрацоўніцтва хрысціянска-дэмакратычных і левых сіл. Ацэньваючы сумеснія дзеянні камуністаў і каталікоў у часы Супраціўлення, Л. Лонга ў справаздачным дакладзе XI з’езду ІКП гаварыў: “Усім вядома, што гістарычны рух Супраціўлення стаў самым вялікім момантам адзінства ў гісторыі нашай краіны, тым момантам, калі разбурыліся сцены паміж камуністамі і каталікамі” [28, р. 3].

Аднак было б няправільным разумець супрацоўніцтва каталіцкіх сіл (у першую чаргу хрысціянскіх дэмакратаў) з прадстаўнікамі левых партый як пазбаўлены ўсялякіх супярэчнасцей гарманічны працэс “адзінства поглядаў і дзеянняў” [14, р. 58], які “дасягаецца без усялякіх рознагалоссяў” [19, р. 132]. Безумоўна, з улікам традыцый вызваленчай вайны намецілася супрацоўніцтва гэтых партый, хоць амаль усім было зразумела, што змагацца з фашызмам лягчэй, чым дамовіцца пра стварэнне новага італьянскага грамадства. Уся гісторыя партызанскай барацьбы і пасляваеннага перыяду Італіі характарызувалася барацьбой левых партый за магчымасць адыграваць важную ролю ў палітычным жыцці.

Ужо ў 1943 г. узніклі разыходжанні наконт таго, ці з’яўляецца Супраціўленне толькі рухам нацыянальна-вызваленчага, патрыятычнага характару і змаганнем за свабоды, што ліквідаваў фашызм, ці таксама і імкненнем да

сацыяльнага і палітычнага абнаўлення. Даволі значная частка ўдзельнікаў вызваленчай барацьбы (у першую чаргу сацыялісты і камуністы) успрымала рух як імкненне да “сацыяльнага і палітычнага абнаўлення” [13, р. 34], што прывяло да “сектанцтва” і вылучэння неадпаведных рэальным абставінам мэт і лозунгаў.

Частка сацыялістаў імкнулася накіраваць антыфашысцкі рух у рэчышча сацыялістычнай перабудовы Італіі. Партыя дзеяння падчас барацьбы, што патрабавала аб’яднання ўсіх антыфашысцкіх сіл, паставіла пытанне аб замене манархіі рэспублікай, чым унесла рознагалоссе ў шэрагі змагароў (у далейшым з гэтых тэндэнцый вырасла песімістычная ацэнка вынікаў Супраціўлення, уяўленне пра тое, што яно завяршылася “не перамогай, а паразай” [12, р. 42].

Камуністычная партыя накіравала свае намаганні на рэалізацыю мэт, што вынікала з разумення Супраціўлення як рэвалюцыі – не сацыялістычнай, а антыфашысцкай, дэмакратычнай, якая таксама здзяйсняе сацыяльныя змяненні, што перакрываюць шлях адраджэнню фашызму. Акрэсленая ўжо ў дакументах ІКП перыяду Супраціўлення, гэта канцэпцыя была ў разгорнутым выглядзе абазначана на IX з’ездзе партыі (1960 г.). Супраціўленне разглядалася ім як “вялікая дэмакратычная рэвалюцыя, якой Італія ніколі не ведала раней”, дазволіўшая выйграць вызваленчую вайну, ліквідаваўшая фашызм, заклаўшая асновы новай дзяржавы, але так і не завершаная, таму што была перапынёная ў момант, калі падышла да рашэння сваіх асноўных задач (рэформа эканамічнай структуры і інш.).

Хрысціянскія дэмакраты асцерагаліся вынікаў нацыянальна-вызваленчай барацьбы, у ходзе якой левыя партыі маглі захапіць уладу.

Заклучэнне

Такім чынам, нягледзячы на адсутнасць афіцыйнага далучэння Святога прастола да руху Супраціўлення, у вызваленчай барацьбе ўдзельнічалі шырокія каталіцкія колы. На некаторых этапах вайны царква заставалася адной з галоўных цэнтралізуючых сіл у італьянскім грамадстве. Парафіяльныя святары, якія перажылі разам з мясцовым насельніцтвам цяжар вайны, карысталіся высокім аўтарытэтам. Усё гэта стварыла атмасферу даверу да касцёла.

Супрацоўніцтва прадстаўнікоў левых і каталіцкіх сіл у барацьбе супраць фашызму ў перыяд нацыянальна-вызваленчай вайны і павелічэнне ролі левых партый былі характэрнымі асаблівасцямі руху Супраціўлення.

Падчас вызваленчай барацьбы намеціліся рознагалосці паміж прадстаўнікамі розных палітычных накірункаў, якія ў хуткім часе дасягнулі значных пачаў.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

1. **Salvemini, G.** La guerra per bande / G. Salvemini // *Aspetti della Resistenza in Piemonte*. – Torino, 1950. – P. 85–99.
2. **Bianchi, G.** Antifascismo e Resistenza nel problema storiografico / G. Bianchi // *Vita e pensiero*. – 1959. – luglio. – P. 6–9.
3. **Malvestiti, P.** Achtung: Banditi / P. Malvestiti. – Milano, 1960. – 349 p.
4. **Rossini, G.** Il fascismo e la Resistenza / G. Rossini. – Firenze, 1955. – 216 p.
5. **Fabro, M.** Il Cristiano fra due fuochi / M. Fabro. – Firenze, 1967. – 368 p.
6. **Battaglia, R.** Storia della Resistenza / R. Battaglia. – Torino, 1964. – 395 p.
7. **Barbieri, P.** Il travaglio della democrazia italiana / P. Barbieri. – Roma, 1948. – 537 p.
8. **Батталья, Р.** История итальянского движения Сопротивления / Р. Батталья. – М.: Иностранная литература, 1954. – 660 с.

9. Лонго, Л. Народ Италии в борьбе / Л. Лонго. – М. : Иностранная литература, 1951. – 375 с.
10. Secchia, P. Resistenza e Risorgimento / P. Secchia. – Biella, 1959. – 345 p.
11. Secchia, P. I PCI e la guerra di liberazione (1943 – 1945) / P. Secchia // Istituto G.G. Feltrinelli. Annali, anno XII. – Milano, 1973. – P. 36–47.
12. Basso, L. I principe senza scettro / L. Basso. – Milano, 1958. – 389 p.
13. Valiani, L. Dieci anni dopo: 1945 – 1955. / L. Valiani. – Bari, 1955. – 391 p.
14. Valiani, L. Dall'antifascismo alla Resistenza / L. Valiani. – Milano, 1960. – 362 p.
15. Del Garria, R. Proletari senza rivoluzione : a 2 vol. / R. Del Garria. – Milano, 1966. – Vol. 2. – 521 p.
16. Gobbi, R. Operai e Resistenza / R. Gobbi. – Torino, 1973. – 282 p.
17. Quazza, G. Resistenza e storia d'Italia. Problemi e ipotesi di ricerca / G. Quazza. – Milano, 1976. – 288 p.
18. Amendola, G. Lettere da Milano / G. Amendola. – Roma, 1973. – 329 p.
19. Settembrini, D. La Chiesa nella politica italiana / D. Settembrini. – Pisa, 1964. – 268 p.
20. Шейман, М.М. От Пия IX до Павла VI / М.М. Шейман. – М. : Наука, 1979. – 317 с.
21. Филатов, Г.С. Итальянские коммунисты в движении Сопротивления / Г.С. Филатов. – М. : Мысль, 1964. – 224 с.
22. Секкья, П. Роза спустилась в Милан / П. Секкья, Ч. Москателли. – М. : Госполитиздат, 1961. – 403 с.
23. Лисовский, Ю.П. Италия от фашизма к демократии: Трудные пути послевоенной перестройки / Ю.П. Лисовский. – М. : Наука, 1990. – 385 с.
24. Zilani, I. Egoismo e Carita del cbero / I. Zilani. – Roma, 1946. – 276 p.
25. Григорьева, И.В. Италия в XX веке / И.В. Григорьева. – М. : Дрофа, 2006. – 256 с.
26. Лопухов, Б.Р. История фашистского режима в Италии / Б.Р. Лопухов. – М. : Наука, 1977. – 296 с.
27. Маджистер, С. Политика Ватикана и Италия 1943 – 1978 / С. Маджистер. – М. : Прогресс, 1982. – 254 с.
28. L'Unita. – 1966. – № 26 (I). – P. 3.

Поступиў у рэдакцыю 28.01.2010 г.

УДК 94(47+57)“18/19”

А.Б. КУЗНЕЦОВ

ДРЕВНЯЯ РУСЬ КОНЦА IX – X вв. – ПОТЕСТАРНОЕ ГОСУДАРСТВО

Древнерусское государство конца IX – X вв. было государством потестарным, т.е. социально-политическим образованием времени перехода от родоплеменных княжений и союзов племен к феодальному государству.

Его институты и органы еще не стали феодальными, а лишь феодализировались и при этом были опутаны целой сетью элементов родоплеменного строя.

Оно представляло собой политическую форму общества, переживавшего период генезиса, зарождения и становления феодализма.

Потестарное государство – показатель того, что институты родоплеменного строя уже не могут решать тех задач, которые стояли перед древнерусским обществом, а институты феодального строя, в силу своей слабости, еще не могут этого сделать.

Среди нерешенных вопросов истории Древней Руси одним из важнейших является вопрос о том, что представляло собой Древнерусское государ-

ство в первый век своего существования (к. IX – X вв.). От его решения зависит многое при изучении истории Древней Руси этого времени.

Еще в 30-х гг. XX в. известный историк академик Б.Д. Греков выдвинул положение о том, что Древнерусское государство с самого своего возникновения и до середины XII в. являлось раннефеодальным государством, раннефеодальной монархией. Однако уже тогда ряд историков (С.В. Бархушин, С.В. Юшков, В.А. Пархоменко), возражая Б.Д. Грекову, заявили, что хронологически раннефеодальному государству на Руси предшествовало дофеодальное (“варварское”) государство, существовавшее в конце IX – X вв.

Несмотря на это, точка зрения Б.Д. Грекова возобладала и стала общепризнанной.

В 70 – 80-х гг. XX в. эту концепцию попытался оспорить ленинградский историк И.Я. Фроянов. Однако он впал в другую крайность. Если Б.Д. Греков модернизировал историю Древней Руси, то И.Я. Фроянов архаизировал ее и тем самым обрек себя на неудачу.

К концу XX в. становится очевидно, что грековская концепция истории Древней Руси постепенно превращается в тормоз развития киевистики. Поэтому и предпринимаются попытки ее пересмотра. Ряд историков (Н.Ф. Котляр, Е.А. Мельникова и в определенной степени М.Б. Свердлов) все более склоняются к мысли о дофеодальном характере Древнерусского государства конца IX – X вв. [1; 2; 3]. Однако они ограничились лишь указанием на некоторые единичные черты его и не пытались дать сколько-нибудь развернутой характеристики древнерусской государственности интересующего нас времени. Попыткой такой характеристики и является данная статья.

К концу IX в. восточнославянское общество достигло такого уровня экономического, социального, политического развития, которое позволяло ему выйти из родоплеменного, первобытнообщинного строя и подняться на более высокую ступень своего исторического развития, каковым и является феодализм.

Однако переход от родоплеменного к феодальному строю не мог произойти мгновенно. Для этого восточнославянское общество должно было пройти достаточно продолжительный путь, чтобы ликвидировать элементы родоплеменного строя и одновременно сформировать элементы строя феодального. Иначе говоря, оно должно было пройти этап феодализации, период генезиса феодализма. Этот процесс не мог происходить в рамках родоплеменной организации – племенных княжений, союзов племен и т.п., ибо они просто не могли решить те весьма сложные задачи, которые стояли перед восточнославянским обществом.

Появилась необходимость формирования государственного механизма, пригодного для этих целей. Однако его создание требовало времени, на протяжении которого институты родоплеменного строя сошли бы с исторической арены и на их месте появились бы государственные институты в строгом смысле этого слова. При этом государственность, шедшая на смену родоплеменной системе, должна была пережить процесс своего становления в рамках переходного типа государства, которое являлось бы политической формой древнерусского общества периода генезиса феодализма.

Историки и историки государства 30 – 60-х гг. XX в. называли его дофеодальным, “варварским” государством. Сегодня они дали ему название **потестарного** государства.

Потестарное государство – это такое раннесредневековое государство, в котором основные политические институты еще не приняли феодального ха-

рактера, а лишь идут по этому пути. При этом нарождающиеся феодальные институты опутаны достаточно густой сетью элементов родоплеменного строя.

По справедливому замечанию российского историка М.Б. Свердлова, “потестарное государство было переходной общественно-политической организацией, развивающейся от племенных и межплеменных союзов к государству с его основанными институтами – княжеской публичной властью, податной системой, территориальным делением, системой права и войском” [3, с. 120].

Потестарное государство возникает для решения целого ряда важных и сложных задач: 1. Преодоление еще значительных элементов родоплеменного строя. 2. Объединение воедино восточнославянских племен. 3. Создание условий для зарождения и развития феодальной системы. 4. Способствование консолидации знати Древней Руси, обеспечение лучших условий ее благосостояния. 5. Формирование государственной системы Древней Руси. 6. Создание международных условий развития Древней Руси. 7. Содействие более успешному социально-экономическому развитию регионов Древней Руси. Ни одна из этих задач не могла быть решена в рамках союзов племен и племенных княжений. Это было под силу лишь государству.

Для потестарного государства характерен целый ряд черт, которые и составляют его внутреннее содержание.

Образование территории такого государства происходит путем прямого захвата государствообразующим регионом других территориальных единиц, их подчинения и распространения на них своей власти и системы разного рода повинностей. В такой ситуации держать своих подданных в узде, повиновении может лишь весьма сильный центр, в руках которого имеется достаточная сила для поддержания своей власти. Но стоит по каким-то причинам власти центра ослабнуть, как разворачиваются центробежные процессы и киевским князьям приходится начинать фактически сначала покорять вырвавшихся из-под их власти. Только силой меча удастся справиться с ситуацией.

Важной чертой Древнерусского государства конца IX – X вв. было то, что оно не представляло собой иерархии феодальных сеньорий, основанных на вассальности, что характерно для феодальной государственности, а было комплексом весьма слабо связанных между собой земель, находящихся на разных стадиях своего социально-экономического развития. Каждая такая политическая единица жила своей внутренней жизнью, была связана с Киевом лишь выплатой дани и иных сборов и обязана была выставлять вооруженных людей для внешнеполитических мероприятий великого киевского князя. Такое положение приводило к тому, что Древнерусское государство к IX – X вв. представляло собой федерацию отдельных земель.

На местах сейчас была велика роль местных элит – “великих и светлых” князей. Они обладали значительной властью, большим авторитетом и влиянием, опирались на поддержку местного населения, располагали своими дружинами. Местная знать была готова подчиняться киевскому князю и поддерживать его, но до тех пор, пока он не затрагивал и не нарушал ее интересов. В противном случае они вступали в борьбу с ним. Это испытал на себе великий киевский князь Игорь в Древлянской земле в 945 г.

Местная элита играла немаловажную роль и во внешней политике Древнерусского государства конца IX – X вв. Участвуя в военных предприятиях Киева, они получали немалые выгоды для себя. Добыча, контрибуция, пленные – всем этим первые киевские князья не обносили местную знать, способствуя ее обога-

щению. Русско-византийские договоры 911 и 944 гг. заключены от имени не только киевских князей, но и “великих и светлых князей”, сидевших “под рукой” киевских правителей. Это вполне объяснимо. Без активной и широкой поддержки местной элиты, лишь опираясь на свои силы, киевские князья не могли добиться успехов в своих военных предприятиях [4, с. 37; 5, с. 274]. На протяжении X в. великие киевские князья стремились изменить такое положение, постоянно ведя наступление на местные правящие элиты, либо уничтожая их, либо подчиняя их себе и привлекая на свою службу.

В конце IX – X вв. глава государства, великий киевский князь, – еще не верховный сюзерен феодального времени, стоящий на самом верху иерархической лестницы. Он прежде всего – военный вождь, призванный обеспечить удачное проведение военных мероприятий, закрепив это международными договорами. Если он это не делает успешно, то положение его становится шатким. Что же касается административных судебных и иных функций, то они подчинены первой [6, с. 134-153].

В управлении государством великому киевскому князю помогает не феодальный совет, курия наиболее влиятельных и крупных феодалов, а совет, который состоит из родоплеменной знати, родственников главы государства и верхушки дружины. Именно он принимает важные решения по внутри- и внешнеполитическим вопросам жизни Руси того времени. В своей деятельности великий князь киевский опирается на него и в значительной мере зависит от него [15, с. 184-191; 16, с. 217-219].

Одной из черт древнерусской государственности изучаемого времени является ее “дружинный” характер. Это означало, что в этот период дружина выполняла не только военные функции – подчинение новых земель и охрану границ, но и осуществляла административное управление, сбор налогов и многое другое. Именно из ее среды выделяются не только воеводы, но и администраторы типа Свенельда. У первых киевских князей еще не было такого разветвленного и дифференцированного аппарата, в руках которого можно было бы сосредоточить разного рода административные и иные функции, превратив дружину лишь в военную организацию. Это время наступит позже [1, 2, 5]. Такое положение вело к тому, что военно-дружинная знать являлась основной социальной опорой великого киевского князя. Он стремился проводить политику государства прежде всего в ее интересах. Если он получил ее поддержку, то на престоле сидел прочно, если нет – его положение было шатким.

Если присмотреться к государственной машине Руси конца IX – X вв., то следует согласиться с тем, что она была еще весьма примитивной. Законодательная, исполнительная и судебная власти еще не отделились друг от друга. Органы власти и управления в центре и на местах переживают время своего становления. Они малочисленны, имеют достаточно элементарную структуру, слабо дифференцированы и поэтому не могут успешно контролировать всю территорию страны. Их задача – скорее организовать сборы с населения в княжескую казну, нежели многоплановая и сложная работа по управлению своей территорией. Но они постепенно развиваются, совершенствуются.

Важной чертой Руси конца IX – X вв. является родоплеменное деление ее общества. На страницах летописей действуют древляне, поляне, северяне, радимичи и др. Лишь с конца X в. мы сталкиваемся с административно-территориальным делением: киевляне, черниговцы, новгородцы и др. Родоплеменные связи сменяются территориальными.

В правовом плане для Руси конца IX – X вв. характерно господство обычного права. Общество еще не развилось настолько, что отношения внутри него должны регулироваться писаным правом. Если таковое уже и возникает, то оно имеет вид варварских правд – правовых памятников переходного периода от родоплеменного к феодальному строю. Лишь во внешнеполитической сфере возникают первые писанные памятники [4, с. 218-237].

Важной чертой Древней Руси конца IX – X вв. является то, что в данное время государственной религией ее выступает язычество. Возникнув в глубине родоплеменного строя, оно обслуживало восточнославянские общества на протяжении многих столетий, отвечая его характеру. Лишь в конце X в. язычество, в связи с изменениями в славянском обществе, уступило свое место христианской религии.

Наконец, что касается внешней политики, то она носит грабительский характер. Походы, которые совершали первые киевские князья на другие страны, должны были не территориально расширить Древнерусское государство (в этом они не видели необходимости), а обеспечить материальное благополучие древнерусской знати, еще не осевшей на землю и превратившейся в феодалов. Эти походы должны были дать ей богатства в виде военной добычи, контрибуции и пленных рабов [7, с. 36-128; 8, с. 184].

Подводя итоги сказанному выше, необходимо отметить следующее.

1. Потестарное государство на Руси конца IX – X вв. – историческая реальность, с которой постоянно сталкивались жители Древнерусского государства этого времени.

2. Потестарное государство – политическая форма общества, в котором идет генезис феодализма, а поэтому является переходным типом государства от родоплеменной организации к феодальной государственности.

3. Возникновение потестарного государства – показатель того, что институты родоплеменного строя становятся все менее эффективными и уже не могут решать те новые задачи, которые стоят перед восточнославянским обществом, а феодальные институты еще не могут этого делать в силу своей молодости и слабости.

4. Важнейшая задача потестарного государства – расчистить путь и подготовить условия для перехода восточнославянского общества на рельсы феодализма.

5. Потестарное государство на Руси конца IX – X вв. – закономерный этап в истории ее государственности.

Потестарное государство Древней Руси имеет свою историю, периодизацию: 1) конец IX – первая четверть X в. – зарождение и становление потестарного государства; 2) 20-е гг. – середина 40-х гг. X в. – его расцвет; 3) середина 40 – 70-х гг. X в. – разложение потестарной системы; 4) середина 70-х – начало 80-х гг. X в. – ее кризис.

К концу X – началу XI вв. в древнерусском обществе произошли серьезные изменения. Завершался период генезиса феодализма и все более явно вырисовывались контуры раннефеодального общества. Теперь вставали более сложные и масштабные задачи, решить которые в рамках потестарного государства было невозможно. Для этого требовалась новая, более высокая форма государственности – раннефеодальное государство, раннефеодальная монархия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Котляр, Н.Ф.** Древнерусская государственность / Н.Ф. Котляр. – СПб., 1998. – 443 с.
2. **Мельникова, Е.А.** К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе / Е.А. Мельникова // Древнейшие государства Восточной Европы. – 1992/93. – М., 1995. – С. 27-59.
3. **Свердлов, М.Б.** Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII в. / М.Б. Свердлов. – СПб., 2003. – 735 с.
4. **Петров, И.В.** Государство и право Древней Руси (765 – 890 гг.) / И.В. Петров. – СПб., 2003. – 465 с.
5. **Шепард, Д.** Начало Руси. 750 – 1200 гг. / Д. Шепард, С. Франклин. – СПб., 2000. – 622 с.
6. **Фроянов, И.Я.** Киевская Русь. Очерки социально-политической истории / И.Я. Фроянов. – Л. : ЛГУ, 1980. – 255 с.
7. **Пашуто, В.Т.** Внешняя политика Древней Руси / В.Т. Пашуто. – М. : Наука, 1968. – 423 с.
8. **Шинаков, Е.А.** Образование Древнерусского государства. Сравнительно-исторический аспект / Е.А. Шинаков. – Брянск, 2002. – 484 с.

Поступила в редакцию 18.03.2008 г.

УДК 303.446.4

Г.М. ЛАБОХА

ПЕРИОДИЗАЦИЯ ТВОРЧЕСТВА Ж. ДЕРРИДА

Обозначена проблема периодизации философско-литературного наследия французского философа-семиотика Ж. Деррида. Приведена краткая характеристика трех периодов творчества автора. Представлен историографический обзор как известных классических работ Деррида “О грамматологии”, “Письмо и различие”, так и менее известных, как, например, “Призраки Маркса”. Содержание текстов Деррида рассмотрено в соответствии с периодизацией его творчества. Рассмотрена специфика и смысловое содержание “поэтического мышления” автора, а также эволюция общественно-политических взглядов в переломных произведениях философа.

Введение

Жак Деррида считается одним из интеллектуальных лидеров 80 – 90-х гг., идеи которого стали основой концептуальных источников постмодернистской эстетики. Как представитель постструктуралистского варианта постмодернизма, Деррида подверг критике метафизический способ мышления и предпринял попытку преодоления метафизики, с которой отождествлял всю европейскую религиозно-философскую традицию.

Метафизическая традиция критикуется французским философом за понимание “бытия как присутствия”, предполагающее наличие основы, начала, центра; за репрессивный тип мышления в бинарных оппозициях, где один из терминов занимает привилегированную позицию; за вульгаризацию в осмыслении таких понятий, как “история”, “время” и многое другое.

Для преодоления метафизической традиции предлагается иное, “языковое”, прочтение философских проблем, основанное на возможности бесконечного расшатывания, прежде всего, устоявшихся языковых стереотипов, поиска новых смыслов и значений, которые могут содержаться не только во всей системе текста как некоторой смысловой целостности, но и в отдельных словах и выражениях.

Очень трудно говорить о периодизации творчества Деррида. В его первой получившей широкую известность статье 1966 г. “Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук” содержались в краткой форме практически все те темы, которые он разрабатывал всю свою дальнейшую жизнь [1]. Впрочем, с большей или меньшей степенью определенности можно выделить три периода в творчестве французского философа-лингвиста:

- 1) первая половина 1960-х – начало 1970-х гг.;
- 2) 1974 – начало 1980-х гг.;
- 3) 1980-е – начало 2000-х гг.

Основная часть

В период с начала 60-х вплоть до начала 70-х гг. вышли первые шесть книг Деррида, в которых была сформулирована доктрина зрелого постструктурализма (“О грамматиологии” (1967); “Голос и феномен” (1967); “Письмо и различие” (1967); “Поля философии” (1972); “Рассеивание” (1972); “Позиции” (1972)). Более того, в философский и даже газетный язык был введен ряд таких важных понятий, как деконструкция, письмо, дифферанс, след и т.д.

1962 год можно считать годом рождения Деррида как независимого философа: он опубликовал свою первую серьезную работу – перевел “Происхождение геометрии” Гуссерля, снабдив перевод своим введением, по сравнению с которым небольшой по объему труд Гуссерля почти потерялся в книге [2, с. 10]. Именно в заочном споре с Гуссерлем на страницах введения к “Происхождению геометрии” были заложены основы всей философской позиции Деррида. Французского мыслителя не интересует “философия” как таковая, его задача заключается скорее в критике философии, “исследовании самой возможности философствования”. Он ставит под вопрос сами основы философии и ее способность функционировать на своих же собственных условиях.

Имя Деррида стало известным и даже знаменитым в мировой философии в 1967 г., когда практически одновременно вышли три его работы “Голос и феномен”, “Письмо и различие” и “О грамматиологии” [1].

В своей работе “Письмо и различие” (1967) Деррида подвергает критике родоначальника французской философской мысли рационалиста Декарта (XVII в.). Декарт пытался найти высшую интеллектуальную истину при помощи рассуждения. Начал он с систематического сомнения, чтобы отбросить ненужное, и в результате оказалось, что ничего нельзя утверждать с точностью. В конце концов, Декарту удалось найти то единственное, в чем он не мог усомниться. Это знаменитое утверждение “*Cogito ergo sum*” (“Мыслю, следовательно, существую”). Мир может обманывать, как хочет, но усомниться в том, что мыслишь, невозможно. Деррида, в свою очередь, с этим не согласился. Он пришел к выводу, что философ эпохи Нового времени был просто не в состоянии “выйти” за рамки языка, которым мыслит, языка со всеми его скрытыми предпосылками и структурой, ограничивающей и искажающей мысль. Сама динамика и способность к развитию языка в значительно большей мере способны завести мысль на ложный путь, нежели ошибки чувственного восприятия. Согласно Деррида, противоречия “...заложены непосредственно в сущности и идее языка, языка в самом широком смысле слова” [3, с. 54]. Например, только грамматика и не что иное заставила Декарта прийти к выводу: “Мыслю, следовательно, существую”.

В другом классическом труде данного периода “О грамматиологии” (1967) Деррида разрабатывает понятия, ставшие впоследствии основополагающими для

его критической мысли. “О грамматологии” сразу же стала наиболее известной из трех опубликованных работ молодого французского философа, которого ранее знали преимущественно как переводчика текстов Гуссерля [4]. В своей ранней работе Деррида сформулировал практически все основные положения своей системы взглядов, составившие впоследствии “обязательный канон” теории постструктурализма: идея децентрации структуры, идея “следа”, критика многозначного понятия “наличие” и концепции “целостного человека”, а также утверждение ницшеанского принципа “свободной игры мысли” и отрицание самой возможности существования какого-либо первоначала, “первопричины”. Именно в книге “О грамматологии” была впервые развернута – и концептуально, и эмпирически – та стратегия деконструкции, которая потом оказалась преобладающей в его творчестве. На страницах этого произведения Деррида жестко трактует Соссюра и Леви-Стросса, показывая неувязки и противоречия их концепций и даже упрекая их (что случается у него крайне редко) в “ненаучности”, вторгаясь тем самым на “чужую” территорию [2, с. 21]. И одновременно с этим он видел в структурализме естественный и необходимый жест – критическое беспокойство культуры по поводу языка. Содержание текста “О грамматологии” Деррида построено на многочисленных крайностях. Есть фразы длиной по две с половиной страницы, а есть – с рваным синтаксисом: фраза “буксует”, не хочет выстраиваться, и ее приходится заново начинать, чтобы как-то продолжить. Любое слово в принципе может приобрести статус понятия и одновременно ритмически повторяющегося лейтмотива. В тексте много цитат и цитатных переключек. Важен в нем и принцип осторожности: он обычен у французских авторов, но в данном случае мощно усилен. Оговорки типа “так называемый” могут относиться к чему угодно – от вполне осязаемых вещей до абстрактных понятий (вроде “так называемый XVIII век”). Это, конечно, связано с подкопом под установившиеся смыслы и под привычные предпосылки этих смыслов. В тексте огромное количество субъективирующих оговорок типа “как нам кажется...” Много слов в кавычках – это значит, что все слова чужие и значат не то, что в словаре, а что именно – неизвестно [5].

Представление о возможности отождествления письменного знака со знаком как таковым становится предметом подробного рассмотрения в работе Деррида “Голос и феномен”. Формальная сущность означаемого, по Деррида, есть присутствие и привилегия его близости к Логосу как звуку, есть привилегия присутствия [2, с. 56].

Каждая последующая работа Деррида – это яростный протест против ясности в языке. Многослойность и загадочность текстов Деррида – это зеркальное отражение сложности его личности. Как у почтовой открытки, у его философии и у него самого две нераздельно сросшиеся, образующие одно целое стороны. Многочисленные неологизмы, метафоры, символы, словоупотребление вне обычного контекста как бы отстраняют французский язык, придают ему лукавую “иностранность”. Он мыслитель-европеец, наследник, реинтерпретатор и оппонент линии Платона, Декарта, Гегеля и Гуссерля. В то же время Деррида был обладателем еврейского духовного наследия, составлявшего глубинный конститутив его творчества [3]. Сам философ обращается к текстам Гераклита, Сократа, Платона, Аристотеля, Руссо, Гегеля, Канта, Ницше, Фрейда, Гуссерля, Хайдеггера, Барта, Леви-Стросса, Фуко, Лиотара, де Мана, Альтюссера, Витгенштейна, Фейерабенда, а также произведениям литературного авангарда – Малларме, Арто, Батая, Жабеса, Понжа, Джойса, Целана, Соллерса и других, посвящая их исследованию многочисленные книги и статьи [4].

В 1972 г. он опять написал три книги. Это были “На полях философии”, “Позиции” (сборник интервью) и “Диссеминация” [6, с. 36]. Последняя работа (“Диссеминация”) ясно демонстрировала, какое направление приняла мысль Деррида в последние годы этого периода. Основной темой “Диссеминации” вновь становится тезис о невозможности для текста обладать единственным закрепленным за ним смыслом. Противостоять напору различия значений, игры слов, ассоциативной многозначности и тому подобным элементам невозможно. Все это приводит к диссеминации значений и разных интерпретаций [2, с. 84]. Предметом особого внимания Деррида становится тот факт, что слово “диссеминация” переключается с древнегреческим “сема” – значение (отсюда произошло современное понятие “семантика”). Как гордо признается сам автор, опережая задаваемых критиков, текст этот является “недешифруемым” и “нечитаемым”. Деррида здесь достигает апофеоза “текстуальности” – так он называет бесконечную игру на различиях в значении, ассоциациях, неразрешимостях и тому подобном до полной потери смысла.

В сборнике своих интервью “Позиции” Деррида разрабатывает концепцию “говорящего сознания”, замкнутого на себе, служащего только себе и занятого исключительно логическими спекуляциями самоосмысления.

Второй период обозначен границами 1974 – началом 1980-х гг. Начиная с “Гласа” (1974) и до “Почтовой открытки” (1980) происходит некоторая переориентация политических и, соответственно, философских если не позиций, то пристрастий французского ученого [7]. С одной стороны, он пытается освоить более широкий тематический материал экзистенциальной направленности, с другой, отходит от политического индифферентизма и начинает придерживаться левых убеждений. Любопытное замечание в связи с этим делает Кристофер Батлер, который подчеркивает, что в поздних работах Деррида (например, в “Почтовой открытке”) появляется значительно более заметная, чем раньше, “озабоченность экзистенциальными темами ответственности за чью-либо жизнь” [8]. Также Деррида густо уснащает свои тексты немецкими, греческими, латинскими, иногда древнееврейскими словами, выражениями и философскими терминами, терминологической лексикой, специфичной для самых разных областей знания. Французский философ обращается к анаграммам, черновикам, конспектам, подписям и шрифту, маргиналиям, сносам. Недаром его оппоненты обвиняли в том, что он пишет на “патагонском языке” [9]. Достаточно вспомнить Ортегу-и-Гассета, Хейзинга и Хайдеггера с его “игрой” в произвольную этимологию, чтобы сказать, что пристрастие Деррида к “игровому принципу” – отголосок весьма распространенной в XX в. культурологической позиции [10].

Пафос творчества Деррида по своему нигилистическому духу откровенно регрессивен: ученый не столько создает “новое знание”, сколько сеет сомнения в правомочности “старого знания”. Он “аннотатор” и комментатор по своей сути, по самому способу своего философского существования, что иногда вызывает впечатление паразитирования на анализируемом материале. Философ отказывается от интерпретации текста как сугубо лингвистического феномена (“в смысле устной или письменной речи”), распространяет понятие текста и на неязыковые семиотические объекты, на весь мир, рассматриваемый в категориях текста и, таким образом, “текстуализируемый” [11, с. 185]. Неудивительно, что именно в сфере литературоведения влияние Деррида было особенно большим и широкомасштабным, явно не сравнимым с тем положением, которое он вплоть до середины 70-х гг. занимал в философии. Более того, именно интерес, питаемый к

нему со стороны литературных критиков, и превратил его в “фигуру влияния” на западном интеллектуальном горизонте.

Непосредственным образцом “деконструктивной работы” Ж. Деррида служит его критическое истолкование философии Гегеля. Оно изложено в ряде работ (“Похоронный звон”, 1974; “Глас”, 1974; “Почтовая открытка: от Сократа к Фрейдю и далее”, 1980) [1]. Среди вышеперечисленных текстов Деррида наиболее ярким примером применения логики представляется его “Глас” с тремя колонками текста на каждой странице. В первой колонке анализируется философия семьи Гегеля, вторая колонка посвящена комментариям по поводу этой концепции и собственной трактовке философии семьи Жаном Жене, а в третьей колонке Деррида дает свои комментарии к концепциям Гегеля и Жене, комментарии комментариев Жене и свои собственные интерпретации обсуждаемых проблем. Суть этой логики заключается в особом подходе к понятиям и концептам, в необычном способе категориальной трансформации [12, с. 138]. На страницах “Гласа” Деррида открывается в постоянном стремлении уточнить свою мысль всевозможными корректировками, дополнениями прямого и косвенного значения слов, бесчисленными цитатами и тут же следующими разъяснениями, обращением к авторитету словаря до такой степени, что многие страницы его произведений напоминают словарные статьи.

Кристофер Норрис, один из самых благосклонных критиков Деррида, выразился следующим образом о содержании “Гласа”: «“Глас” – это не книга, во всяком случае, не в общепринятом смысле слова. Унифицирующий принцип данного труда заключается в постоянных отсылках на какой-то привилегированный источник авторской интенции». С другой стороны, набор и печать этой не-книги осуществлялись согласно очень определенной интенции привилегированного автора. В тексте использовались целых четыре вида шрифтов (по одному на каждую колонку, один для выделенного текста, еще один для цитат), не говоря уже о частом курсиве, абзацах по-немецки, древнегреческих и латинских словах. По оригинальному макету объем этой не-книги должен был составлять ровно 100 кубических дюймов. Каждая страница представляла собой квадрат в 10x10 дюймов, соответственно, в один дюйм толщиной. Комментарии французских наборщиков, привыкших работать в сантиметрах, наверняка бы привели в восторг самого Жене [1].

Большинство исследователей творчества Деррида полагают, что следующая эпохальная работа философа вышла в 1980 г. Называлась она “Почтовая открытка: от Сократа к Фрейдю и далее” [7]. Текст начинается с эссе о “почтовом принципе”. Почтовый принцип, по мнению Деррида, гораздо важнее фрейдовского “принципа удовольствия”, с его помощью можно объяснить всю историю западноевропейской метафизики “от Сократа к Фрейдю...” Когда мы отправляем открытку или вообще некое послание, мы что-то отдаем, но в то же время воздерживаемся от акта отдавания.

Большое внимание уделяется тому, что слова, обозначающие во французском пишущего (*destinateur* – франц. отправитель) и получателя (*destinataire*), связаны по происхождению со словами “судьба” (*destiny*) и “направление”, “пункт назначения” (*destination*). Ранее, рассуждая на эту же тему, Деррида пришел к такому выводу: “...письмо всегда может не дойти до пункта назначения... структура письма такова, что всегда способна на недоставление”. Большая часть труда посвящена рассмотрению психоанализа [2, с. 52].

В работах третьего периода творчества Деррида (1980-е – начало 2000-х гг.) левизна его взглядов стала просматриваться наиболее отчетливо [4]. Француз-

кий исследователь выступил с резким осуждением консерватизма и высказался о своих симпатиях к “открытому марксизму”. В традициях французской “ангажированной мысли” (Ж. Сартра, М. Фуко) Деррида полагал, что интеллектуал должен активно участвовать в жизни общества и быть политической фигурой. Содержание поздних работ Деррида (“И подписано: Понж” (1988); “Дар смерти” (1992), “Апории” (1992), “Призраки Маркса” (1993); “Местопребывание. Морис Бланшо” (1998) и др.) отделяет философию от логики и естествознания и сближает ее с риторикой, гуманитарным знанием и искусством [1].

“Дар смерти”, как и многие другие книги Деррида, возник из его лекции, прочитанной в декабре 1990 г. на конференции “Этика дара” в Роямонте (Франция). “Дар смерти” (а именно так и переводится английское словосочетание “The Gift of Death”) довольно точно отражает потенции и содержание данного текста Деррида, организованного вокруг проблемы дара. Что касается второй книги, посвященной проблеме смерти, то вопросов с переводом ее заглавия не возникает: и по-французски, и по-английски, и по-русски оно звучит одинаково: “Апории” (“Aporias”). Эта книга появилась в английском переводе в 1993 г., но ее французский оригинал моложе “Дара смерти” на два года. Деррида прочитал лекцию под названием “Апории” на конференции в июле 1992 г. в Сериенля-Салль. Полное название первого французского издания этой книги «Апории / Умирание – ожидание друг друга у “пределов истины” / за “пределами истины”». Как прояснится позже, этот подзаголовок, ведущий свое начало из размышлений Деррида по поводу фрагмента хайдеггеровского “Бытия и времени”, имеет очень важное контекстуальное значение, но в переводах и переизданиях “Апорий” его уже больше нет [2, с. 58].

Поскольку широкую известность книги Деррида приобретают обычно после их перевода на английский язык, то в случае с рассматриваемыми текстами это привело к довольно любопытному эффекту: “Апории”, считавшиеся не очень существенной книгой Деррида и мало комментировавшиеся (в том числе и по причине их неясности, точнее, контекстуальной непроясненности в сравнении с другими, имевшимися в английском переводе текстами Деррида), вдруг стали довольно часто упоминаться в критической литературе. Причина здесь очевидна: “Апории” были явно задуманы как продолжение разработки тематики дара и могут быть поняты (насколько вообще это слово применимо к текстам Деррида) только в контексте других его работ о даре – даре смерти и даре времени (“Апории”, “Презентация времени”).

Главным парадоксом, апорией смерти Деррида называет в этом тексте проблему перехода, то, на чем он фактически остановился в “Даре смерти”. Подзаголовок “Апорий”: “Умирание – ожидание (друг друга) у пределов истины (за пределами истины)” – «Mourir – s’attendre aux “limites de la verite”». Французский текст позволяет двойное толкование предлога “aux”: как “за”, но также и как “у”. Английский перевод делает амбивалентность более определенной в пользу второго толкования за счет предлога “at”. В русском варианте упор сделан на первый смысл (хотя второй тоже обозначен в скобках), поскольку такой, как станет очевидно позднее, представляется смерть в толковании Деррида – расположенной за пределами истины, неподвластной концептуализации и потому фактически несуществующей в культуре логоцентризма. В возможностях различной интерпретации и перевода этого подзаголовка высвечивается смысл (или отсутствие одного) апории как таковой – невозможность однозначного решения.

Как замечает Деррида в “Апориях”, его дискурс разворачивается как предполагаемая, хотя, конечно, никогда не реализовавшаяся в действительности полемика между Фрейдом, Хайдеггером и Левинасом. Направление этой полемики Деррида фиксирует на 121 странице “Апорий”, где пишет о “...треугольном дебате, который мы приписали Фрейду, Хайдеггеру и Левинасу по отношению к смерти как таковой, к своей собственной смерти и смерти другого”. В “Даре смерти” к этой геометрической фигуре диспута прибавляется еще несколько углов, образованных концепциями Платона, христианской экзегетики Канта, Гегеля, Кьеркегора, Ницше и Паточки. Образовавшийся многоугольник охватывает, или призван охватить, проблему смерти, причем топография углов (это выражение Деррида) постоянно расширяется. Этот охват, как можно предположить, не есть простое суммирование всего того, что было сказано данными мыслителями по поводу смерти, а специфически-деконструктивистское мероприятие приведения их в состояние дискуссии друг с другом, дискуссии, в которой говорят их тексты. Формы этой дискуссии не имеют ничего общего ни с традиционной философской критикой, ни с эклектичным соединением фрагментов различных концепций.

Итак, философская дискуссия о смерти. Первый вопрос, который может возникнуть здесь, есть вопрос о том, почему вообще Деррида обращается к проблеме смерти и почему его обращение так часто и настойчиво. Что характерно, Деррида сам отвечает на этот вопрос, когда рассуждает в “Даре смерти” о том, что смерть есть единственная ситуация человеческого существования (или несуществования), в которой человек оказывается один на один с самим собой, когда, следовательно, его субъективность и индивидуальность проявляются (или должны проявиться) в наибольшей степени. Смерть, по Деррида, есть единственная ситуация человеческого существования, в которой данный конкретный индивид оказывается незаменимым, когда он полностью идентифицируется с самим собой в том смысле, что он не может передать свою смерть кому-то другому [13].

Проблема смерти остается нерешаемой, и, пожалуй, ничто, кроме деконструкции, не демонстрирует это с такой очевидностью, выводя ее за пределы рационализации. Вспомним еще раз: “Умирание – ожидание друг друга у пределов истины/за пределами истины”.

В работе “Призраки Маркса” (1993) Деррида занялся придуманной им наукой “хантологией”. Предмет этой науки – призраки, привидения и духи, населяющие пространство между бинарными оппозициями бытия и небытия, живого и мертвого. Не обошлось и без любимой игры слов. Слово “хантология” (*hantologie*) во французском совпадает по звучанию со словом “онтология” (*ontologie*) из-за произносимого “h” в начале [14, с. 375].

Общая композиция текста представляет собой анализ текстов Маркса через призму их культурной реализации с несколькими дополнительными направлениями, идущими к марксизму от Шекспира (“Гамлет”), Поля Валери (“Кризис разума”), Фрэнсиса Фукуямы (“Конец истории и последний человек”), а также Мориса Бланшо (“Три голоса Маркса”). Сквозной темой “Призраков...”, как свидетельствует само название, является обращение к посмертным судьбам Маркса и созданного им учения и в связи с Марксом – к проблемам посмертного бытования вообще, к теме жизни и смерти, к тому, что сопровождает смерть в представлениях живущих – к призракам, фантомам и духам.

“Призраки Маркса”, рассматриваемые через призму увлечения марксизмом Деррида, вызвали весьма внушительный резонанс в кругах левых интеллектуалов Запада, в особенности в США. Ситуация, в которой появилась эта книга, –

время кризиса марксизма в связи с распадом государственных систем, избравших его своей идеологией, толкуется как аналогия временам, предшествующим появлению Первого Интернационала, когда все силы старой Европы объединились, по замечанию Маркса в “Манифесте”, в попытке противостоять марксизму (соблазн к такому толкованию, кстати сказать, подает сам Деррида, когда говорит о необходимости создания некоторой новой общности интеллектуалов, которую он называет в “Призраках Маркса” Новым Интернационалом) [2, с. 108].

“Коммунистический манифест” Маркса начинается словами: “Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма”. По мнению Деррида, коммунизм не является ни живым (как когда-то верили), ни мертвым (как считают сейчас). Вместо этого противопоставления есть неразрешимость, то есть призрак. Французский философ усматривает в этом поразительное сходство “Манифеста” с “Гамлетом”, посвященном принцу распадающегося королевства, где речь также идет главным образом о призраках и видениях. Эта гайстология или спектрология, по Деррида, есть непосредственное отражение драматургии Европы, установившейся здесь как культурный регулятив, начиная с Нового времени. Это драматургия великих объединяющих проектов разума, театральные постановки на сцене жизни. Недаром Маркс, по замечанию Деррида, так любил Шекспира и черпал вдохновение в его безудержной театрализации. В конце концов, философ-семиотик приходит к мысли, что деконструктивизм – это на самом деле более радикальная форма марксизма [15, с. 256].

Необходимо отметить, что периодизация творчества французского философа требует большой осторожности. Эволюция взглядов Деррида несомненна, но сама природа его творчества такова, что при всех явных или предполагаемых ее изменениях речь может идти лишь о смещении или переносе акцентов. Как уже отмечалось, даже в самой первой его работе можно найти в зародыше все то, что в дальнейшем получало ту или иную окраску, акцентировку и развитие.

Фактически в каждой работе Деррида можно вычитать совершенно противоположные вещи, чем, собственно, и занимаются его многочисленные интерпретаторы. Поскольку вопрос об оригинальности мысли постструктуралистами не ставится, то их, собственно, творчество до такой степени состоит из цитат, прямых и косвенных, аллюзий, сносков и отсылок, что часто голос комментатора трудно отличить от голоса комментируемого. Особенно это относится к повествовательной манере Деррида, который сознательно пользуется этим приемом для демонстрации принципа “бесконечной интертекстуальности” [16, с. 26].

Основной признак, общий и для манеры письма Деррида, и для стиля подавляющего большинства французских постструктуралистов (М. Бланшо, Ж. Делез, М. Фуко и др.) – несомненная “поэтичность мышления” [1]. Это довольно давняя и прочная традиция французской культуры слова, получившая новые импульсы с выходом на сцену постструктурализма и переосмысленная затем как основополагающая черта постмодернистского теоретизирования. Во всяком случае, она четко укладывается в русло той “французской неоницшеанской (хайдеггеровской) стилистической традиции Деррида. И если раньше было общим местом говорить о “германском сумрачном гении”, то теперь, учитывая пристрастие французских постструктуралистов к неистовой метафоричности “языкового иконоборчества”, с таким же успехом можно охарактеризовать их работы, перефразируя Лукреция, как *francogallorum obscura reperta* [10]. Практически вся деятельность Деррида представляет собой огромный и непрерывный комментарий, и “вторичность” его духовной позиции заключается в том,

что вне сферы чужих мыслей его существование просто немислимо. Необходимо отметить, что “интертекстуальность, в которую погружают себя постструктуралисты, мыслится ими как буквальное существование в других текстах.

Тем, кому Деррида известен преимущественно по “О грамматиологии”, достаточно сложно распознать в нем автора, скажем, “Глас” (более позднего текста, озаглавленного трудно переводимым французским словом, означающим особый род похоронного звона) или “Шпоры: стили Ницше” [2, с. 65]. Вообще проблема “правильного”, “верного” понимания смысла учения Деррида, как и всего постструктурализма и его литературоведческой деконструктивистской практики – вопрос, который является предметом постоянной заботы его приверженцев и в результате – темой многочисленных рассуждений и споров.

Заключение

Проблема периодизации творчества Деррида, столь часто анализируемая в критической литературе, представляется не столь значительной для того, чтобы говорить о полном несовпадении академического Деррида, автора “О Грамматологии”, с анархиствующим Деррида, автором “Шпор...”. Подтверждением тому может служить сама “Грамматология”, где под внешним академизмом и строгостью изложения отчетливо просматриваются основные, в том числе и анархические, идеи деконструкции (равно, впрочем, как и “Шпоры...”, где безудержная, казалось бы, свобода интерпретации поставлена в рамки деконструктивистской стратегии).

При несколько отстраненном взгляде на его творчество, очевидно, можно сказать, что самое главное в нем не столько система его концепций, образующих “идейное ядро” его учения, сколько сама манера изложения, способ его аргументации, представляющей собой чисто интеллектуальную игру в буквальном смысле этого слова. Игру самодовлеющую, направленную на себя и получающую наслаждение от наблюдения за самим процессом своего “саморазвертывания” и претендующую на своеобразный интеллектуальный эстетизм мысли.

Все ранние работы Деррида так или иначе навеяны Гуссерлем. Во введении к “Происхождению геометрии” (1962) и в “Голосе и феномене” (1967), как затем и в “О грамматиологии”, осуществляется деконструкция гуссерлевской теории значения.

В более поздних работах философ усиливает существующую тенденцию к эстетизации философии и экспериментирует с конструкциями, которые могут быть названы скорее литературными, чем философскими. В связи с этим можно говорить о дерридеанстве как о специфической отрасли знания, где немало специалистов нашло свое призвание. Французскому философу-лингвисту меньше всего присуща категоричность, он выступает как искусный, а может быть, и непревзойденный мастер сомнения, гений аллюзий, недомолвок и суггестий. Он постоянно предлагает читателю множество возможностей решения поставленных им проблем, не говоря уже о том, что некоторые его пассажи написаны в духе лирических отступлений.

Одно остается неизменным в творчестве французского философа – его работа, непрерывное исследование и оспаривание границ литературы и философии. Следует еще раз подчеркнуть: Деррида – не просто философ, а именно философ от лингвистики и литературоведения, поскольку именно в этих областях он заимствует методiku своего анализа и ту специфически интердисциплинарную позицию, которая и дала смешение данных сфер в лоне французского постструктурализма.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРЫ

1. **Ильин, И.П.** Жак Деррида – постструктуралист SANS PAREIL / И.П. Ильин [Электронный ресурс]. – 2007 – Режим доступа : <http://culture.niv.ru/doc/culture/ilyin/005.htm>. – Дата доступа : 17. 12. 2009.
2. **Гурко, Е.** Тексты деконструкции Ж. Деррида / Е. Гурко. – Томск : Водолей, 1999. – 160 с.
3. **Деррида, Ж.** Письмо и различие / Ж. Деррида. – СПб. : Академический проект, 2000. – 432 с.
4. **Scott, D.F.** Biography and Bibliography of Jacques Derrida / D.F. Scott [Electronic resource]. – 2000. – Mode of access : <http://www.quodlibet.net/derrida.shtml>. – Date of access : 16.01.2010.
5. **Автономова, Н.** Деррида и грамматология / Н. Автономова [Электронный ресурс]. – 2000. – Режим доступа : http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/derr_gr/index.php. – Дата доступа : 17.12.2009.
6. **Маньковская, Н.Б.** “Париж со змеями”: Введение в эстетику постмодернизма / Н.Б. Маньковская. – М. : АЛЕТЕЙЯ, 1994. – 220 с.
7. Derrida Jacques // From Wikipedia, the free encyclopedia [Electronic resource]. – Mode of access : http://en.wikipedia.org/wiki/Jacques_Derrida. – Date of access : 18.12.2009.
8. **Rawlings, J.** Jacques Derrida / J. Rawlings // Stanford University lectures [Electronic resource]. – 1999. – Mode of access : <http://prelectur.stanford.edu/lecturers/derrida/index.html>. – Date of access : 30.01.2010.
9. **Norris, C.** How Derrida Reads Derrida / C. Norris // Interviews, 1974 – 1994 [Electronic resource]. – 1995. – Mode of access : <http://prelectur.stanford.edu/lecturers/derrida/interviews.html#derrida>. – Date of access : 20.01.2010.
10. **McLemee, S.** Defending Derrida / S. McLemee [Electronic resource]. – Mode of access : http://www.insidehighered.com/views/intellectual_affairs__6. – Date of access : 21.01.2010.
11. **Гилье, Н.** История философии / Н. Гилье, Г.М. Скирбекк. – М. : Владос, 2001. – 800 с.
12. **Яскевич, Я.С.** Философия и методология науки. Вопросы и ответы : полный курс подготовки к кандидатскому экзамену / Я.С. Яскевич. – Минск : Выш. шк., 2007. – 656 с.
13. **Селиванов, Ю.** Деконструктивизм и современная христианская теология / Ю. Селиванов [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа : <http://www.yuriselivanov.narod.ru/articles/deconstruct.html>. – Дата доступа : 23.01.2010.
14. **Борцов, Ю.С.** Культурология: учебное пособие для студентов высш. учебн. завний / Ю.С. Борцов, В.К. Королев. – Ростов н/Д: Феникс, 2001. – 608 с.
15. **Бобахо, В.А.** Культурология : программа базового курса, хрестоматия, словарь терминов / В.А. Бобахо, С.И. Левикова. – М. : ФАИР-ПРЕСС, 2000. – 400 с.
16. **Дубянецкі, Э.С.** Культуралогія / Э.С. Дубянецкі. – Мінск : БелЭн, 2003. – 384 с.

Поступила в редакцию 04.05.2010 г.

УДК 316:008:005.4(=161)

И.А. БАРСУК

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВАНИЯ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМся МИРЕ

В статье осуществляется экспликация и содержательный анализ становления и развития духовно-нравственных оснований восточнославянской цивилизации как важного субъекта культурно-исторического процесса. Экстраполяция в исследовании цивилизационного подхода и его разновидностей на реалии восточнославянского мира позволяет раскрыть единство восточнославянских народов и получить представление об общем и

особенном, характерном для их истории и настоящего. Осуществляется также рассмотрение динамики культурно-исторических ценностей, которые являются системообразующими элементами восточнославянской цивилизации. Исследование стратегии цивилизационного развития восточнославянского региона продемонстрировано на репрезентативном историко-культурном материале.

Введение

Необходимость поиска оснований и способов духовного и практического освоения и единения развивающегося планетарного сообщества не вызывает сомнений. Это выражается, с одной стороны, в новом качестве социокультурной коммуникации между цивилизационными регионами Запада и Востока, с другой – в тенденциях перехода к единой постиндустриальной цивилизации. Одна из ярко выраженных тенденций в развитии современного мира – его глобализация – избрала определяющим вектором развития унификацию социокультурных процессов, осуществляемую на основе вестернизации образа жизни и утверждающую распространение западной, прежде всего американской, системы ценностей. Однако попытки однополюсной глобализации постепенно терпят фиаско, актуализируются проблемы многомерной межкультурной коммуникации как на мировом, так и на региональных уровнях цивилизационной динамики.

Основная часть

В современном мире актуализировалась проблема сохранения культурно-цивилизационной идентичности, культивирования традиций и ценностей локальных и региональных цивилизаций, отстаивания их самоценности в едином, но многообразном мире, что, однако, не означает буквальную реставрации прежних местных особенностей “доглобальной эпохи”. Субъекты локальных культур осознают, что они могут сохраниться и развиваться, “играя” свою особую роль в глобальном пространстве. Полилог цивилизаций является необходимым условием стабильности и гарантом преодоления опасности возможного в XXI в. “столкновения цивилизаций”, прогнозируемого С. Хантингтоном. Поэтому особую актуальность для восточнославянских народов приобретает решение вопросов о своей цивилизационной идентичности, поиска своего места в мировом пространстве. Без этого будет весьма затруднительно теоретически верно осмыслить и истолковать реальные перспективы развития восточнославянских народов в контексте глобализационных процессов.

Вместе с тем актуализировать цивилизационную традицию можно в том случае, если она существовала. В этом плане, по мнению автора, весьма перспективным является генетическая реконструкция становления и развития духовно-нравственных оснований восточнославянской цивилизации как важного субъекта культурно-исторического процесса. Более того, при всем единстве и общности исторической судьбы восточнославянской цивилизации очевидно своеобразие цивилизационной динамики белорусского, русского и украинского народов. Несомненно, что, заботясь об исторической судьбе Беларуси, нельзя не думать о перспективах развития восточнославянской цивилизации в целом, ибо в эпоху глобализации и формирования крупных региональных центров развития можно выжить и сохраниться только в союзе с близкородственными народами.

Несмотря на то что современное мультикультурное состояние мира предполагает возможность признания равноправия всех цивилизационных образований, чьи взаимоотношения должны строиться с позиций толерантности и диалога, статус восточных славян никогда не подвергался таким нападкам, как сейчас.

Понятие “восточнославянская (русская, восточнохристианская, православная, славянская) цивилизация” становится предметом критики, все чаще мы слышим, что это “нецивилизация”, “недоцивилизация”, “междивизиационное пространство”, “субцивилизация” и т.п. [1]. Может быть, это не случайно, поскольку “отмена” СССР и прекращение деятельности прежней социальной системы создают неопределенность на огромном пространстве Евразии, обширные территории которой оказываются свергнутыми в напряженное соперничество между различными формами локализма, хотя и разного уровня.

Начиная с “Философических писем” П.Я. Чаадаева, концептуальное осмысление русской истории и культуры подчинено в основном выяснению специфики России “между Западом и Востоком”, особенностей русской (допустимо сказать, восточнославянской) культурной традиции. В целом попытка объяснить “загадку России” органично прослеживается сквозь призму проблемы “русской идеи”, трактованной рядом философов как выражение смысла существования России в мире, ее исторической судьбы и исторической миссии. При этом не только русская культурно-историческая традиция как целостность, но и ее основные элементы, выраженные в теории официальной народности как “православие, самодержавие и народность”, а также характеристика основных исторических периодов развития интерпретировались как ее принципиальное своеобразие, уникальная универсальность и социокультурная самобытность.

Основу любой сформировавшейся и достаточно развитой цивилизации составляет некоторая совокупность устойчивых, неизменных принципов, которые сохраняют черты уникальности на длительных этапах ее истории, зафиксированные определенной матрицей, или “культурным кодом”, цивилизации. В соответствии с этими принципами осуществляется производство и воспроизводство всего общества как целостного социального организма. Каждая цивилизация хранит в своих “кладовых” бесценный культурный опыт, могущий сегодня сыграть решающую роль в выживании человечества. Глубинную основу жизнедеятельности больших сообществ людей и формирования культурной самобытности представляет надэтническая духовная составляющая, как правило, имеющая религиозный характер.

Несомненно, что обращение к истокам архетипов восточнославянского сознания позволяет зафиксировать самобытность и специфику данной культурно-региональной целостности. Формирование восточнославянской идентичности связано с созданием к началу IX в. государства Русь, или, как его называют ученые, Киевская Русь [2, с. 10-11]. Время это связало восточных славян на северо-западе и литовцев общностью политической, культурной, религиозной жизни, способствовало “появлению и укреплению понятий единства Руси” [3, с. 133], одновременно “дало возможность созреть и вырасти и Украине, и Белоруссии, и Восточной Европе” [4, с. 41]. Это был период “накопления духовных сил” [5, с. 35], а вовсе не “дремоты духовной” [6, с. 7]. Решающим показателем процесса культурной идентификации восточного славянства и важной консолидирующей тенденцией явилось принятие православно-христианской веры по византийскому, греческому обряду и оформление “надэтнической культурной целостности православного мира” [7, с. 193], который атрибутируется И. Дуйчевым и Р. Пиккио как *Slavia orthodoxa* в отличие от *Slavia romana* (принявших католицизм западных и части южных славян) [8]. Это отчетливо отражено уже в выдающемся произведении древнерусской философской мысли – “Слово о Законе и Благодати” первого митрополита из русских Илариона. Автор повествует о том, как

“Благодать и истина всю землю исполнили, и вера на все языки простерлась, и на наш народ русский” [9, с. 29]. В “Слове...” впервые четко формулируется представление о “русских” как об особой социокультурной общности [10, с. 26-120]. Изучение социально-исторических процессов немислимо проводить вне христианского контекста с его ориентацией на традиционные христианско-гуманистические ценности сакрального порядка. Как замечал, определяя предпочтительный угол зрения при изучении “прошлого”, богослов А. Шмеман, “для Православия прошлое есть основное русло и носитель Предания – той непрерывности и того тождества Церкви во времени и пространстве, которое утверждает ее кафоличность, являет ее всегда одной и той же Церковью, одной и той же верой, одной и той же жизнью” [11, с. 17]. Поэтому русские летописцы считали крещение князя Владимира не только началом ее истории, но и началом ее славы и величия. Под “благословляющим” началом христианства состоялось “тайнство” возникновения империи: трансцендентное начало мира служит его сакральным центром. Несомненным фактом является то, что до середины XVI в. наиболее ярким выразителем белорусской и украинской национальных культур было православие в его специфическом белорусско-украинском варианте, чему способствовало образование независимой от Москвы православной церкви в ВКЛ (1458 г.). Как отмечает С.А. Подокшин, с этого времени единая восточнославянская православная церковь разделилась на московскую, или русскую, и церковь галицко-литовскую, или белорусско-украинскую [12, с. 29]. Эти события имели значение, которое выходит за границы чисто конфессиональных проблем. Как отмечает В.А. Салеев, “можно утверждать, что в XV – XVI вв. на белорусских и украинских землях появляется и утверждается новый духовный субстрат, который внес принципиально новые черты в процесс формирования национальных характеров и менталитетов новых этносов, которые постепенно (а к середине XVII в. и окончательно) превращаются именно в белорусский и украинский” [13, с. 24]. При этом следует учитывать зоны смешанного взаимодействия православия и католицизма на территориях, вошедших в состав ВКЛ, а затем Речи Посполитой, а также такой феномен, как униатскую церковь. До середины XVIII в. именно униатство стало ведущей христианской конфессией на белорусской земле. Конфессиональная специфика Беларуси в значительной степени была обусловлена ее геополитическим положением. Однако Беларусь никогда не ощущала себя “Серединной землей”, а символические центры белорусской истории – Полоцк, Новогрудок, Вильня, Минск – лишены сакральной харизмы.

С помощью христианства славяне обретают ценностную меру в человеческом бытии. Не случайно Н. Лосский полагал, что с христианской религиозностью русского народа связано “искание абсолютного добра, осуществимого лишь в Царстве божьем”. Другие свойства русского народа философ анализирует с учетом вышеназванного. Например, он доказывает способность русского народа к высшим формам опыта, в частности, выделяет “высокое развитие нравственного опыта” [14, с. 41-93]. Происходит удивительное, но объяснимое превращение религиозной проблематики в антропологическую. “Внутренний строй христиан” выразим антиномичной формулой: подлинный человек – это человек + Бог” [15, с. 187]. Как абсолютное благо, Бог оказывается квинтэссенцией жизненных ценностей. Так, Н.А. Бердяев рассмотрел христианство как “грандиозную попытку решить главную проблему человека – его самоотчуждения” на основе признания абсолютной ценности духовности человека и трансцендентного смысла его исторической судьбы [16, с. 220]. При этом речь идет о действенной стратегии сбли-

жения с Божеством, жизнь и деятельность в сотворенном мире оказываются сами по себе малоценными, не имеющими нравственного содержания, и осознаются как инструмент во имя спасения. Отсюда же чуткость к духовным, нетварным составляющим бытия, душевному единению и взаимоподдержке. Можно сказать, что знаменитое положение Н. Кузанского, приведенное С. Франком: “Недостижимое достигается через постижение его недостижения. Непостижимое постигается через постижение его непостижимости” [17, с. 507], формирует собой проект фаталистического отношения к жизни, резко отличное от менталитета европейца, а выражение “авось” – попытку и желание при всей трансцендентности Бога сделать его посюсторонним и имманентным.

Однако крещение Руси отнюдь не выступало как одномоментная акция Владимира, а представляло собой сложный и длительный процесс трансформации ценностных установок архаической культуры. Поэтому “двоеверие”, существенно характеризующее историю Киевской Руси, наложило свой отпечаток и на оформляющуюся восточнославянскую христианскую духовность. С другой стороны, нет сомнений, что христианство в его византийском варианте трансформировало ментальность восточнославянских народов в соответствии с целостностью идей, лежавших в его основании, однако лишь частично уничтожило довольно свободную и в некоторых отношениях достаточно аморфную структуру язычества, поставило его в иные условия и подчинило своей значительно более высокой иерархии ценностей.

Структуры архетипов художественного мировосприятия не могли не оказать воздействия на рецепцию христианства коллективным сознанием восточных славян. Крещением освящаются не только братья-славяне, но и вся “земля русская”. Семантическим центром культуры Руси, как имманентной интенции самоценного типа духовности, становится триада Природа-Бог-Человек. Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский, анализируя роль дуальных моделей в динамике русской культуры, полагают, что на протяжении веков специфической чертой русской культуры была ее принципиальная полярность; две системы ценностей в ней противопоставлялись одна другой, что порождало перманентный внутрикультурный конфликт и вызывало спазматический ритм смены культурных эпох, каждая из которых отталкивала предшествующую. Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский обосновали бинарную модель русской культурной эволюции, предполагавшую маятниковый ход истории, из крайности в крайность, без компромиссов [18]. Отсюда, по мнению автора, бинарность и амбивалентность, явившиеся источником нестабильности и динамичности, вариативности и инверсионности, перманентного поиска альтернативных путей развития восточнославянской цивилизации. В частности, неоднократно круто менялись ее ориентации: ставка на замкнутость, на свою культурную самодостаточность и, соответственно, искусственное отгораживание от достижений мировой цивилизации уступала место представлениям о своей неполноценности, превосходства всего иностранного. Это способствовало утверждению бытийной значимости диалогической динамики восточнославянской истории и культуры, совмещающей конфликтные противоборства с поиском согласия и гармонии. Вместе с тем приверженность к сохранению своей концепции бытия, своих традиционных ценностей, вопреки всем историческим перипетиям, создает устойчивость восточнославянской духовности, способствует общественной сплоченности, нейтрализующей существующие противоречия. Решающую роль в этом процессе сыграли практические интересы крестьянства, ориентированного на сохранение традиционного природопользования. Длительное сохранение коллективного труда, традиции “артель-

ности”, крестьянских “помочей”, “голоки” утвердили общину восточных славян в качестве важнейшей хозяйственной и социокультурной ячейки, в рамках которой сохранялись и воспроизводились принципы равенства, идеалы справедливости, нравственные константы традиционного типа. Самое главное – община гарантировала своему члену минимальный достаток, помощь в тяжелую минуту.

Следует отметить, что наиболее развитых форм общинная организация достигла в исламских регионах, где кишлачную структуру деревни дополняет квартал-махалла в городе. У восточных славян подобные формы организации в неразвитом виде существовали в конце XIX – XX вв. в производственных коллективах. На землях же германского мира с начала новой эры начало формироваться частное землевладение в форме аллода, напоминавшее обособленные земельные владения скандинавов – одалы. При этом сохранялась и коллективная организация соседей-домохозяев – марка, за которой оставалось право распоряжения нераспределенными угодьями.

Неизбежность существования общины, обусловленная ее производительно-социальными функциями, в конечном счете вызвала к жизни наиболее грубые и жестокие политические механизмы изъятия прибавочного продукта в максимально возможном объеме. Отсюда исторически обусловлено появление крепостничества как наиболее реальной для этого региона Европы формы функционирования феодальной системы собственности на землю. В свою очередь, режим крепостничества стал возможным при развитии деспотической формы государственной власти – российского самодержавия, характерной особенностью которого является сильное развитие хозяйственно-экономической функции.

Однако белорусам и украинцам, в отличие от свойственного русским коллективизма общинного типа, авторитета общинного жизнеустройства, был характерен коллективизм, выступающий как совокупность общих норм поведения, а совместные работы были связаны с определенными периодами сельскохозяйственного сезона и ликвидацией стихийных бедствий. Введение “Уставы на волоки” в 1556 г. в ВКЛ определило правила индивидуального землепользования: фольварочная система стала основой аграрной реформы, введенной Сигизмундом Августом. Земельная реформа в меньшей степени коснулась лишь регионов Днепра. В Московской Руси – до стольпинской реформы – прочная община оставалась важнейшей хозяйственной и социокультурной ячейкой.

Отсюда становится понятным, почему в восточнославянской ойкумене складываются предпосылки формирования государствообразующего начала как важного фактора в историческом самоопределении восточнославянских народов и, как следствие, – отсутствие правового государства. Вместо “государства права” строилось “государство правды”, в идеале предполагающее подчинение “государства началу вечности” [19, с. 291-305]. Под “правдой” на Руси еще со времен Илариона понимали и истину, и добродетель, и справедливость, и закон. Именно князь является хранителем правды на земле и проводником божьей воли. Иларион Киевский в “Слове о Законе и Благодати” объясняет это так: “...ибо благочестие его сопряжено было с властью” [20, с. 45]. По-существу, эта установка имманентно акцентирует религиозно-нравственные начала “правды”, что характерно для традиционалистской цивилизации Востока, приоритет морали как регулятора межличностных и общественных отношений. Первые шаги в направлении правового феодального государства в Московском княжестве

были предприняты лишь в конце XVI – начале XVII вв. в период Смутного времени. Поэтому деятельности царя, безусловного и неограниченного повелителя, “всея Русския земли государям государь”, придается большое значение. Происходит формирование идеи активного участия царской власти в делах Церкви, исключающей ее автономность относительно государственной жизни, однако предоставляющей церковным властям их долю влияния на дела государства. В ВКЛ же получает большее развитие местное самоуправление, так как возникновение ВКЛ как государства явилось в значительной степени результатом компромисса между литовской знатью и местным восточнославянским боярством при поддержке горожан. Отношения между центром и отдельными регионами (Полоцкие, Витебские земли, Мстиславское и другие княжества) носили договорный характер, строились с учетом их исторической, этнической специфики и традиций.

В традиционных для Киевской Руси литературно-исторических формах – летописях и житиях, в “Словах” и “Поучениях” – сложилось представление о нравственном идеале и возникло четкое разделение идеала светского и духовного. Светский нравственный идеал выражен в образе “справедливого и умного князя”. Князь воспринимался как исполнитель мирского служения Богу, его жизнь в миру соотносилась с подвигом монаха вне мира. Подобно монашескому княжеское служение в идеале приближалось к святости. В частности, постриги – обряд пострижения волос, совершаемый над князем-ребенком – напоминали монашеский постриг [21, с. 113]. Как отмечает Г.П. Федотов, “из множества неведомых и невыявленных святых мирян святые князья выделены и поставлены для общецерковного почитания именно потому, что круг их жизненного подвига предназначал их к общенародной славе”. Древняя Русь видела в святых князьях “общих заступников, избранных представителей мирянской святости”. Например, тип святости Бориса и Глеба не был знаком Византии, и, соответственно, греки-митрополиты сомневались в святости братьев, однако “святые Борис и Глеб создали на Руси особый, не вполне литургически выявленный чин “страстотерпцев” – самый парадоксальный чин русских святых [22, с. 25-37]. Отсюда сакрализация государства и государственной власти. Самым важным в этом смысле было представление о соединении в руках царя власти и права собственности на землю (такой контроль над перераспределением земли утверждается в XV – XVI вв.). В ВКЛ в тот же период великий князь теряет власть над собственностью, провозглашенной “земским скарбом”, принадлежащим должности, а не личности.

В возвышении Москвы как будущего центра Российского государства огромную роль сыграли не только князья-воины, но и духовные учителя того времени. “На Куликовом поле оборона христианства сливалась с национальным делом Руси и политическим делом Москвы. В неразрывности этой связи дано и благословление преподобного Сергия в Москве, собирательнице государства русского”, – пишет интерпретатор жития Сергия Радонежского Г.П. Федотов [22, с. 136]. Именно с этого времени, наверное, можно говорить о формировании особого, русского варианта православия, окончательно оформленного Стоглавым собором 1551 г. Данный вариант вкупе с концепцией “Москва – третий Рим” стали основой изоляционизма как доминанты общественного и социокультурного развития Московской Руси.

Следует подчеркнуть, что православная идентичность, слившаяся с этнонимом “Русь”, способствовала ориентации на кровно-родственные связи, осо-

бенно в кризисные периоды восточнославянской истории, что приводило к победам исторического масштаба (сражение на Куликовом поле и т.д.). Эмпирически это обнаруживается в особенностях коммуникации: “русы”, “руськие”, “русины” – “братья-православные”. При этом понятие “русский” в традиционном, классическом значении теряет смысл со второй половины XVII в.: речь может идти про российский, белорусский и украинский этносы, которые на новом уровне составляют восточнославянский суперэтнос [23, с. 24]. В пределах ВКЛ (вторая половина XIII – XV вв.) наряду с традиционной этнической идентификацией формируется территориально-государственное самоназвание “Литва”, “Великое Княжество Литовское”, возникает политоним “литвины” [24, с. 37]. Называя себя “русскими”, население ВКЛ дистанцировалось в то же время от русского населения Московского государства, именуя его “Москвой” и т.п.

Заключение

Таким образом, формирование восточнославянской идентичности связано с тем, что она с самого начала являлась ценностно-нормативной, духовной. Под “благословляющим” началом христианства произошло возникновение новой империи: восточные славяне, в отличие от западных и южных славян, создали государственность, базирующуюся на идее нравственного единения и взаимоподдержки в свете ценностей Веры, духовных составляющих бытия и Родины. Отношение к социальному макрокосмосу проявляется в культурно-исторических ценностях, которые и являются системообразующими элементами восточнославянской цивилизации: регулятивными становятся ценности справедливости, долга, чести; в сфере церковно-религиозной жизни преподносится идеал нравственного совершенства, открываемый в образе Богочеловека, демонстрируются религиозные и аскетические добродетели.

Семантическим ядром духовно-нравственных оснований восточнославянской цивилизации как важного субъекта культурно-исторического процесса является русская национальная идея в ее наиболее широком понимании, включающим в свое содержание самобытные духовные достижения и Белой Руси, и Украины, получившие систематизированное религиозно-философское обоснование в трудах Вл. Соловьева, который придал ей концептуальную форму религиозной философии. Это исходное единство и представляет собой по существу соборность, которая неотделима от истории всеединства, смыслообразом которой является мифологема Софии Премудрости, символизирующей гармоничную сообразность мироздания – одну из основных тем русской религиозной философии. В дальнейшем эта идея, как итог мучительного отыскания экзистенциального призвания, смысла существования и общности судьбы всей восточнославянской цивилизации, сыграла большую роль в консолидации восточнославянского общества на основе религиозной и этнической идентичности. Однако она так и не смогла предотвратить трагических последствий для Московского царства, российской и всей восточнославянской истории сакрализации самодержавного государства и личной власти царя, поддерживаемых террором как непременным условием величия и святости богоизбранного царства “Москва – Третий Рим”. С новыми значениями, а главное, с претензией на определение “души” народа, эта формула вошла в культуру второй половины XIX – XX стст. в воззрениях Вл. Соловьева, К. Леонтьева, Н. Бердяева и других мыслителей.

Несомненно, что духовно-ценностный потенциал периода Средневековья способствует выявлению традиций как механизма избирательной фиксации наиболее значимого социально организованного опыта и тем определяет его значимость и длительность существования для субъектов локальных культур.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Ионов, И.** Парадоксы российской цивилизации (По следам одной научной дискуссии) / И. Ионов // *Общественные науки и современность*. – 1999. – № 5. – С. 115–127.
2. **Рыбаков, Б.А.** Киевская Русь и русские княжества XII – XIII вв. / Б. Рыбаков. – М.: Наука, 1993. – 592 с.
3. **Мавродин, В.В.** Происхождение русского народа / В.В. Мавродин. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. – 184 с.
4. **Греков, Б.** Киевская Русь / Б. Греков. – М.: ООО “Издательство АСТ”, 2004. – 671 с.
5. **Зеньковский, В.В.** История русской философии : в 2 т. – Т. 1, ч. 1. – Репринт по изд.: Париж: YMCA PRESS, 1948. – Л.: ЭГО, 1991. – 221 с.
6. **Замалеев, А.Ф.** Лекции по истории русской философии / А.Ф. Замалеев. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 1995. – 338 с.
7. **Зеленков, А.И.** Экологическая ментальность восточных славян как социокультурный феномен / А.И. Зеленков // *Восточнохристианская цивилизация и проблемы межрегионального взаимодействия* / РАН, институт философии; Громов (отв. ред.) [и др.]. – М.: Наука, 2004. – С. 190–198.
8. **Пиккио, Р.** Slavia Ortodoxa: Литература и язык / Риккардо Пиккио. – М.: Издательство Языки славянской культуры, 2003. – 720 с.
9. **Иларион.** Слово о Законе и Благодати / Иларион; сост., вступ. ст., пер. В.Я. Дeryгина. – М.: Столица; Скрипторий, 1994. – 146 с.
10. **Рогов, А.И.** Формирования самосознания древнерусской народности / А.И. Рогов, Б.Н. Флоря // *Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья*. – М.: Наука, 1982. – С. 26–120.
11. **Шмеман, А.Д., протоиерей.** Церковь, мир, миссия / А.Д. Шмеман. – М.: Нов. кн., 1996. – 389 с.
12. **Падокшын, С.А.** Унія. Дзяржаўнасць. Культура (Філасофска-гістарычны аналіз) / С.А. Падокшын. – Мінск: Беларуская навука, 1998. – 111 с.
13. **Салееў, В.А.** Хрысціянства і шляхі развіцця культуры на беларускай зямлі / В.А. Салееў // *Мастацтва і сучаснасць “Мастацтва”*. – Мн.: Друк-С, 2006. – С. 19–26.
14. *Русский индивидуализм. Сборник работ русских философов XIX – XX вв.* – М.: Алгоритм, 2007. – 288 с.
15. **Кураев, А.** Традиция. Церковь. Человек / А. Кураев // *Путь: Международный философский журнал*. – 1992. – № 2. – С. 183–201.
16. **Бердяев, Н.А.** Философия творчества, культуры и искусства : в 2 т. / Н. Бердяев. – М.: Искусство; ИЧП “Лига”, 1994. – Т. 2. – 392 с.
17. **Франк, С.** Непостижимое: онтологическое введение в философию религии / С. Франк. – М.: АСТ, 2007. – 506 с.
18. **Лотман, Ю.М.** Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) / Ю.М. Лотман // *История и типология русской культуры. Статьи*. – СПб.: Искусство. – СПб., 2002. – С. 88–116.
19. **Шахматов, А.А.** Разыскания о древнейших русских летописных сводах / А.А. Шахматов. – СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1908. – 686 с.
20. **Иларион.** Слово о Законе и Благодати / Иларион; сост., вступ. ст., пер. В.Я. Дeryгина. – М.: Столица; Скрипторий, 1994. – 146 с.
21. **Ранчин, А.М.** Вертоград Златословный: Древнерусская книжность в интерпретациях, разборах и комментариях / А.М. Ранчин. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 576 с.
22. **Федотов, Г.П.** Святые древней Руси / Г. Федотов; сост. и вступ. ст. А.С. Филоненко. – М.: АСТ, 2003. – 700 с.
23. **Салееў, В.А.** Хрысціянства і шляхі развіцця культуры на беларускай зямлі / В.А. Салееў // *Мастацтва і сучаснасць “Мастацтва”*. – Мн.: Друк-С, 2006. – С. 19–26.

24. **Старостенко, В.В.** Становление национального самосознания белорусов: этапы и основополагающие идеи (X – XVII вв.) / В.В. Старостенко. – Могилев : МГУ им. А.А. Кулешова, 2001. – 200 с.

Поступила в редакцию 28.01.2010 г.

УДК 262.12

М.А. ПОПОВ

ЛИТЕРАТУРНАЯ И НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МИТРОПОЛИТА СТАНИСЛАВА БОГУША-СЕСТРЕНЦЕВИЧА

В статье характеризуется литературное и научное наследие одного из иерархов Римско-католической церкви на белорусских землях – могилевского митрополита Станислава Богуша-Сестренцевича (1731 – 1826). Поэт, драматург, переводчик, философ, лингвист, филолог и историк, он пользовался среди своих современников заслуженной славой эрудита и популяризатора научного знания. Особое внимание в статье уделяется обзору исторических работ могилевского архиепископа. После себя он оставил пять исследований на историческую тематику. Они посвящены изучению истории Крыма, проблеме происхождения славян и становлению у них государственности. Автор пришел к выводу о том, что С. Богуш-Сестренцевич рассматривал Беларусь в качестве органичной составной части России, которая входила в ее состав с начала формирования у славян государственности и может считаться одним из предшественников западноруссизма.

Введение

Первый римско-католический митрополит на белорусских землях Станислав Богуш-Сестренцевич (1731 – 1826) наравне с могилевским православным епископом Георгием (Конисским) и виленским греко-католическим митрополитом Иосафатом Булгаком является ключевой фигурой в конфессиональной истории Беларуси конца XVIII – первой четверти XIX в. На протяжении 53 лет (с 1773 по 1826 г.) он возглавлял Римско-католическую церковь в Российской империи, сначала в качестве белорусского епископа (1773 – 1783 гг.), а затем могилевского архиепископа-митрополита (1783 – 1826 гг.). Как церковный иерарх, Станислав Богуш-Сестренцевич активно участвовал в формировании конфессиональной политики российского правительства, занимался внутрицерковными делами вверенной ему митрополии: подбором себе помощников (ординарных и викарных епископов, официалов консистории, членов капитула, архидьяконов и деканов), а также организацией деканальной и приходской структуры, вопросами духовного образования и т.д. Но ежедневная, часто рутинная работа по управлению самой обширной католической церковной провинцией в мире – Могилевской митрополии, пастырские обязанности и участие в придворном этикете все же не смогли помешать митрополиту быть в центре интеллектуальной жизни Российской империи.

Член Императорской Академии наук, президент Императорского Вольного экономического общества, почетный член Вольного общества любителей российской словесности, Общества учреждения училищ по методу взаимного обучения (Белла и Ланкастера), Российского минералогического общества, Варшавского и Рижского обществ друзей наук, Краковского научного общества, почетный профессор Московского, Виленского, Краковского, Дерптского, Абс-

ского университетов, Санкт-Петербургской медико-хирургической академии и Лондонской агрономической ассоциации – вот далеко неполный перечень научных и общественных титулов митрополита Станислава Богуша-Сестренцевича. Интеллектуальный свет знал его как проповедника, поэта, драматурга, переводчика, филолога и, конечно же, историка.

Основная часть

Могилевский митрополит считался одним из лучших проповедников Российской империи конца XVIII – первой четверти XIX в. Проповедь в то время являлась главной формой идеологического воздействия на людей, основным средством пропаганды и агитации тех либо иных политических идей. Именно проповедь, сказанная Станиславом Богушем-Сестренцевичем в кафедральном соборе св. Станислава в Вильно 13 ноября 1771 г., стала отправной точкой для его карьерного взлета. В ней будущий митрополит под воздействием известия об убийстве отца барскими конфедератами эмоционально осудил всякую попытку неповиновения королю Станиславу-Августу Понятовскому и призвал во всем подчиняться монаршей воле [1]. Воззвание, прозвучавшее в виленском римско-католическом кафедральном соборе, имело огромный общественный резонанс. В условиях антиправительственного и антироссийского вооруженного восстания шляхты (вошедшего в историческую литературу под названием Барской конфедерации 1768 – 1772 гг.), негативного общественного мнения по отношению к Станиславу-Августу Понятовскому и Екатерине II, надо было обладать смелостью и блестящим ораторским мастерством, чтобы убедить присутствующих в правильности своей точки зрения. Благодаря ее оглашению С. Богуш-Сестренцевич не только приобрел благосклонность короля Речи Посполитой (Станислав-Август Понятовский тогда наградил его орденом св. Станислава), но и впервые обратил на себя внимание российской императрицы Екатерины II и ее посла Г. Сальдерна. Не случайно именно факт оглашения проповеди станет решающим для российского правительства, когда оно будет искать подходящую кандидатуру на пост главы римских католиков империи.

Впоследствии, будучи уже могилевским архиепископом-митрополитом, Станислав Богуш-Сестренцевич обращался к прихожанам со своими посланиями-проповедями, в которых с помощью библейских цитат защищал правильность правительственного курса. По свидетельству С. Парчевского, на протяжении 53-летнего периода управления Римско-католической церкви в Российской империи, С. Богуш-Сестренцевич опубликовал более десяти проповедей [2, с. 52]. На сегодняшний день удалось найти только четыре [1].

Станислав Богуш-Сестренцевич никогда не был великим поэтом. Но, как современник эпохи Просвещения, он часто пытался выразить свои мысли с помощью стихотворной рифмы. Еще в 1752 г. он написал оду “*I gdzież mi to Hipokrene zachwycone myśli niesie*” (“И куда это Гипокрен несет мои воодушевленные мысли”). Получив работу секретаря князя Станислава-Игнацы Радзивилла и воспитателя его детей, С. Богуш-Сестренцевич, как требовала того эпоха, сочинил панегирик в честь своего благодетеля [2, с. 44-45].

Впоследствии, будучи уже священником, он, с целью еще больше понравиться королю Станиславу-Августу Понятовскому, опубликовал поэму “*Król ocalony*” (“Спасенный король”), осуждающую заговорщиков и превозносящую монархов. С. Парчевский, анализируя ее, восхищается поэтическим талантом своего родственника, богатством его воображения и способностью облекать свои мысли в наиболее выразительные стихотворные формы [2, с. 47].

В 1783 г., после путешествия в Крым, впечатленный и желающий отблагодарить за назначение могилевским архиепископом Григория Александровича Потемкина, С. Богуш-Сестренцевич сочиняет трагедию в стихах “*Gięca w Taurydzie. Tragedya przez autora “Historii Tauryckiej” napisana*” (“Гиция в Тавриде”) (Mohilew, 1783; след. изд.: Mohilew, 1788), неоднократно поставленную на сцене театра белорусского генерал-губернатора Захара Григорьевича Чернышева [2, с. 47]. Сегодня оригинал трагедии хранится в библиотеке Виленского университета (Фонд 3459. – Оп. 1. – Д. 156). Ирина Кадульская (профессор Гданьского университета, исследующая историю польского театра XVIII в.) предполагает, что пьеса была написана С. Богушем-Сестренцевичем при подготовке к приезду в 1780 г. Екатерины II в Могилев [3, с. 55]. Сюжет трагедии прост. Царица Херсона Гиция полюбила сарматского короля Сауромату. В военном столкновении между ними побеждают войска херсонской царицы. Победенный сарматский монарх становится мужем Гиции. Образ царицы Херсона, по задумке автора, должен был символизировать образ российской императрицы Екатерины II.

В дальнейшем могилевский митрополит неоднократно отзывался с помощью рифмы на различные российские политические события. Так, в 1789 г. он написал поэму “*O wzięciu Oczakowa*” (“О взятии Очакова”), прославляющую русское оружие, а в 1825 г. – “*Elegię na śmierć Aleksandra I*” (“*Elegię na śmierć Aleksandra I*”) [2, с. 46-47].

Свое прекрасное знание польского, белорусского, русского, литовского, эстонского, немецкого, французского, английского, латинского и древнегреческого языков Станислав Богуш-Сестренцевич продемонстрировал переводами. В 60-е гг. XVIII в. в Европе была безумно популярна работа английского медика Дж. Маккензи (J. Mackenzie) “*Искусство быть здоровым...*” После тяжелого ранения в руку (в битве под Кессельдорфом 15 декабря 1745 г. за австрийское наследство) С. Богуш-Сестренцевич усиленно интересовался медициной. Эта заинтересованность впоследствии привела к появлению перевода на польский язык настольной книги европейского врача середины XVIII в. “*Искусства быть здоровым и истории этого, или собрание всего того, что древние и современные врачи и философы предписали для выздоровления, с приложением первостепенных, для этого необходимых, правил*” (“*Sztuka utrzymania zdrowia i onej historia albo zebranie wszystkiego tego, co lekarze i filozofowie dawni i terażniejsi przepisali do utrzymania zdrowia*”. Wilnia, 1769; 2-е изд.: Wilnia, 1775.). Наградой будущему митрополиту за труд было согласие короля Речи Посполитой, как ктитора, основателя и благотворителя римско-католического прихода в Гомеле, на получение с него доходов [2, с. 46].

В 1777 г., будучи белорусским епископом, С. Богуш-Сестренцевич перевел с русского языка на польский “*Учреждения о губерниях*” Екатерины II (“*Nayprawosławnieyszey, naysamowładnieyszey wielkiey pani imperatorowey Katarzyny II ustawy na gubernie państwie cało-Rossyiskiego z narodowego na polski język przełożone przez Stanisława Sistrzeńcewicza-Bohusza, biskupa białoruskiego kościołów katolicko-łacińskich, pralata wileńskiego, kawalera orderu świętego Stanisława*”. Mohilew, 1777. 2-е изд.: Mohilew, 1795). В благодарность он получил от российской императрицы золотую табакерку, осыпанную бриллиантами. Не остался в долгу и король Речи Посполитой Станислав-Август Понятовский, наградивший епископа Станислава орденом Белого Орла [4, с. 54].

Францишек Стаховский упоминает также, о том, что могилевский митрополит оставил после себя в рукописях “*Граматику литовского языка*” (“*Gramatyka litewska*”) и “*Критико-филологическое исследование об эстонском и литовском*

языках, а также сокращенный словарь этих языков” (“Krytyczno-filologiczne rozprawę o języku estońskim i litewskim oraz skrócony słownik tych języków”) [5, с. 166-181]. Ставшая популярной в белорусской историографии (благодаря Г.А. Кохановскому [6]) версия о том, что данные работы представляют собой филологические исследования белорусского языка, не имеет под собой основания. В труде “Исторические исследования о происхождении славян или эскавоннов и сарматов и эпох принятия ими христианства” С. Богуш-Сестренцевич приводит выдержки из этих рукописей. В них он сравнивает между собой значение слов литовского, эстонского, польского и русского языков. Слова “литовского языка”, под которым ряд белорусских исследователей видят современный белорусский язык, являются словами современного литовского языка.

Имя Станислава Богуша-Сестренцевича известно также историографам в качестве одного из наиболее влиятельных российских историков первой четверти XIX в. Как историка, могилевского митрополита интересовало три тесно переплетенные между собой темы: история Крыма, происхождение славян и проблема становления у них государственности.

Манифест 8 апреля 1783 г. ознаменовал собою включение в состав Российской империи Крыма. Новороссийским генерал-губернатором был назначен светлейший князь Григорий Александрович Потемкин, который сразу же развил активную деятельность по органичному включению новоприсоединенных земель в состав империи. Одной из составляющих данной деятельности было историко-географическое изучение новых территорий. В конце 1782 г. Г.А. Потемкин поручил полковнику Херсонского пикинерского полка И. Синельникову и надворному советнику П. Неверовскому изучить новороссийские земли и сделать их описание с планами всех важнейших мест. Аналогичное поручение получил генерал-майор Н.Д. Языков, в задачу которого входило описать территории, вошедшие в состав Азовской губернии. Для изучения древнего Херсонеса в 1783 г. был послан подполковник Бальдани. К изучению юга Российской империи подключилась также Императорская Академия наук. С июля 1773 по февраль 1775 г. в Нижнем Подонье и Приазовье работала экспедиция И.А. Гюльденштедта (1745 – 1781). В 1781 – 1782 гг. в Крым была направлена экспедиция В.Ф. Зуева (1754 – 1794) [7, с. 42-44].

Летом 1783 г. Г.А. Потемкин поручает К.И. Габлицу (1752 – 1821)¹ составить естественнонаучное описание Крыма “по всем трем царствам природы”. Ученый сумел собрать и обработать данные в рекордный срок. “Физическое описание Тавриды” увидело свет в 1785 г. За этот труд, явившийся первым геологическим, ботаническим и биологическим описанием Крыма, К.И. Габлиц удостоился от императрицы “благоволения” и осыпанной бриллиантами табакерки, а также повеления составить историческое описание Крымского полуострова [7 с. 45]. Этой работой он занимался в Москве и Санкт-Петербурге в 1785 г., а также осенью 1786 г. в Крыму. 29 мая 1787 г. в Карасубазаре, К.И. Габлиц поднес императрице первую часть исторического описания Тавриды, а также труд с анализом географических известий античных и средневековых авторов, за что был награжден орденом св. Владимира IV ст. и бриллиантовым перстнем [7 с. 45-46].

Заинтересованность прошлым новых южных территорий России была настолько велика, что в интеллектуальной элите общества получили распростра-

¹ Одновременно с К.И. Габлицом коллежскому советнику М.И. Афонину было поручено составить “Обозрение Екатеринославской губернии”.

нение краткие рукописные исторические известия, как правило, анонимные [7, с. 39]. В это же время в Западной Европе одно за другим стали появляться сочинения, посвященные историческому, этнографическому и географическому описанию Крыма. Среди них особое место принадлежит трудам Жана-Батиста Бургиньона д'Анвиля, Иоганна-Эриха Тунманна, Обри де Ла Мотре, Шарля Пейсоннеля, Николауса-Эрнесте Клемана, Франца де Тотта, Элизабет Кравен и др. В Речи Посполитой историей юга России заинтересовался Адам Нарушевич (1733 – 1796). Сопровождая в 1787 г. короля Станислава-Августа Понятовского в поездке по польской части Украины, он был представлен в Каневе императрице Екатерине II и преподнес ей свое “Описание Тавриды”.

Среди этого достаточно многочисленного списка авторов, интересующихся историей Крыма, наиболее ярко засияло имя могилевского римско-католического митрополита Станислава Богуша-Сестренцевича. Но какова же причина того, что человек, на первый взгляд, не имеющий никакого отношения к Крыму, заинтересовался его историей?

Дело в том, что 17 (28) января 1782 г. Екатерина II подписала указ, согласно которому в границах всей Российской империи было образовано Могилевское римско-католическое архиепископство, а его главою был назначен Станислав Богуш-Сестренцевич. Данный указ должен был быть передан ему Г.А. Потемкиным. Тот вызвал новоназначенного архиепископа к себе в Новороссию (современный юг Украины).

Весной 1783 г. Станислав Богуш-Сестренцевич тронулся в путь. В Кременчуге он встретился с всесильным фаворитом. А. Старчевский пишет о том, что, вероятно, во время одной из встреч Г.А. Потемкин, пораженный эрудицией могилевского архиепископа, предложил ему написать “историю новоприобретенной страны”. Вскоре в Могилевской типографии С. Богуша-Сестренцевича была издана драма в стихах “Гиция в Тавриде”. Трагедия, написанная автором “Истории Тавриды”. Несмотря на то что заглавие книги позволяет утверждать уже о существовании исследования по истории Крыма², надо считать последнее выражение названия лишь анонсом скорого появления труда. Однако, “имев по ...должности мало свободных часов” [8, т. 1, с. 7], могилевский митрополит сумел завершить свой труд лишь спустя 17 лет. В 1800 г. в городе “Брунsvик” (Брауншвейг) увидело свет двухтомное исследование на французском языке “История Тавриды” [8]. Интеллектуальное сообщество смогло познакомиться с работой могилевского митрополита год спустя, о чем свидетельствует посвящение Александру I, датированное июлем 1801 г. Через 5 лет (в 1806 г.) Станислав Богуш-Сестренцевич издал ее русский перевод [8].

В своем сочинении автор опирается на данные античных и средневековых авторов (цитирует Страбона, Аппиана Александрийского, Аммиана Марцелина, Тацита, Плиния, Птолема, Овидия, Светония, Диона Кассия, Георгия Синкелла, Прокопия Зонарру, Кедрена, Тертуллиана, летопись Дуклянина, хронику Длугоша). Однако отмечает их отрывочность и неполноту: “Мрачные записки древности, – писал он, – подобны тем старым медалям, коих надписи стерлись до половины и коих уничтожившиеся буквы невозможно возобновить иначе, как догадками по тем, кои остаются у нас” [8, т. 1, с. 43]. Труд состоит из 16 книг и охватывает

² Что дало, по всей видимости, повод польскому библиографу Эстрейхеру причислить первое издание “Истории Тавриды” к 1780 г. (Bohusz-Siestrzeńcewicz St. Histoire de la Tauride. – Brunświk, 1780).

период с древнейших времен до 1783 г. – года включения Крыма в состав Российской империи. Его содержание следующее: I. Тавры – первые обитатели Херсонеса Таврического. II и III. Таврия под властью киммереян, а потом скифов. IV. Скифы, тавры – обитатели Таврических гор, современники скифов до X в. по христианскому летоисчислению. V. Херсонесская республика, или Херсонес в Тариде. VI. Таврия при босфорцах. VII. Амазонки. VIII. Сарматы в Тавриде. IX. Таврида под властью римлян. X. Таврида под владычеством гуннов. XI. Хозары в Тавриде с 679 по 894 год. XII. Таврида под властью печенегов. XIII. Таврида под властью руссов. XIV. Таврида под властью команов, или половцев. XV. Таврида под властью генуэзцев. XVI. Таврида под властью монголов и татар.

Однако, несмотря на огромный материал, собранный в данной работе, труд является лишь пересказом прочитанных автором источников, очень часто напоминая скорее историческую фантастику, чем научную монографию. В пользу “Истории Тавриды” можно привести лишь слова Ирины Владимировны Тункиной, отметившей, что, “несмотря на компилятивный характер и полное отсутствие критики использованных автором источников... эта книга явилась одним из первых сводных пересказов нарративной традиции о северном побережье Понта” [7, с. 42]. Для последующих поколений исследователей сочинение стало “вернейшим указателем источников, в коих можно находить сведения о Тавриде” [7, с. 42].

Вторым вопросом, наиболее волновавшим С. Богуша-Сестренцевича как историка, была проблема происхождения славян. В XVII – XVIII вв. в Речи Посполитой особенной популярностью пользовалась сарматская теория, согласно которой прародину славян надо искать в Сарматии (то есть в северном Причерноморье). Митрополит С. Богуш-Сестренцевич не был исключением. Работая над “Историей Тавриды”, он заинтересовался доказательством того, что прямыми предками славян были сарматы. Еще 18 (30) января 1785 г. он написал письмо к архиепископу Евгению (Булгарису) (1716 – 1806), в котором просил его разъяснить, на каком языке разговаривали сарматы. Меньше чем через месяц (25 февраля (8 марта) 1785 г.) архиепископ Евгений, находящийся в то время в Херсоне, ответил письмом-трактатом, смысл которого сводился к тому, что сарматы разговаривали на славянском языке [9]. В 1810 г. краткое содержание наработанного С. Богушем-Сестренцевичем материала было опубликовано на французском языке в “Кратком перечне исторических исследований об истоках сарматов, эсклавонов и славян” (“Sommaire de recherches historiques sur les origines des Sarmates, des Esclavons et des Slaves”. Mohilew, 1810).

В августе 1811 г. могилевский митрополит планировал опубликовать в Вильно на польском языке “Эпоху крещения сарматов, склавинов и истоки этих народов” (“Epochy chrztu Sarmatów, Skławinów i początków tych narodów”), но по каким-то неизвестным причинам с этой работой интеллектуальный свет Российской империи так и не познакомился. Вероятнее всего, рукопись этого труда под несколько иным заглавием “Исторические исследования о происхождении славян, а также литовского народа и его князей и эпох принятия ими христианской веры” (“Badania historyczne o pochodzeniu Skławian a między niemi Litewskiego narodu i jego xiążat i epochy przyjęcia przez nich wiary chrześcijańskiej”) хранится в библиотеке Чарторыйских в Кракове. В конце концов итог 25-летних изысканий С. Богуша-Сестренцевича был опубликован в “Исторических исследованиях о происхождении славян или эсклавонов и сарматов и эпох принятия ими христианства” (“Recherches historiques sur l’origine des Slaves ou Esclavons et des Sarmates et sur les époques de la conversion de ses peuples au Christianisme” St. Petersburg, 1812. – Vol. 1–4. (2-е изд.:

Precis des recherches historiques sur l'origine des Slaves ou Esclavons et des Sarmates et sur les époques de la conversion de ses peuples au Christianisme. St. Petersburg, 1812. – Vol. 1–4; 3-е изд.: St. Petersburg, 1833. – Vol. 1–4).

Если отделить часто противоречащие друг другу сведения и слишком явное фантазерство и выдумку, то основные выводы, к которым пришел автор, можно очертить следующими тезисами: 1) общими предками славян и сарматов являются мидяне; 2) скифы, напавшие на Мидию в середине II тыс. до н.э., увели часть мидян на берега Танаиса (Дона). В древнегреческой литературе эти пленники получили название “савроматы”; 3) с течением времени сарматы завоевали огромные территории от Дона до Эльбы и Дуная; 4) славяне являются прямыми потомками сарматов; 5) поселившиеся в “Вагиварии” славяне (названные Константином Порфирородным кроатами (или хорватами)) являются предками “литвинов”, “прусов”, “самогитян”, “куронов” и “леттов”; 6) язык, на котором разговаривали сарматы, – санскрит, на основе которого сформировались в том числе славянский и литовский языки; 7) существует 5 ветвей “Славянского языка”: а) “славянский первоначальный”, сохраненный фракийцами и используемый в богослужениях; б) “сербская” ветвь, включающая в себя, кроме сербского, “болгарский” и “фессалоникийский” (македонской. – М.П.) языки; в) “богемская” (чешская. – М.П.) – “моравский”, “силезский”, “иллирийский”, “далматинский”, “хорватский”; г) “польская” – “кашубский”, “вендский”, “козакский”, “сорабский”; д) “современный русский” – “современный малороссийский”, язык “гор Венгрии”, “боснийский”, “расциенский”, “краиенский” и “стириенский”.

Одновременно с изучением проблемы этногенеза славян митрополит Станислав Богущ-Сестренцевич приходит к выводу о существовании некогда единого восточнославянского государства – Русь, в состав которого входили в том числе белорусские и украинские земли (Западная Россия). Отметим, что для могилевского митрополита термины “Русь” и “Россия” были синонимичны. Фактически могилевский митрополит стоял на позициях “западноруссизма”. Свои идеи он выразил в работе “О Западной России” (“O Rossyi Zachodniey niegdyś z państwem rossyiskim złączoney, potom zaś w smutnych czasach oderwaney”), увидевшей свет в Могилевской типографии митрополита в 1793 г. По существу, она является своеобразным популярным справочным пособием по истории восточных славян до XIII в. В первой главе автор излагает взгляды по проблеме происхождения славян, их прародине, этимологии этнонимов славянских племен, а также процессов образования у них государственности. Следующие главы фактически представляют собой ряд небольших заметок о наиболее значимых городах удельных княжеств Западной Руси, в которых приводится местоположение селения, и перечисляются князья, правившие в нем. По С. Богущу-Сестренцевичу, славяне являются потомками сарматов, некогда живших на огромных территориях между Доном и Вислой и разговаривавших на “финском языке”. Со временем их отеснили на север другие племена, среди которых были и знеты (венеды). Именно взаимная ассимиляция сарматов и венедов стала основой для будущего славянского этноса, начавшегося формироваться в районе реки Дунай. В V в. н.э. славяне были вытеснены валахами и хазарами. В зависимости от наиболее характерных особенностей рельефа местности, где они проживали, славянские племена получили этнонимы. Славяне, поселившиеся “на правом, высоком берегу Днепра, напротив впадающей в него Десны”, получили название “киевляне” (от финского “Кы” – горец, житель гор). Славян, поселившихся севернее киевлян, вплоть до реки Припять, стали называть древлянами (жителями лесов).

На территории, ограниченной Припятью, Двиною, Березиной, Неманом, Бугом и Днепром, стали жить дреговичи. За Двиной в районе болот, около реки Полота, – полочане. Около Смоленска, на “кривой”, пересеченной местности поселились кривичи. От реки Рось славяне, жившие по ее берегам, получили название “поросяне”, от реки Буг – “бужане”. Радимичи, пришедшие в междуречье Днепра и Сожа, принесли вместе с собою и собственный этноним в память о родине (Радомль на Висле) и предводителе. В Карпатах поселились “Горпады” (или Белые хорваты); по реке Морава – моравяне; где река Варта образует “лэнк”, – ленчане. Ляхами стали называться славяне, жившие около реки Вислы и принявшие христианство латинского (ляцкого) обряда. Поляками стали называться племена, поселившиеся в “полях” около Вислы и на левой стороне Днепра. “Сарматы” этнонимом “чехи” называли славянские племена, жившие на западе за Вислой и Татрами. Начало российской государственности С. Богуш-Сестренцевич относит к 862 г., когда, исполняя предсмертную просьбу посадника Гостомысла, жители Великого Новгорода призвали его внуков (сыновей “Варяго-русского короля” в Финляндии), Рюрика и двух его братьев. Рюрик принял титул великого князя русского. При его сыне Игоре столица Руси была перенесена в Киев. Период “гражданских войн”, начавшийся после смерти Владимира I и продолжавшийся 200 лет, привел к завоеванию Руси татарами. Именно татарское иго привело к тому, что некогда единая Русь была разорвана на куски между ее соседями. Сегодня работа не представляет научной ценности. Она является лишь одним из библиографических примеров становления идей “западноруссизма” на белорусских землях и источником, позволяющим охарактеризовать видение могилевским митрополитом прошлого белорусов и украинцев.

Вновь проблема становления государственности на восточнославянских землях была затронута Станиславом Богушем-Сестренцевичем почти через четверть столетия в 1818 г., когда в Морской типографии (Санкт-Петербург) увидело свет “Исследование о происхождении русского народа”. Труд включал в себя следующие разделы: I. Славяне новгородские призывают руссов из-за моря княжить. II. Отечество русских была земля, которую первоначально обитали скифы и готы. III. Роксоланы – древнейшие обитатели северных стран Европы. IV. Россы в Азии и Европе. V. Россы пришли в Новгород из Швеции или Свонии. VI. Тождество свионов и шведов. VII. Какая часть Швеции была Отечеством русских? VIII. Варяги нападают на Новгород, побеждают тамошних славян и налагают на них дань. IX. Новгородцы призывают варягов на княжение. X. Варяги-россы овладевают Новгородом. XI. Всему государству присвоено название России. Могилевский митрополит не был нов. Его рассуждения полностью построены в рамках “норманнской теории” происхождения государства у восточных славян.

Мнения современников о Станиславе Богуше-Сестренцевиче как историке были противоречивы. Во многом на их характеристику влияло то положение, которое занимал могилевский митрополит среди российской бюрократической элиты, и те политические взгляды, которыми наделяли его современники.

28 марта 1815 г. архиепископ Евгений (Булгарис) в сердцах воскликнул в письме к В.Г. Анастасевичу: “Если вы прочтете Сестренцевичеву историю о скифах, то сообщите мне свое мнение. Если эта книга подобна истории о Таврии, по достоинству разруганной покойным Шлецером, то не велико приращение литературе. Я читал сию историю беспорядочную, бездоказательную (ибо многие цитации весьма лживы и собраны ему разными езуитами, а не самим им), во многом неполную, а

большим непринадлежащим наполненную, со многими странными в Истории парадоксами и проч. Я выходил иногда из терпения. Это не лучше затейливых книг Потоцкого” [10, с. 71-72]. Мнение православного иерарха еще дальше развил Зорин Доленга-Ходаковский, который, анализируя исторические труды моголевского митрополита, также не выдержал и написал: “...как в лесу после пожара, не нашел ни грибка, не одно высказывание не насытило меня”. И в то же время в защиту исторических работ Станислава Богуша-Сестренцевича выступили чешский славист кс. Юзеф Добровский [3, с. 300], профессор Виленского университета Ян Лобойко, российский историограф Александр Старчевский. Их характеристики можно объединить в емком высказывании последнего: “В нашей исторической литературе начала XIX в. Сестренцевич должен занять первое место после Карамзина” [4, с. 75]. Другой не менее известный историк и профессор Иоахим Лелевель, упомянутая исторические исследования моголевского митрополита, нейтрально заметил: “...представляют они, так скажу, старинный летописный способ, соединенный с новым стилем.... Много в них для чтения, а исследование не всегда от сомнения в правильности свободно, не всегда избавлено от противоречий...”

Заключение

Итак, митрополит Станислав Богуш-Сестренцевич оставил после себя сравнительно большой багаж из художественных и научных трудов (17 опубликованных и неопубликованных работ). Поэт, драматург, переводчик, философ, лингвист, филолог и историк, он пользовался среди своих современников заслуженной славой эрудита и популяризатора научного знания. Как историк моголевский митрополит не внес в историческую науку ничего нового. Его работы чаще напоминают историческую фантастику, чем научную монографию. Но он по праву может считаться одним из лучших популяризаторов прошлого в Российской империи начала XIX в. Беларусь для него является только составной частью России, которая входила в ее состав с начала формирования у славян государственности и только благодаря татарскому игу на некоторое время оказавшейся оторванной от нее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Bohusz-Siestrzeńciewicz, S.** Kazanie J.X. S. Bohusza-Siestrzeńciewicza wileńskiego katolickiego kanonika, dyczezyi duchownych y świeckich rządów generalnego administratora w dzień świętego Stanisław Kostki w roku 1771 w katedrze Wileńskiej miane. – [В.м.р.] ; Нем. пер.: Predigt des herrn Stanislaus von Bohus Siestrenczewicz Canonic, der kathedra kirche zu Wilna etc. welche er am tage des h. Stanislaus Kostka anno 1771 in der katedral-kirche zu Wilna gehalten, aus dem polnischhen ins Deutsche übersetzt von T.J. [В.м.р.] ; Рус. пер.: **Сестренцевич-Богуш, С.** Слово, сказанное в Вильне в кафедральной церкви св. Станислава 1771 года ноября в 13-й день, тогдашним Виленской кафедры каноником и епархиальным администратором, а ныне митрополитом всех римско-католических церквей в России и кавалером Станиславом Сестренцевичем Богушем / С. Сестренцевич-Богуш. – Санкт-Петербург : Типография Шнора, 1810. – 8 с. (2-е изд. : Санкт-Петербург : Типография И. Глазунова, 1819. – 8 с.). **Bohusz-Siestrzeńciewicz St.** Kazania i mowy w językach polskim i łaćńskim, miewane w różnych Białoruskich kościołach. – Mohilew : Drukarnia Uprzywłil: J.W. Arcybiskupa Mohilewskiego Kościoł: Rzysmk., 1783. Kazania i mowy w językach polskim i ruskim etc. – Mohilew: Drukarnia Uprzywłil: J.W. Arcybiskupa Mohilewskiego Kościoł: Rzysmk., 1794. Sermo die nalali Augustissimae Principis Calherinae II, Rossiarum omnium Imperatricis, ab Illustrissime Stanislas Siestrzeńciewicz-Bohusz dum paroecias visitarel in aede Parocchiali Rezitensi dictus, die 21 aprilis v.s. 1794 anno. – Mohilew : Drukarnia Uprzywłil: J.W. Arcybiskupa Mohilewskiego Kościoł: Rzysmk., 1794. Kazanie miane w Wilnie 1819 r. – Wilnia : J. Zawadski, 1819. (Рус.пер.: СПб., 1819.)

2. **Parczewski, S.** Mowa miana nad grobem J.W. Stanisława Siostrzeńcewicza-Bohusza, metropolity kościoła rzymsko-katolickiego w Rosyji, arcybiskupa mohilewskiego etc. / S. Parczewski. – Wilno : Druk A. Marcinowskiego, 1827. – 54 s.
3. Teatr Jezuicki XVIII i XIX wieku w Polsce. Z antologią dramatu / Wstęp i opracowanie I. Kadulska. – Gdańsk : Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 1997. – 552 s.
4. **Старчевский, А.** Русская историческая литература в первой половине XIX века. Карамзинский период с 1800 – 1825 год / А. Старчевский // Библиотека для чтения. – 1852. – Т. 112. – С. 49-108.
5. **Stachowski, J.F.K.** Rys życia i prac naukowych Sz.P. St. Siostrzeńcewicza, arcybiskupa mohilewskiego, metropolity kościołów rzymsko-katolickich w Rosyji etc. / J.F.K. Stachowski // Rocznik Towarzystwa Naukowego z Uniwersytetem Krakowskim połączonemu. – 1841. – Т. I. – S. 166-181.
6. **Каханоўскі, Г.А.** Сем прыгод Богуш-Сестранцэвіча / Г.А. Каханоўскі // Голас Радзімы. – 1980. – 20 сак. – С. 7–8. **Каханоўскі, Г.А.** Богуш-Сестранцэвіч Станіслаў Іванавіч / Г.А. Каханоўскі // Энцыклапедыя Гісторыі Беларусі : у 6 т. – Т. 2 / рэдкал. Б.Г. Сачанка (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларуская Энцыклапедыя, 1994. – С. 52. **Каханоўскі, Г.А.** Богуш-Сестранцэвіч Станіслаў Іванавіч / Г.А. Каханоўскі // Энцыклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусі : у 5 т. – Т. 1 / рэдкал. І.П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларуская Савецкая Энцыклапедыя, 1984. – С. 458. **Каханоўскі, Г.А.** Зменлівая фартуна / Г.А. Каханоўскі // Каханоўскі, Г.А. Адчыніся, таямніца часу : Гістарычна-літаратурныя нарысы / Г.А. Каханоўскі. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1984. – С. 69–75. **Мальдзіс, А.І.** Мітрапаліт Станіслаў Богуш-Сестранцэвіч як асоба энцыклапедычная / А. Мальдзіс // Нашыя святыні : матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі, прысвечанай 500-годдзю Мінскага фарнага касцёла, 225-годдзю Магілёўскай архідыяцэзіі, 210-годдзю Мінскай дыяцэзіі, Мінск, 7 чэрвеня 2008 г. / Польскі інстытут у Мінску ; рэдкал.: Т. Кандрусевіч [і інш.] ; навук. рэд. Т. Кандрусевіч, А.І. Мальдзіс, М. Каламайска. – Мінск : Выд. В. Хурсік, 2009. – С. 36–40.
7. **Тункина, И.В.** Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – сер. XIX в.) / И.В. Тункина. – Санкт-Петербург : Наука, 2002. – 676 с.
8. **Богуш-Сестренцевич, С.** История о Таврии / С. Богуш-Сестренцевич. – Санкт-Петербург : Типография Шнора, 1806. – Т. I-II. **Bohusz-Siostrzeńcewicz, S.** Histoire de la Tauride / S. Bohusz-Siostrzeńcewicz. – Brunswick: Pierre-François Fauche et Comp., Imprimeurs-Libraires, 1800. – Vol. 1-2. (2-е изд.: Bohusz-Siostrzeńcewicz, S. Histoire du royaume de la Chersonese Taurique. Seconde éd. revue/ S. Bohusz-Siostrzeńcewicz. – St. Petersburg : L’Imprimerie de l’Academie Russe Imperiale, 1824. – Vol. 1-2.)
9. **Евгений (Булгарис).** Письмо преосвященного Станислава Сестренцевича, архиепископа Могилевского, к преосвященному Евгению, архиепископу Булгарскому, и ответ сего святителя о том, что древние арматы говорили языком славянским / Евгений (Булгарис), С. Богуш-Сестренцевич // Вестник Европы. – 1805. – Ч. 21. – № 9. – С. 3–23.
10. **Францев, В.А.** Польское славяноведение конца XVIII и первой четверти XIX ст. / В.А. Францев. – Прага : Типография Политики, 1906. – V. 491. – CLXXXII с.

Поступила в редакцию 20.01.2010 г.

УДК 882.09

М.С. ЧЕРНОВА

В.Д. СПАСОВИЧ ОБ А.С. ПУШКИНЕ: ЗАБЫТЫЕ СТРАНИЦЫ РУССКОЙ ПУШКИНИСТИКИ

В историко-литературный обиход вводятся научные труды и речи адвоката и филолога В.Д. Спасовича, посвященные А.С. Пушкину. Определяется его метод исследования мировоззрения и творчества поэта. Доказывается, что суждения Спасовича об А.С. Пушкине соответствовали тенденциям, наметившимся в филологической науке последней четверти XIX в.

Введение

Уроженец Беларуси, выдающийся адвокат В.Д. Спасович (1829 – 1906) более полувека отдал правведению и судебной практике. Но не меньшее значение имела и другая сторона его деятельности – публицистическая и филологическая. Спасович был постоянным сотрудником “Вестника Европы”, одно время даже возглавлял в этом журнале отдел критики и библиографии. Ему принадлежали многочисленные труды по истории русской, польской и западноевропейской литературы. Тем не менее, “литературная деятельность Спасовича в целом не вызвала до сих пор, насколько нам известно, крупного критического исследования или хотя бы даже цельного изложения” [1, с. 8]. Эти строки были написаны его учеником и одним из первых биографов М.М. Виновером в 1907 г. Однако и сегодня историко-литературное и критическое наследие Спасовича остается неизученным.

В данной работе в историко-литературный обиход вводятся научные труды и речи Спасовича, посвященные А.С. Пушкину. Их анализ позволяет расширить представление о направлениях, существовавших в русской пушкинистике во второй половине XIX в., и восстановить незаслуженно забытую страницу, которую вписал в нее адвокат и филолог Спасович.

Основная часть

В числе первых его работ, посвященных поэту, была Речь, произнесенная 31 января 1887 г. на поминальном обряде по поводу пятидесятилетия со дня кончины Пушкина. Впоследствии эта Речь вошла в собрание сочинений Спасовича (1889 – 1902). К этому времени в науке о Пушкине обозначились новые тенденции: авторы многочисленных статей и историко-литературных исследований обратились к теме личной и творческой судьбы поэта. Во многом это было связано с открывшимися перспективами свободного изучения пушкинского архива: вскоре после праздника, посвященного открытию памятника Пушкину в Москве в июне 1880 г., сын поэта генерал А.А. Пушкин передал его в Румянцевский музей, сделав доступным для исследователей. Журналы “Русская старина”, “Исторический вестник”, “Русский архив” стали регулярно публиковать документальные материалы, раскрывающие неизвестные ранее факты биографии Пушкина, а также сведения о его окружении.

Спасович приветствовал возможности современной литературной науки и выражал надежду, что исследователи смогут “воспроизвести настоящего Пушкина” в противовес “сказочным представлениям”, сложившимся о нем в прошлом [2, с. 344]. Очевидно, он имел в виду суждения В.Г. Белинского, который объяснял творческую индивидуальность автора “Евгения Онегина” принадлежностью “душой и телом” “основному принципу своего класса” (дворян-помещиков. – М.Ч.) [3, с. 286]. А все упреки Пушкину в том, что в его произведениях не было социальной критики действительности, Спасович справедливо называл нарушением “исторического взгляда на вещи”. Автор речи-статьи считал недопустимой ошибкой попытки критиков разных направлений использовать мировоззрение и творчество Пушкина в качестве аргумента в пользу собственных идеологических и эстетических взглядов. “Мне нет никакого дела до того полумифического Пушкина, каким он был изображен в одной из известных речей, произнесенных 8 июня 1880 г.; до “всечеловека”, не то Христа, не то святого духа Параклита”, – иронизировал Спасович [4, т. 26, с. 151].

Это замечание было адресовано Ф.М. Достоевскому, который в произведениях Пушкина услышал призыв, обращенный к русской интеллигенции, “сми-

рить свою гордость”, принять из рук народа идеал Христа и объединить противоположные партии в совместной “работе на родной ниве”. Действительно, Достоевский оценивал национальное и мировое значение Пушкина исходя из своих почвеннических убеждений. Главными свойствами таланта поэта он считал “всемирность и всечеловечность”, а также “способность перевоплощения в гении других наций”. “Ведь мог же он вместить чужие гении в душе своей, как родные. В искусстве, по крайней мере, в художественном творчестве, он проявил эту всемирность стремления русского духа неоспоримо, а в этом уже великое указание”, – подчеркивал автор знаменитой Пушкинской речи [4, т. 26, с. 141, 148].

“Такая способность перевоплощения была бы, на мой взгляд, лишь высшей степенной подражательности”, – откомментировал Спасович мысль писателя о “всечеловечности” таланта Пушкина [2, с. 345]. Конечно, это замечание снижало пафос выступления Достоевского. Но приходится согласиться со Спасовичем, что подобные эмоциональные суждения о поэте, “высказанные хотя и с горячим чувством”, ничего не прибавляли к его реальному портрету. “Пушкин был выше и лучше любых оценок: он был собой”, – справедливо заключал Спасович и поэтому призывал “чествовать Пушкина только правдой” [2, с. 344].

Профессиональный юрист, Спасович и литературно-критические суждения основывал на фактах, подтвержденных документально. Свой метод исследования он определил как “сопоставление его (Пушкина. – М.Ч.) произведений, нам известных, и чувств, нами ощущаемых при чтении этих произведений, с личностью поэта, с известными нам биографическими данными, раскрытием стоящего за произведениями живого лица со всеми его доблестями и слабостями, с его темпераментом и характером” [2, с. 344]. В качестве источников своих исследований, помимо пушкинских произведений, Спасович использовал “Материалы для биографии А.С. Пушкина” П.В. Анненкова, письма поэта и воспоминания современников, а также описание его рукописей, составленных В.Е. Якушкиным. Все это позволило Спасовичу выделить свой аспект в проблематике современной ему пушкинистики: личность поэта и ее проявление в художественных произведениях.

Спасович называл Пушкина “дивным и гениальным поэтом”, “чародеем”, “создателем поэтического языка”, “воплощением литературного ренессанса” в России. Наиболее существенную сторону пушкинского дарования критик видел в способности поэта “мыслить и страдать выразительно”: “Он был единственно и исключительно только поэт и не более, как поэт!” [2, с. 345]. На первый взгляд, Спасович повторил мысль Белинского, превратившуюся в расхожую формулу: “Пушкин – поэт-художник, и в этом отношении он был только верен своей натуре” [3, т. 6, с. 282]. Но в оценке Спасовича отсутствовал негативный оттенок: для него Пушкин был явлением самоценным. В одной из своих судебных речей он говорил, что для него “нет более хороших минут, как те, которые проводятся в обществе талантливого художника и первостепенного мыслителя” [5, т. 5, с. 103].

В Речи о Пушкине 1887 г. Спасович высказал мнение, что поэта, творившего в 1820 – 30-е гг., “покоробило бы от нашей приземистой положительности, от нашей сухой и несколько черствой деловитости” и “его бы могла оттолкнуть наша демократическая грубость” [2, с. 344]. Этот тезис дает основание полагать, что Спасович ориентировался на главный принцип материалистической эстетики: искусство есть отражение жизни. Кроме того, он принимал важнейшее положение культурно-исторической школы, которое сформулировал ее глава А.Н. Пыпин: “По литературе мы имеем возможность судить возрождение общественного сознания” [6, с. VII].

Тема “Спасович и культурно-историческая филологическая школа” требует подробного изучения. В данном случае позволительно рассмотреть суждения Пыпина и Спасовича о Пушкине.

Задачу литературной науки Пыпин усматривал в сопоставлении художественного явления с жизнью, что, с его точки зрения, давало возможность понять “целый характер общества”. Он утверждал, что к середине 1830-х гг. интерес к произведениям Пушкина значительно упал. Ученый объяснил этот факт тем, что “общество не встретило у него (Пушкина. – М.Ч.) ответа на его (общества. – М.Ч.) ближайшие вопросы” [6, с. 614]. Как и Пыпин, Спасович рассматривал любое литературное явление в связи с конкретной исторической эпохой. Однако в данном случае необходимо сделать существенное уточнение. Спасович назвал Пушкина “могучим художественным выразителем господствующего чувства своего времени” [2, с. 345]. Следовательно, под действительностью он понимал не только социальные и политические обстоятельства, но и характерные для данной эпохи представления о мире и человеке. Поэтому во всех своих литературно-критических работах Спасович пытался вскрыть связь между объективно обусловленным мировоззрением, преобладающим в обществе, и собственными политическими и философско-эстетическими взглядами деятелей искусства.

Непосредственно вопросу “Пушкин и его время” Спасович посвятил лекцию-статью “Байронизм Пушкина” (1888), в которой была затронута самая обсуждаемая в русской критике и литературной науке проблема: эволюция политического мировоззрения поэта¹. Как подчеркивал Пыпин, открытие памятника Пушкину в Москве, а затем пятидесятилетняя годовщина со дня его смерти “были поводами к особенному оживлению” данной проблемы, без решения которой невозможно было определить ни историческое, ни национальное, ни литературное значение его творчества [6, с. 4]. Нельзя не отметить, что в числе наиболее значимых исследований в пушкинистике последней четверти XIX в. Пыпин назвал и статью Спасовича “Байронизм Пушкина” [6, с. 4].

В этой статье Спасович анализировал мировоззрение и творчество поэта 1820-х гг., периода, который принято называть “байроническим”. Следует подчеркнуть, что автор лекции-статьи понимал “байронизм” и как общественное явление, и как “умственное настроение”, обусловленное конкретно-историческими обстоятельствами. С этой точки зрения он видел в Дж.Г. Байроне выразителя “настроения” людей его (Байрона. – М.Ч.) поколения, разочаровавшихся во Французской революции XVIII в., которая жестокостью дискредитировала свои гуманистические стремления. В то же время Спасович называл английского поэта “знаменосцем либерализма”, до конца жизни сохранившим верность идеалам Просвещения. А его пессимизм, мизантропию и эгоизм автор статьи считал реакцией на невозможность воплощения этих идеалов в жизнь: “Верный сын XVIII в., Байрон не пожертвовал ни одним из идеалов этого века <...> но так как они еще до него были втоптаны в грязь и опошлены, то Байрон вымещает свое негодование за это осквернение идеалов на всем роде человеческом” [7, с. 7].

Пушкин принадлежал другому миру и другой эпохе. Поэтому ни исторических, ни социальных причин для появления у него “байронических настроений” в

¹ В.Я. Стоюнин “Пушкин” (1881); П.В. Анненков “Общественные идеалы Пушкина” (1881); А.И. Незеленов “А.С. Пушкин в его поэзии. Первый и второй периоды жизни и деятельности (1799 – 1826)” (1882); В.В. Никольский “Идеалы Пушкина” (1882); В.Е. Якушкин “Радищев и Пушкин” (1886).

их радикальной форме Спасович не находил. “Тоска и разочарование Пушкина произошли не от неудач и провалов в русской и европейской общественности”, – утверждал он [7, с. 12]. В творчестве Пушкина “бурных годов молодости” Спасович усматривал лишь отражение “неустойчивых политических убеждений” поэта [7, с. 11]. Сопоставив произведения Пушкина 1820-х гг., критик обратил внимание на отсутствие в них “объединяющей идеи”, позволяющей судить об общественных взглядах их автора. В стихотворении “Деревня” Спасович отметил, с одной стороны, либеральные призывы к отмене крепостного права, утверждение внесловной ценности человека, а с другой – упование на государя и монаршую волю (“...рабство падшее по манию царя”). В послании “К Чаадаеву” (“Любви, надежды, тихой славы...”) и оде “Вольность” А.С. Пушкин выражал конституционно-монархические взгляды, а стихотворение “Кинжал” наполнил свободолобивым пафосом. Но уже в 1823 г., как утверждал автор статьи, Пушкин усомнился в целесообразности борьбы за “общее благо” и с прискорбием констатировал, что “мирные народы” “не разбудит чести клич” [8, т. 1, с. 215].

Для определения общественных взглядов Пушкина Спасович использовал заимствованное у А. Мицкевича понятие “байронствующий”, что означало “одержимый духом своего любимого автора” [7, с. 18]. Однако эта “одержимость” была свойственна поэту лишь в период его “юношеского героизма”.

Самому Спасовичу были понятны эти романтические устремления. В свое время, вдохновленный возвышенными призывами оды Мицкевича “Молодость”, гимназист Спасович клялся посвятить свою жизнь борьбе за независимость Польши, что, однако, не помешало ему впоследствии сделать блестящую адвокатскую карьеру в Петербурге. “У каждого из нас была такая пора в жизни, когда он смотрел титаном, готовым весь мир объять, пересоздать и превратить в земной рай. Потом пора эта проходит: титан возвращается к обыденным занятиям и становится добродушным филистером, самым усердным и аккуратным чиновником”, – признавался Спасович, выступая на судебном процессе по так называемому “нечаевскому делу” (1871) [2, с. 242]. Поэтому перемены в пушкинском мировоззрении он расценивал не как измену вольнолюбивым идеалам, а как закономерный процесс взросления: “Чем больше мужал и входил в лета Пушкин, тем более он степенился, становился положительным, консервативным человеком в политике, чуждающимся фрондерства” [5, т. 2, с. 268-269].

Спасович не раз подчеркивал, что не следует отождествлять поэта с создаваемым им образом лирического героя. Он понимал, что стихи зачастую являются отражением сиюминутных эмоций их автора, а потому советовал с осторожностью использовать художественные произведения для характеристики его мировоззрения. Однако критик не всегда следовал собственным советам. Показателен в этом смысле его комментарий к письму поэта, адресованному А.И. Тургеневу (1 декабря 1823 г.), в котором А.С. Пушкин назвал свою оду “На смерть Наполеона” (1821) “последним либеральным бредом” [8, т. 9, с. 80]. В.Д. Спасович расценил эти слова, а также стихотворение “Свободы сеятель пустынный...” как доказательство окончательного отрезвления поэта от революционно-романтических иллюзий молодости. В статье “Пушкин и Мицкевич у памятника Петру Великому” (1887) он писал: “Ему (Пушкину. – М.Ч.) вполне уяснился общий смысл русской истории, ее неизменная формула: всякое крупное политическое действие – только по почину правительства; оно есть движущее и образующее начало в русской истории” [5, т. 2, с. 269]. Вот почему автор этих строк был

убежден, что поэт, имевший множество друзей среди членов тайного общества декабристов, на Сенатскую площадь не вышел бы, а приписываемую ему фразу, якобы сказанную в разговоре с Николаем I: “Стал бы в ряды восставших”, считал легендой.

В самом деле, все значительные вехи в русской истории, “пробуждение России, развитие ее могущества, ее движение к единству” Пушкин связывал с наиболее выдающимися монархами. В неотправленном письме к П.Я. Чаадаеву (19 октября 1836 г.) он отдавал должное Ивану III, Ивану IV, Михаилу Романову, Петру Великому, “который один есть целая история”, Екатерине II, “которая поставила Россию на пороге Европы”, Александру I, приведшему русские войска в Париж [8, т. 10, с. 287].

Для монархических убеждений Пушкина Спасович находил более прочные основания, чем для его “байронических настроений”. Отдельные высказывания в “Записках”, “Родословной моего героя”, некоторых строфах “Евгения Онегина” позволяли критику считать, что с русским государем и монархическим государством Пушкина связывало и происхождение столбового дворянина, и древняя история рода, и, наконец, обучение в Царскосельском лицее. “Я в нем усматриваю весьма значительный элемент проницающей его насквозь русской государственности того времени, который хотя и не заметен на первый взгляд, но сильно повлиял на его жизнь и отчасти определил весь ход, все эволюции его поэтического творчества”, – отмечал Спасович в речи “По случаю столетней годовщины рождения А.С. Пушкина” (1899) [5, т. 9, с. 375]. Аттестуя поэта верноподданным государственным, он в то же время снимал обвинения в заискиваниях перед царем, которые предъявляла Пушкину демократическая печать того времени. Особенно не прощались поэту “Стансы” (1826), в которых Николай I сравнивался с Петром Великим: *Семейным сходством будь же горд; // Во всем будь пращурю подобен; // Как он, неумим и тверд, // И памятью, как он, незлобен* [9, т. 2, с. 90]. Кроме того, в начале 1880-х гг. стали известны строки из цитированного выше письма к Чаадаеву, где Пушкин выразил уверенность в том, что в царствовании Николая I есть “что-то значительное”, “что-то такое, что поразит будущего историка” [8, т. 10, с. 287]. В.Д. Спасович был убежден, что в отношении Пушкина с Николаем I первостепенную роль играли личные чувства, совершенно искренние, проистекающие из “нравственной стороны характера” поэта: “В числе его главных качеств была благодарность за всякое добро. Тонкая нить признательности Императору Николаю I за оказанное ему доверие была в действительности крепче стальных проволок” [5, т. 9, с. 378].

Заключение

В суждениях о Пушкине Спасович отказывался от идеологических установок, на которые ориентировалась критика предшествующего периода. Его работы, посвященные поэту, соответствовали новым тенденциям, складывавшимся в литературной науке последней четверти XIX в. Как адвокат, Спасович использовал не столько “оценивающий”, сколько “объясняющий” принцип изучения пушкинского наследия. Как филолог, он обуславливал мировоззрение и творчество Пушкина конкретно-историческими условиями, а также свойствами характера поэта и обстоятельствами его судьбы. Таким образом, Спасович стал одним из тех, кто намечал перспективы пушкинистики начала XX в., которая будет избавлять Пушкина от завышенных требований, предъявляемых потомками, и от их не всегда справедливого суда.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Виновер, М.М.** Речь о Спасовиче / М.М. Виновер. – СПб. : Тип. тов. “Общественная польза”, 1907. – 56 с.
2. **Спасович, В.Д.** Избранные труды и речи / В.Д. Спасович. – Тула : Автограф, 2000. – С. 343–346.
3. **Белинский, В.Г.** Сочинения Александра Пушкина. Статья пятая / В.Г. Белинский // Собр. соч. : в 9 т. – М. : Художественная литература, 1976 – 1981. – Т. 6. – С. 249–298.
4. **Достоевский, Ф.М.** Пушкин. (Очерк) произнесено 8 июня в заседании Общества любителей российской словесности / Ф.М. Достоевский // Полн. собр. соч. : в 30 т. – Л. : Наука, 1984. – Т. 26. – С. 136–149.
5. **Спасович, В.Д.** Собр.соч. : в 10 т. / В.Д. Спасович. – СПб. : Бр. Рымович, 1889 – 1902.
6. **Пыпин, А.Н.** Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятих годов. Исторические очерки / А.Н. Пыпин. – СПб. : Колос, 1909. – С. 131.
7. **Спасович, В.Д.** Байронизм у Пушкина / В.Д. Спасович // Байронизм у Пушкина и Лермонтова с приложением краткой биографии лорда Байрона, составленной Богданом Степанцем. – Вильно : Северо-западное книгоиздательство, 1911. – С. 1–39.
8. **Пушкин, А.С.** Собр. соч. : в 10 т. / А.С. Пушкин. – М. : Художественная литература, 1974–1978.

Поступила в редакцию 31.12.2010 г.

УДК 811.161.1'42

Е.В. ВОРОНОВА

ГЕТЕРОГЕННОСТЬ – СУЩНОСТНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

В данной статье рассматривается важное свойство художественного текста – его гетерогенность, которая вытекает из таких характеристик, как диалогичность текста и интертекстуальность. Особое внимание уделяется разносубъектной гетерогенности, которая является основой формирования жанровой, тематической и стилистической гетерогенности и эксплицируется в основных формах передачи чужой речи (прямой, косвенной и несобственно-прямой речи).

В результате проведенного анализа выявлено, что создание гетерогенности художественного текста определяется авторской интенцией и обусловлено основными законами коммуникации.

Введение

В современной лингвистике, несмотря на множество подходов и исследований, до сих пор не выработано единого определения понятия *текст*.

Главенствующий на сегодняшний день коммуникативно-диалогический подход к интерпретации высказываний и текста (М.М. Бахтин, Е.В. Падучева, Ж.-М. Адам и др.) определяет текст как форму письменной коммуникации во всей ее комплексности, многомерности и динамичности. Текст – материальный результат речемыслительной деятельности, свойства которого вытекают из его коммуникативной природы, а также правил построения смысла и его структурирования.

Большинство ученых выделяют следующие фундаментальные характеристики, свойственные всем текстам: содержательные (семантико-прагматические) категории (О.П. Воробьева, И.Р. Гальперин, З.Я. Тураева); формально-структур-

ные категории, характеризующие способ организации текста (композиция, членность, когезия) (И.Р. Гальперин, А.Ф. Папина) и др.

Основная часть

Одной из важнейших категорий текста признана *диалогичность*, характеризующая его направленность на адресата, способность текста обеспечивать взаимодействие между равноправным и равнозначным сознанием участников диалога (автора и читателя) [1, с. 9]. Художественный текст является формой письменной коммуникации автора и читателя, и в задачу автора, как инициатора этого общения, входит не только передача определенного смысла, но и необходимость удерживать внимание и интерес читателя на всем периоде письменной коммуникации/чтения. С этой целью автор использует различные стратегии таким образом, что художественный текст предстает как “комплекс **разнородных** структурных единиц, в числе которых – отображение реальных фактов, их творческая интерпретация, наличие лирических компонентов, документальные сведения, конгломерат выразительных средств – словом, сложное единство разнообразных элементов, имеющих различные генетические и функциональные истоки” [2, с. 12].

Последние исследования в рамках художественной коммуникации позволили утверждать наличие еще одного важного признака художественного текста – *интертекстуальности*, которая определяется как неотъемлемое “свойство любого текста вступать в диалог с другими текстами” [3, с. 19]. Представляя текст как комплекс, где другие тексты (предшествующей и окружающей культуры) присутствуют на разных уровнях в более или менее узнаваемых формах, сторонники теории интертекстуальности позволили акцентировать внимание на гетерогенном характере речи субъекта, которая является “откликом, ссылкой или неприятием дискурса других”, поэтому текст субъекта никогда не бывает абсолютно исходным, а всегда “говорит” до того где-нибудь в другом месте [4, с. 98].

Таким образом, рассматриваемый в рамках теории интертекстуальности художественный текст референциально в большей степени направлен на пространство других текстов, чем на реальную действительность¹, что объясняет его семантическую гетерогенность. При этом “инородные” элементы (включаемые другие тексты или их элементы) уже имеют свое значение, поэтому можно утверждать, что однозначность текста уступает место множественности и разнообразности его трактовок. Множественность смыслов реализуется на разных уровнях и в разных плоскостях взаимодействий автора и читателя, а в их сложные диалогические отношения “вплетаются перекличка высказываний из разных текстов, принадлежащих разным эпохам, культурам, идеологиям, авторам” [5, с. 5].

Таким образом, восприятие читателем текста затрудняется, поскольку текст становится “подобным айсбергу, скрывающему свою основную часть под водой” [6, с. 56], и для адекватного понимания информации в задачу читателя входит не только распознавание “чуждого текста”, но и его идентификация и правильное истолкование.

Использование “чуждого слова” и создание конструкций “текст в тексте” связано с активной авторской установкой на диалогичность и позволяет ему не ограничиваться лишь сферой своего индивидуального сознания, а вводить в текст одновременно несколько субъектов высказывания, которые оказываются носите-

¹ В проекции на реальную действительность текст, включающий в себя другой текст (элементы других текстов) становится двусоставным, то есть гетерогенным.

лями разных художественных систем. При этом, используя “чужое слово”, автор, с одной стороны, как бы ищет подтверждения своих слов, опираясь на ранее сказанное, и частично снимает с себя ответственность за высказанные мысли, идеи. А с другой стороны, он утверждает среди других собственное “Я”, поскольку, используя элементы чужих текстов, он раскрывает себя как читателя, как бы примеряет на себя его маску.

Благодаря отсылке к другому источнику нарушается линейный характер текста и внимание читателя акцентируется на его дискретности и разнородности, которая чаще всего сопровождается более или менее четкими формальными показателями.

Так, Ю.В. Шарапова выделяет 5 способов, при помощи которых “чужеродные” элементы (вкрапления) разрушают однолинейность структуры художественного текста:

- 1) смена жанрового параметра (жанровая гетерогенность);
- 2) тематическая модификация параметра (тематическая гетерогенность);
- 3) смена стилистического ракурса (стилистическая гетерогенность);
- 4) вариация получателя сообщения (адресатная гетерогенность);
- 5) диалогизация авторского повествования (разносубъектная гетерогенность)

[7, с. 10].

Можно предположить, что разносубъектная гетерогенность является основой придания тексту разноплановости и многомерности. Во-первых, следует отметить, что речь автора как производителя текста и персонажа как вымышленной фигуры вымышленного мира лежат в разных плоскостях. Но задачей автора является создание фиктивного мира с “живыми существами”, обладающими своими мыслями, идеями, персональными особенностями, привычками, в том числе и речевыми. Таким образом, обеспечение жанровой, тематической, стилистической гетерогенности зависит от интенций автора, его стремления создать полноправных субъектов речи, вступающих в общение с автором и читателем на равных.

Явление “чужой речи” (речи Другого/ персонажа) давно находится в сфере интересов лингвистов. Ее отличительной особенностью является разнородность языковых сфер, с которыми соотносится явление чужой речи и многоплановость тех лингвистических понятий (категорий), в рамках которых описывается данное явление.

Традиционно в лингвистике под *чужой речью* понимается “речь, не принадлежащая говорящему, а лишь воспроизведенная (пересказанная) им с возможным указанием на ее цель, источник и ситуацию, в которой она реализовалась” [8, с. 485].

Основанием для выделения “чужой речи” является оппозиция “свое – чужое”, где авторскому слову как слову производителя текста (“мое слово”) противостоит слово другого субъекта речи/персонажа (“чужое слово”).

Разносубъектная гетерогенность как усложнение структуры текста за счет введения нескольких субъектов речи и их непосредственной интеракции эксплицируется в тексте благодаря существующим способам передачи “чужой речи”. Эти исторически сложившиеся методы внедрения “чужой речи” в высказывание (текст) передают, с одной стороны, “степень ее информационной точности и смысловой полноты, и, с другой стороны, ее морфолого-синтаксическую структуру, целевую установку, стиль, эмоциональную окраску” [9, с. 16].

В качестве основных структурно-семантических форм передачи “чужой речи” лингвисты выделяют: прямую речь, косвенную речь, несобственно-прямую речь. Все три способа являются способами создания разносубъектной гетерогенности

в тексте, а также способствуют осуществлению жанровой, тематической и стилистической гетерогенности.

Прямая речь занимает особое место среди способов передачи чужой речи, поскольку является наиболее субъективной ее формой. При этой форме передачи чужая речь не поглощается планом авторской речи, а вводится в высказывание как самостоятельное и неделимое целое. Таким образом, сохраняется неповторимый стиль говорящего за счет индивидуальных стилевых особенностей выражения (колоритообразующей и эмоционально окрашенной лексики), что в свою очередь способствует созданию стилистической разнородности авторского текста. Грамматическое же единство авторского текста нарушается отражением ситуации “я – здесь – сейчас” персонажа, которая создается с помощью использования личных местоимений первого и второго лица, употребления временных форм и наклонений, отражающих индивидуальное время персонажа. Однородность синтаксического строя авторского текста при использовании прямой речи нарушается употреблением обращений, побудительных, восклицательных и вопросительных предложений.

Косвенную речь определяют как одно из главных средств создания субъектной многомерности художественного текста [10, с. 84]. Этот факт объясняется двусубъектностью конструкций с косвенной речью, содержащих информацию о первичном коммуникативном акте (между персонажами) и вторичном (между автором и читателем). Двусубъектность конструкций с косвенной речью свидетельствует об их полифоничности, поскольку целью косвенной речи является не только, и не столько передача автором чужого высказывания, а скорее его анализ и оценка [10, с. 97].

Однако косвенная речь – грамматикализованное средство передачи чужой речи, здесь план персонажа полностью подчинен плану автора, поэтому формальные маркеры разносубъектной гетерогенности в тексте с косвенной речью отсутствуют.

Специфика *несобственно-прямой речи* заключается в том, что она представляет собой процесс конструирования и материализации чужой внутренней речи на основе умозаключения автора, то есть является одновременно “продуктом виртуального мышления героя и актуального мышления автора” [11, с. 345].

Такой синтез в несобственно-прямой речи субъектных пластов автора и персонажа, их “одновременное говорение” создает полифоническое звучание текста и характеризует несобственно-прямую речь как механизм придания тексту гетерогенного характера. При этом несобственно-прямая речь способна передавать как сказанное персонажем или персонажем-повествователем или другим лицом, его внешнюю речь, так и внутреннюю речь персонажа или персонажа-повествователя, погруженного в собственные мысли, чувства, усложняя таким образом субъектную организацию текста.

В качестве критериев отграничения несобственно-прямой от авторской речи выделяют следующие критерии: прономинальную транспозицию, темпоральный сдвиг, модально-прагматический и синтаксический аспекты [12, с. 5].

Как и прямая речь, несобственно-прямая речь отражает работу сознания персонажа, что в тексте проявляется как в способах номинации (оценочных словах, междометиях), так и в локализации референтных ситуаций именно с позиции персонажа, а не автора. Наиболее характерными маркерами в данном случае являются различные дейктические элементы.

Синтаксическая однородность авторского текста при введении несобственно-прямой речи нарушается использованием неутвердительных речевых актов

(например, вопросом), обращениями и императивами, различными эмфатическими конструкциями, восклицаниями, эллипсисами, повторами, использованием моделей разговорного синтаксиса, а также различными модальными глаголами и модальными наречиями как средством передачи эмоционально-экспрессивных оттенков внутреннего, субъективного отношения персонажа к сообщаемому.

Стилистическая гетерогенность текста с вкраплениями несобственно-прямой речи заключается в наличии различных слов и словосочетаний, речевых оборотов, отражающих социально-жанровый компонент стилистического значения речи персонажа (мыслящего субъекта): просторечные, фамильярные выражения, арготизмы, диалектизмы и т.д.

Однако своим грамматическим оформлением несобственно-прямая речь сближается с косвенной, что представляет трудности для ее выявления и создает эффект внешней однородности текста. Поэтому часто чуть ли не единственным маркером несобственно-прямой речи выступает пунктуация.

Заключение

Перечисленные выше способы передачи “чужой речи” определяют гетерогенность внешне однолинейной структуры художественного текста посредством изменения жанровых параметров, тематической модификации изложения, смены стилистического ракурса, а также варьирования адресата и диалогизации авторского повествования.

Относительно адресатной гетерогенности текста можно утверждать, что она также вызвана желанием автора разнообразить свое повествование и повысить читательский интерес. С этой целью автор может фиктивно изменить вектор обращенности, например, имитируя автокоммуникацию (в дневниках, мемуарах) или адресуя свой текст конкретному собеседнику (в письмах).

Таким образом, интертекстуальность и диалогичность изначально присущи всякому тексту, и именно эти признаки определяют еще одно важное свойство художественного текста – его гетерогенность, поскольку текст, включающий в себя признаки (элементы) “чужеродности”, не может считаться гомогенным монологическим образованием, а представляет собой сложное гетерогенное единство.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Арутюнова, А.Ю.** Диалогичность текста и категория связности : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / А.Ю. Арутюнова ; Ставропольский гос. пед. ин-т. – Ставрополь, 2007. – 22 с.
2. **Ученова, В.В.** Полифония текстов в культуре / В.В. Ученова, С.А. Шомова. – М. : Омега. – Л. : ИМПЭ им. А.С. Грибоедова, 2003. – 392 с.
3. **Кузьмина, Н.А.** Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка / Н.А. Кузьмина. – М. : УРСС, 2007. – 272 с.
4. **Серио, П.** О языке власти: критический анализ / П. Серио // *Философия языка: в границах и вне границ* : Международная серия монографий : в 2 т. – Харьков : Око, 1993. – Т. 1. – С. 83–100.
5. **Масленникова, А.А.** Лингвистическая интерпретация скрытых смыслов / А.А. Масленникова. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. – 264 с.
6. **Левченко, Е.Б.** Автор и интерпретатор: парасубъект философии и культуры / Е.Б. Левченко, Е.Н. Юркевич. – Харьков : Фолио, 1995. – 92 с.
7. **Шарапова, Ю.В.** Несобственно-прямая речь в функционально-коммуникативном и структурно-семантическом аспектах (на материале английского языка) : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Ю.В. Шарапова ; Российский гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. – СПб., 2001. – 18 с.
8. *Русская грамматика* : в 2 т. / редкол. Н.Ю. Шведова (гл. ред.) [и др.] – М. : Наука, 1980. – Т. 2 : Синтаксис. – 709 с.

9. **Чумаков, Г.М.** Синтаксис конструкций с чужой речью / Г.М. Чумаков. – Киев : Вища школа, 1975. – 220 с.
10. **Попова, Е.А.** Третьеличный нарратив русской литературы и косвенная речь как средство его структурно-смысловой организации: монография / Е.А. Попова. – Липецк : Изд-во ЛГПУ, 2005. – 200 с.
11. **Волошинов, В.Н.** Марксизм и философия языка / В.Н. Волошинов // Философия и социология гуманитарных наук. – СПб. : Астaпресс, 1995. – С. 216–380.
12. **Омелькина, О.В.** Несобственно-прямая речь как лингвопрагматическая категория (на материале немецкоязычной прозы) : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / О.В. Омелькина ; Самарский гос. пед. ун-т. – Самара, 2007. – 26 с.

Поступила в редакцию 29.04.2010 г.

УДК 811.161.3 : 81”42

Л.М. ШЭЦКА

ПРОЗА-ПАЭТЫЧНЫ ІДЫЯСТЫЛЬ У. КАРАТКЕВІЧА Ў АСПЕКЦЕ ЎНУТРАНАЙ ІНТЭРТЭКСТУАЛЬНАСЦІ

У артыкуле вызначаюцца параметры апісання проза-паэтычнага ідыястылю У. Караткевіча ў аспекце ўнутранай інтэртэкстуальнасці на наступных узроўнях: канцэптуальным, вобразным, жанрава- і тэматычна-тэкставым. Даследаванне проза-паэтычнага ідыястылю (ППІ) У. Караткевіча, які ў сукупнасці ўяўляе сабой двухадзіны паліжанравы (проза + паэзія) феномен, з’яўляецца перспектыўным з прычыны нераспрацаванасці мадэлі комплекснага аналізу поліжанравага ідыястылю.

Уводзіны

Даследаванне мовы мастацкіх тэкстаў звязана з паняццем індывідуальнага стылю (ідыястылю), якое “з’яўляецца скрозь і пранікае ўсюды, дзе складаюцца ўяўленні аб індывідуальнай сістэме сродкаў выражэння і адлюстравання, выразнасці і вобразнасці, супастаўленай ці супрацьпастаўленай іншым аднародным сістэмам” [1, с. 8]. У якасці важнай лінгвастылістычнай катэгорыі індывідуальны стыль неаднаразова становіцца аб’ектам аналізу. Так, сярод айчынных манаграфічных даследаванняў, прысвечаных ідыястылям асобных аўтараў, можна прыгадаць работы Т.У. Балаш “Лінгвоканцэптуальны аналіз художественнага тэкста” [2], Д. Бугаёва “Паэзія Максіма Танка” [3], В.А. Маславай “Поэт и культура: Концептосфера Марины Цветаевой” [4], І.Я. Навуменкі “Змітрок Бядуля” [5], В.П. Рагойшы “Слядамі знічкі: Пра Сяргея Палуяна” [6] і інш.

Аб’ектам вывучэння ў такога роду даследаваннях звычайна становіцца творчасць або пісьменнікаў-празаікаў, або паэтаў, або драматургаў. Разам з тым індывідуальна-аўтарская канцэпцыя свету можа рэпрэзентавацца адным і тым жа мастаком слова і ў прозе, і ў паэзіі, і ў драматургіі. У рускай літаратуры – гэта, напрыклад, творчасць А.С. Пушкіна, І.С. Тургенева, Б.Л. Пастарнака, І.А. Буніна і інш. Для беларускай літаратуры і культуры адным з найбольш яркіх прыкладаў такога плану з’яўляецца літаратурна-мастацкая спадчына Уладзіміра Караткевіча. Як піша В.К. Шынкарэнка, “Уладзімір Караткевіч нарадзіўся і сцвердзіўся як мастак дзеля таго, каб яшчэ раз нам прыгадаць, што ўдалеч кожны мусіць ісці сваім адметным шляхам, несучы ў сэрцы любасць да ўсяго людства, адчуваючы асабістую непаўторнасць і памятаючы пра незвычайнасць іншых, узбагачаючыся

стварэннямі геніяў усяго свету праз усведамленне духоўнасці і годнасці здабыткаў роднай зямлі” [7, с. 53].

Разам з тым значым, што лінгвастылістычнае апісанне ідыястылю У. Караткевіча не атрымала, на наш погляд, дастатковай увагі вучоных. Часцей за ўсё даследчыкамі разглядаліся некаторыя творы ў пэўных літаратуразнаўчых і мовазнаўчых аспектах (пытанні жанравай і стылявой разнастайнасці, элементы вобразнай сістэмы, фальклорныя традыцыі, мастацкі пераклад і інш.). Сярод такіх прац можна адзначыць літаратуразнаўчыя работы А. Вераб’я “Рыцар Беларусі: роздум пра творчасць У. Караткевіча” [8], Ю.М. Літвінавай “Фальклорныя традыцыі ў паэзіі Уладзіміра Караткевіча” [9], А. Русецкага “Уладзімір Караткевіч: праз гісторыю ў сучаснасць” [10] В.К. Шынкарэні “Пад ветразем добра і прыгажосці: Жанрава-стылявыя асаблівасці прозы У. Караткевіча” [11] і інш.

Сярод лінгвістычных работ, прысвечаных асобным аспектам аналізу ідыястылю пісьменніка, можна адзначыць даследаванні П.П. Жаўняровіча “Публіцыстыка Уладзіміра Караткевіча: моўны факт у вызначэнні жанру” [12], В.І. Іўчанкава “Лексическая организация текста: В творческой лаборатории В. Короткевича” [13], С.М. Лясовіч “Сістэма колераабазначэння ў мове твораў Уладзіміра Караткевіча: Структурна-семантычны, функцыянальны і кагетыўны аспекты” [14] і інш.

Вывучэнне праблемы “літаратурнага білінгвізму” (паэзіі і прозы аднаго аўтара) прыводзіць да неабходнасці пабудовы мадэлі комплекснага аналізу поліжанравага ідыястылю. Вершы і проза аднаго аўтара ўтвараюць адзіную моўную прастору, межа якой паміж асобнымі сферамі разумеюцца ў адзінстве, як утвараючыя яго ўнутраную форму. На наш погляд, асаблівую цікавасць для далейшага даследавання творчасці У. Караткевіча і ў цэлым для лінгвістычнай стылістыкі і паэтыкі прадстаўляе феномен проза-паэтычнага ідыястылю, які ў сукупнасці ўяўляе сабой двухадзінае поліжанравае ўтварэнне (проза + паэзія). Такі аналіз прадугледжвае вывучэнне асаблівасцей ідыястылю прозы і ідыястылю паэзіі аўтара ў дыялектыцы агульнага і прыватнага, універсальнага і спецыфічнага і з’яўляецца навукова перспектыўным, улічваючы тое, што мадэль комплекснага даследавання поліжанравага ідыястылю аднаго аўтара да гэтага часу ў лінгвістыцы не распрацавана.

Мэта гэтай работы – выяўленне асноўных параметраў, згодна з якімі можна ажыццявіць сістэмнае апісанне проза-паэтычнага ідыястылю У. Караткевіча ў аспекце ўнутранай інтэртэкстуальнасці.

Асноўная частка

Нягледзячы на тое што да гэтага часу няма адзінай пазіцыі ў вызначэнні істотных рыс катэгорыі ідыястылю і ў выкарыстанні самога гэтага тэрміна (параўн.: стыль, ідыястыль, стылявая манера, індывідуальны стыль, ідыялект), што згаданая праблема пазначана адноснай маладосцю, погляды даследчыкаў на яе даволі падобныя. Так, паводле В.В. Вінаградава, “стыль пісьменніка – гэта сістэма індывідуальна-эстэтычнага выкарыстання ўласцівых дадзенаму перыяду развіцця мастацкай літаратуры сродкаў славеснага выражэння” [15, с. 85]. У энцыклапедыі “Кругасвет”, змешчанай у Інтэрнэце, прыводзіцца наступнае вызначэнне: “ідыястыль (індывідуальны стыль), сістэма змястоўных і фармальных лінгвістычных характарыстык, уласцівых творам пэўнага аўтара, якая робіць унікальным увасоблены ў гэтых творах аўтарскі спосаб моўнага адлюстравання” [1].

Тэрмін “ідыястыль” суадносіцца таксама з паняццем “ідыялект”. У тэорыі мастацкай літаратуры розніца паміж імі ў агульным выглядзе заключаецца ў наступным. Пад ідыялектам пэўнага аўтара разумеецца ўся сукупнасць створаных

ім тэкстаў у зыходнай храналагічнай паслядоўнасці (альбо ў паслядоўнасці, якая санкцыянавана самім аўтарам, калі тэксты падвяргаліся пераапрацоўцы). Пад ідыястылем разумеецца сукупнасць глыбінных тэкстапараджаючых дамінант і канстант пэўнага аўтара, якія абумовілі з'яўленне гэтых тэкстаў іменна ў такой паслядоўнасці [1]. Ідыястыль рэканструіруецца па матэрыяле ідыялекту – сукупнасці моўных форм “індывідуальнага маўлення” (В.В. Вінаградаў). З пункту гледжання В.І. Северскай, С.Ю. Прэабражэнскага, ідыялект уяўляе сабой адну з магчымых з'яў сістэмы паэтычнай мовы, якая складаецца ў выніку засваення яе структуры. “Ідыястыль з'яўляецца адначасова і стылем мовы, і стылем маўлення, які дыферэнцыруецца на аснове структурных або канструктыўных супрацьпастаўленняў і суадносінаў паміж прыватнымі сістэмамі выражэння” [16, с. 147].

Такім чынам, ідыястыль уяўляе сабой сукупнасць лінгвістычных і экстралінгвістычных аспектаў (творчая індывідуальнасць аўтара + сродкі яе выражэння).

Вылучаюць некалькі падыходаў да вывучэння ідыястылю пісьменніка:

- семантыка-стылістычны – вызначэнне сістэмы славесных форм у іх эстэтычнай арганізаванасці (звязаны з імёнамі Б.А. Ларына, В.В. Вінаградава, Г.В. Вінакура, С.В. Векавой, М.Б. Барысавай, Л.І. Данецкіх, Г.А. Ліліч і інш.);
- лінгва-паэтычны – арыентаваны на ідыястыль як спосаб выражэння зместу тэксту (працы В.П. Грыгор'ева, Ю.С. Язікавай, Н.А. Купіной і інш.);
- камунікатыўны – аналіз ідыястылю з улікам структуры, семантыкі, прагматыкі тэксту (Н.С. Болатнава, І.Я. Чарнухіна, К.Ф. Сядоў, І.І. Бабенка і інш.);
- сістэмна-структурны – аналізуе мову мастацкіх твораў з пункту гледжання праяў сінтагматыкі і парадыгматыкі тэксту (Ю.М. Лотман, В.Р. Рэўзіна, С.Ц. Залян, В.І. Северская, С.Ю. Прэабражэнскі, А.К. Жалкоўскі, Ю.К. Шчаглоў і інш.).

Непасрэдна з паняццем ідыястылю звязана праблема вывучэння дыялагічных адносінаў тэкстаў. Тэкст, асабліва мастацкі, не існуе ізалявана, а ўступае ў дыялог з іншымі тэкстамі, што прыводзіць да разгляду дыялогікі тэксту як бясконцамернай сэнсавай прасторы [17, с. 8], дзе неабходна ўлічваць многа складнікаў: вертыкальны кантэкст, фонавыя веды, агульны код і інш. [18, с. 340]. Пад дыялогікай тэксту разумеецца канвергентная сукупнасць непаўторных выказванняў, якія знаходзяцца ў адным бясконцым сэнсавым полі [17, с. 8], а дыялог разглядаецца ў шырокім бахцінскім разуменні як дыялогіка тэксту: “зыходная кропка – дадзены тэкст, рух назад – мінулыя тэксты, рух уперад – прадугадванне новага тэксту” [19, с. 364]. Вынікам дыялагічнага кантакту і ўзаемадзеяння з'яўляецца “разгерметызацыя” тэксту, бо тэкст як бы страчвае свой сэнсавы цэнтр і ўступае ў дыялагічныя адносіны “жывога падабенства” з другімі тэкстамі [20, с. 130-131]. Такім чынам, “тэкст, як трохвектарная дыялагічна арыентаваная семантычная адзінка, – гэта інтэгральная ўпарадкаваная сукупнасць камунікатыўных элементаў, якія перайначаны ў сэнс” [17, с. 25].

Сашчэпліванне (дакрананне, сутыкненне) тэкстаў можа адбывацца пры дапамозе разнастайных сродкаў і спосабаў. “Пад інтэртэкстуальнасцю разумеецца ўключэнне ў тэкст альбо цэлых іншых тэкстаў з іншым суб'ектам маўлення, альбо іх фрагментаў у выглядзе маркіраваных ці немаркіраваных, перайначаных ці нязменных цытат, алюзій і рэмінісцэнцый” [19, с. 364].

Праяўленні інтэртэкстуальнасці ў ППІ У. Караткевіча вельмі разнастайныя. Прывядзём прыклады некаторых з іх на матэрыяле рамана “Каласы пад сярпом тваім”, у якім апісваецца папярэдадзень паўстання 1863 г.

Галоўны герой дзейнічае ў творы побач з гістарычнымі асобамі, сярод якіх – Кастусь і Віктар Каліноўскія, Валугеў, Мураўёў, Шаўчэнка (пра сутнасць і справы якіх мы даведваемся ў ходзе аповеду), С. Баброўскі, І. Пуцілін (постаці менш вядомыя сярэдняму чытачу XX ст., што прадбачыў творца і таму напрамую ўступіць ў дыялагічныя адносіны з суразмоўнікам – пры дапамозе зносак, у якіх даюцца гістарычныя звесткі з аўтарскімі каментарыямі: «*Пуцілін Іван – наглядчык маскоўскай паліцыі, пазней начальнік вышукной паліцыі ў Пецярбургу. “Рускі Шэрлак Холмс”*» [21, с. 140]).

Сапраўднасць эпохі падкрэсліваецца ўжываннем назваў журналаў, кніг, суполак («*Северная пчела*», «*Зямля і воля*» і інш.), у некаторых выпадках гэта служыць сродкам стварэння гумару: «*Шчаўкунчыкі замшэля... Своеасаблівы “гоцкі альманах” Дэбрэ з Дзебраў. Рыцары маннай кашы і таркаванай морквы*» [21, с. 285], а для тлумачэння сутнасці сарказму аўтар дае свае заўвагі ў зноскы: «*Дыпламатычны штогоднік (пачатак выдання – 1763 г.), які сачыў за генеалогіяй вышэйшай еўрапейскай арыстакратыі. Акрамя друкавання звестак аб ёй займаўся генеалагічнымі даследаваннямі, пошукамі і геральдыкай. Дзебры – мяшчанскі раён пад Магілёвам, раней – разбойніцкае ўрочышча. Дэбрэ – кніга англійскага пэрства*» [21, с. 285].

Мае свае адметнасці і мова рамана: ён напісаны на беларускай мове, але мае ўкрапіны рускай (на ёй размаўляюць прыхільнікі царскага ўраду і абвешчаюць маніфест аб скасаванні прыгоннага права, які прыводзіцца цалкам у творы), французскай (уласцівай «вышэйшаму свету»). Аднак сярод князёў былі і «мужыцкія», як сцвярджае пісьменнік, яны выкарыстоўвалі свае веды з гумарам: «*Ідзі, рытар, ужо там цябе sub aqua прыехала*» [21, с. 108], што падкрэсліваецца пры дапамозе аўтарскага дапаўнення, пазначанага ў зноскы: «*Адвольны пераклад на лацінскую мову разрэзанага на часткі рускага слова “подвода”: sub – под, aqua – вода*» [21, с. 108]. Чытач такім чынам атрымлівае магчымасць ацаніць кантэкстуальную іронію стылявой манеры У. Караткевіча.

У творчасці пэўнага аўтара вылучаюцца тэксты, паміж якімі ўстанаўліваюцца адносіны семантычнай эквівалентнасці па розных тэкставых параметрах: структуры сітуацыі, адзінстве канцэпцыі, жанрава-тэматычных прынцыпах і інш. Адносіны, якія ўзнікаюць паміж імі, па аналогіі з тымі, якія ўзнікаюць паміж тэкстамі розных аўтараў, могуць быць названы аўтаінтэртэкстуальнымі, або адносінамі ўнутранай інтэртэкстуальнасці [1]. Катэгорыя інтэртэкстуальнасці ўяўляе сабой неад’емную ўніверсальную катэгорыю мастацкага тэксту, якая забяспечвае яго дыялагічнасць і поліфанічнасць. У творчасці У. Караткевіча гэтая катэгорыя набывае аўтарэфлексіўнасць, якая фарміруе асаблівасці індывідуальнага стылю пісьменніка і знаходзіцца ў цеснай сувязі з іншымі катэгорыямі тэксту: канцэптуальнасцю, мадальнасцю, інфарматыўнасцю і інш. Унутраная інтэртэкстуальнасць у структуры «ўсеагульнага тэксту» пісьменніка складаецца з адносін паміж створанымі ім тэкстамі, у тым ліку тэкстамі прозы і паэзіі. Гэта паратэкстуальнасць, аўтатэкстуальнасць, архітэкстуальнасць, устаўныя тэксты і інш.

Праблема ідыястылю мае комплексны характар, таму даследаванне стылю аўтара мэтазгодна праводзіць па некалькіх узроўнях: канцэптуальным, узроўні вобразнасці, жанрава- і тэматычна-тэкставым і інш.

Ідыястыль называюць «інварыянтным асобасным сэнсам» [22, с. 20], які мае канцэптуальную аснову. Аналіз ідыястылю на *канцэптуальным узроўні* прадугледжвае раскрыццё карціны свету аўтара. «Ідыястыль суадносіцца з моўнай асобай аўтара, мастацкая свядомасць якога ўвасабляе індывідуальную карціну

свету, узноўленую пры дапамозе спецыфічнага выкарыстання мовы ў эстэтычным плане. Унутраная індывідуальная мадэль свету аўтара, спецыфіка бачання ім свету знаходзіць свой адбітак па ўсіх узроўнях іерархічна арганізаванай структуры тэксту і абумоўлівае адбор іменна такіх элементаў, якія па сваіх моўных уласцівасцях з'яўляюцца найбольш эфектыўнымі для адлюстравання аўтарскага разумення рэчаіснасці, а таксама для рэалізацыі прагматычных устаноўак тэксту» [23]. Сістэмна-структурны аспект апісання канцэптасферы ідыястылю У. Караткевіча прадугледжвае канцэнтрацыю ўвагі даследчыка на вызначэнні іерархіі канцэптаў і ўстанаўленні ўзаемасувязі паміж імі (С.Ю. Лаўрова, Н.А. Афанасьева, В.Я. Бяспалава, А.В. Кузняцова і інш.).

В.Я. Бяспалава вызначае канцэпт як “адзінку ўсведамлення паэта ці пісьменніка, якая атрымлівае сваю рэпрэзентацыю ў мастацкім творы або ў сукупнасці твораў і выяўляе індывідуальна-аўтарскае асэнсаванне сутнасці прадметаў і з’яў” [24, с. 6]. Мастацкі канцэпт, як лічыць І.А. Тарасава, перш за ўсё – адзінка індывідуальнага разумення, аўтарскай канцэптасферы, якая вербалізавана ў адзіным тэксце творчасці пісьменніка (аднак існуе імавернасць эвалюцыі канцэптуальнай сутнасці ад аднаго перыяду творчасці да другога) [25, с. 12]. Менавіта канцэпт тэксту, сканструяваны аўтарам пераважна трапеічнымі сродкамі, стварае неабходныя перадумовы для ўспрымання рэцыпіентам семантыкі, сфаксаванай у адной або некалькіх лексемах, і выступае ў якасці інструментальнай дамінанты семантычнай кагезіі. Даследаванне арыентавана на выяўленне мястоўнага напаўнення асноўных мастацкіх канцэптаў прозы і паэзіі як ідыястылявых дамінант двухадзінай проза-паэтычнай канцэптасферы У. Караткевіча на ўзроўні іх лексічнай структуры.

Мадэль канцэптасферы ППІ У. Караткевіча можна прадставіць у наступным выглядзе: базавы збіральны вобраз – ядро мастацкай карціны свету – *Радзіма*; яго непасрэднае напаўненне састаўляюць ключавыя канцэптуальна значныя лексемы гэтага поля: *зямля (ніва, дрэва), вада (рака, мора), неба (сонца, месяц)*; у бліжэйшым акружэнні знаходзіцца рад ключавых слоў другаснага парадку: *хлеб, груша, дуб, колас, кропля, крыніца, човен, туман* і інш.; больш падрабязна гл. у [26, с. 81-86]). Мноства інфармацыі не дэнататыўнага, узуальнага, а канататыўнага, асацыятыўнага роду прадвызначае палявую метадыку апісання канцэпту, з акцэнтацыяй на індывідуальна-аўтарскім, асабіста абумоўленым кампаненце.

Мастацкі тэкст заўсёды пазначаны аўтарскай індывідуальнасцю. “Стыль аўтара адлюстроўваецца ў стылі мастацкага твора, які можна вызначыць як сістэму канцэптуальна-значных для пісьменніка, камунікатыўна і эстэтычна абумоўленых прынцыпаў арганізацыі тэксту, якія дыктуюць не толькі адбор і спалучэнне моўных сродкаў, але і выкарыстанне стылістычных прыёмаў, характар асацыятыўна-сэнсавага раскрыцця тэксту, якія вызначаюць яго структуру, прагматыку і семантыку” [23]. Як слушна зазначыў В.І. Іўчанкаў, “лірызм апавядання, рамантычная скіраванасць нараджаюць у прозе У. Караткевіча багата насычаную вобразнасць, яркую індывідуальнасць трапеічнага словаўжывання” [13, с. 6]. Таму пры аналізе ідыястылю на *ўзроўні вобразнасці* неабходна засяродзіць увагу на парадыхмах вобразаў (Н.В. Паўловіч), устойлівых мадэлях трапеічных пераносаў з вызначэннем асаблівасцей стварэння эматыўнасці, экспрэсіі як у прозе і паэзіі паасобку, так і ў двухадзінай іх сукупнасці. У гэтым плане адметнасцю трапеізацыі ППІ пісьменніка з’яўляецца рэпрэзентацыя канцэптуальна значных лексем і ключавых слоў пры дапамозе індывідуальна-аўтарскіх метафар, устойлівых параўнанняў, увасабленняў і іншых сродкаў стварэння вобразнасці. Адно з

улюблёных метафарычных азначэнняў слова-канцэпта *мора* ў тэкстах У. Караткевіча – гэта параўнанне пены прыбою з карункамі, якое ў розных варыянтах ускладняецца каларатывамі і суседствам з канцэптuallyна значнай лексемай *сонца*: “Там, дзе Лесбас у пенных карунках прыбою” [27, с. 139], “Мора, цёмна-сіняе, у рэдкіх белых карунках <...> усплёскае пенай” [28, с. 237], “свет гарою над цалаванай брызам і вадой, карункавай ад сонца і прыбою, блакітнаю каравай градой” [27, с. 154]. “Мора” функцыянуе ў аўтара ва ўстойлівых метафарычных значэннях: як вялікая колькасць каго-небудзь (народ, нацыя – “Безгалосае мора!” [28, с. 278], “шэрае жабрацкае мора” [21, с. 451], “бачыў усё гэта беднае чалавечае мора” [21, с. 384]); як вялікая прастора (“зацвіло бямежнае плыткае мора” [28, с. 318], “грознае коннік над морам агню” [21, с. 224]; з морам параўноўваецца каханне ці каханая (“лобоў да цябе, як мора, расцякаецца ў ціхай журбе” [27, с. 232], “у моры варацца караблі ад агню любові маёй” [27, с. 261], “зеленаватыя, як марская вада, вочы” Майкі, каханай Алеся [28, с. 348]).

У нашай працы мы звяртаемся да дзвюх састаўляючых любога мастацкага твора – да аўтарскага індывідуальнага стылю, які атрымаў тое ці іншае адлюстраванне ў канкрэтным тэксце, і да жанравых характарыстык гэтага тэксту (класікамі філалогіі ўжо даказана неразрыўная сувязь жанру і такіх катэгорый, як стыль, тэкст і інш. [29, с. 227; 19, с. 240]). Таму даследаванне ўнутранай інтэртэкстуальнасці на *жанравым* і *тэматычна-тэкставым узроўнях* праводзіцца з улікам індывідуальных асаблівасцей стылю аўтара (тэматычнае адзінства, адзінства канцэптасферы, спецыфіка адбору моўных сродкаў і інш.), якія накладваюцца на жанравыя характарыстыкі яго твораў, відазмяняючы ў пэўнай ступені жанравую структуру. Творчасць У. Караткевіча ахоплівае не толькі ўсе жанравыя падвіды, але і дапускае сумяшчэнне, узаемапранікненне, суседства некаторых з іх. Так, напрыклад, у паэзіі – гэта не толькі сюжэтныя вершы і паэмы, ліра-эпічныя баллады, але і верш у прозе “Слова Міцкевічу” [27, с. 322-323]. У прозе часта сустракаем вершы аўтара, якія не ўвайшлі ў зборнікі паэтычных твораў і былі напісаны спецыяльна для таго ці іншага праявінага твора (верш “Мова” і радкі пра Беларусь, укладзеныя ў вусны Алеся Загорскага). Некаторыя жанры вызначаны самім аўтарам: “навела” (“Кніга-ношы”), “апавяданне аб падарожжы ў стагоддзі” (“Дрэва вечнасці”), “жарт” (верш “У жніўні дзень”), “супакоены ўспамін праз трыццаць год” (верш “Саперніца”), “народная легенда” (верш “Перакаці-поле”) і г.д.

Заклучэнне

1. Аналіз ППШ У. Караткевіча, які ў сукупнасці ўяўляе сабой двухадзінае поліжанравае (проза + паэзія) утварэнне, прадугледжвае вывучэнне асаблівасцей ідыястылю прозы і ідыястылю паэзіі аўтара ў дыялектыцы агульнага і прыватнага, універсальнага і спецыфічнага, што з’яўляецца мала распрацаванай праблемай сучаснай лінгвістыкі.

2. Выяўленне параметраў структурна-сістэмнага апісання проза-паэтычнага ідыястылю прадугледжвае вызначэнне істотных рыс гэтай катэгорыі – вызначэнне тэрміна “ідыястыль”, суаднясенне з сумежнымі тэрмінамі, перш за ўсё з паняццем “ідыялект”.

3. Катэгорыя інтэртэкстуальнасці ўяўляе сабой неад’емную ўніверсальную катэгорыю мастацкага тэксту, якая забяспечвае яго дыялагічнасць і поліфанічнасць. У творчасці ўнутраная інтэртэкстуальнасць У. Караткевіча вядзе да аўтар-рэфлексіўнасці, якая шмат у чым фарміруе і вызначае сукупны індывідуальны стыль пісьменніка.

4. Праблема ідыястылю мае комплексны характар, таму даследаванне стылю аўтара мэтазгодна праводзіць па некалькіх узроўнях: канцэптэуальным (мадэляванне аўтарскай канцэптасферы праз выяўленне іерархіі канцэптаў і ўстанаўленне ўзаемасувязі паміж імі), вобразным (вызначэнне парадыгм вобразаў, устойлівых мадэляў трапеічных пераносаў, асаблівасцей стварэння эматыўнасці, экспрэсіўнасці і інш.), жанрава- і тэматычна-тэкставым. На ўсіх згаданых узроўнях ППІ пісьменніка вызначаюцца пэўныя факты ўнутранай інтэртэкстуальнасці.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

1. Идиостиль // Кругосвет : энциклопедия: [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://slovari.yandex.ru/dict/krugosvet/article/2/29/1007657.htm>. – Дата доступа : 20.05.2008.
2. **Балуш, Т.В.** Лингвоконцептуальный анализ художественного текста / Т.В. Балуш. – Мн. : БГПУ, 2005. – 113 с.
3. **Бугаёў, Д.** Паэзія Максіма Танка / Д. Бугаёў. – 2-е выд. – Мн., 2003. – 164 с.
4. **Маслова, В.А.** Поэт и культура: концептосфера Марины Цветаевой : учебное пособие / В.А. Маслова. – М. : Флинта : Наука, 2004. – 256 с.
5. **Навуменка, І.Я.** Змітрок Бядуля / І.Я. Навуменка. – 2-е выд. – Мінск : Беларуская навука, 2004. – 227 с.
6. **Рагойша, В.П.** Слядамі знічкі: Пра Сяргея Палуяна / В.П. Рагойша, Т. Кабржыцкая. – Мн., 1990. – 124 с.
7. **Шынкарэнка, В.** Нацыянальнае іагульначалавечае ў паэтычнай сістэме Уладзіміра Караткевіча // Уладзімір Караткевіч і яго творчасць у еўрапейскім культурным кантэксце: навук. збор. ; рэдкал.: А. Мальдзіс (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларускі кнігазбор, 2000. – С. 53–57.
8. **Верабей, А.** Рыцар Беларусі: роздум пра творчасць У. Караткевіча / А. Верабей // Роднае слова. – 2000. – № 8. – С. 12–16.
9. **Літвінава, Ю.М.** Фальклорныя традыцыі ў паэзіі Уладзіміра Караткевіча / Ю.М. Літвінава // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Сер. 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. – 2004. – № 2. – С. 3–8.
10. **Русецкі, А.** Уладзімір Караткевіч: праз гісторыю ў сучаснасць / А. Русецкі. – Мінск : Мастацкая літаратура, 2000. – 301 с.
11. **Шынкарэнка, В.** Пад ветразем добра і прыгажосці: Жанрава-стылявыя асаблівасці прозы У. Караткевіча / В. Шынкарэнка. – Мн. : Навука і тэхніка, 1995. – 175 с.
12. **Жаўняровіч, П.П.** Публіцыстыка Уладзіміра Караткевіча: моўны факт у вызначэнні жанру : аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук : 10.01.10 / П.П. Жаўняровіч ; Беларус. дзярж. ун-т. – Мінск, 2006. – 23 с.
13. **Ивченков, В.И.** Лексическая организация текста: В творческой лаборатории В. Короткевича / В.И. Ивченков. – Мн. : БГУ, 2002. – 211 с.
14. **Лясавіч, С.М.** Сістэма колераабазначэння ў мове твораў Уладзіміра Караткевіча: структурна-семантычны, функцыянальны і кагнітыўны аспекты : аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук : 10.02.01 / С.М. Лясавіч ; Ін-т мовазнаўства імя Якуба Коласа НАН Беларусі. – Мінск, 2006. – 24 с.
15. **Виноградов, В.В.** О языке художественной литературы / В.В. Виноградов. – М., 1959. – 655 с.
16. **Северская, О.И.** Функционально-доминантная модель эволюции художественных систем: от идиолекта к идиостилю / О.И. Северская, С.Ю. Преображенский // Поэтика и стилистика. – М., 1991. – 257 с.
17. **Зотов, Ю.П.** Диалогика текста как бесконечномерное смысловое пространство (на материале английских текстов) / Ю.П. Зотов. – Саранск, 1999. – 221 с.
18. **Менджерицкая, Е.О.** Когнитивные аспекты изучения синтаксиса художественной литературы / Е.О. Менджерицкая // Лингвистика на исходе XX века. Итоги и перспективы : тезисы докладов Международной конференции. – Т. 1. – М. : Изд-во МГУ, 1995. – 423 с.
19. **Бахтин, М.М.** К методологии гуманитарных наук / М.М. Бахтин // Эстетика словесного творчества – М. : Искусство, 1979. – С. 361–373.

20. **Гончарова, Е.А.** Расширение категориального аппарата в современных исследованиях текста // Лингвистика на исходе XX века. Итоги и перспективы : тезисы докладов международной конференции. – М. : Изд-во МГУ, 1995. – Т. 1. – 423 с.
21. **Караткевіч, У.** Каласы пад сярпом тваім / У. Караткевіч // Збор твораў : у 8 т. – Мн. : Маст. літ., 1989. – Т. 5 : Раман, кн. 2 ; Зброя: Аповесць. – 527 с.
22. **Пищальникова, В.А.** Проблема идиостиля. Психолингвистический аспект [Текст] / В.А. Пищальникова. – Барнаул, 1992. – 347 с.
23. **Литвинова, В.В.** Неоднозначность бытия как основа идиостиля Рэя Брэдбери / В.В. Литвинова [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://bigpi.biysk.ru/ff/profile.php?/>. – Дата доступа : 20.08.2008.
24. **Беспалова, О.Е.** Концептосфера поэзии Н.С. Гумилева в ее лексическом представлении : автореф. дис. ... канд. филол. наук / О.Е. Беспалова. – СПб., 2002. – 24 с.
25. **Тарасова, И.А.** Категория когнитивной лингвистики в исследовании идиостиля / И.А. Тарасова. Языкознание. Вестник СамГУ. – 2004. – № 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://vestnik.ssu.samara.ru/gum/2004web1/yaz/yaz20041.html/>. – Дата доступа : 20.08.2008.
26. **Шецко, Л.М.** Прозо-поэтический идиостиль как единое концептуальное пространство (на примере ЛСП “вода” в текстах произведений В. Короткевича / Л.М. Шецко // Веснік УА “МДПУ імя І.П. Шамякіна”. – 2008. – № 4. – С. 81–86.
27. **Караткевіч, У.** Вершы, паэмы / У. Караткевіч // Збор твораў : у 8 т. – Мн. : Маст. літ., 1987. – Т. 1. – 431 с.
28. **Караткевіч, У.** Каласы пад сярпом тваім / У. Караткевіч // Збор твораў : у 8 т. – Мн. : Маст. літ., 1989. – Т. 4 : Раман, кн. 1. – 399 с.
29. **Тынянов, Ю.Н.** О пародии / Ю.Н. Тынянов // Поэтика. История литературы. Кино. – М. : Наука, 1977. – С. 284–310 с.

Поступила в редакцию 04.11.2009 г.

УДК 821. 161.3.09 + 821. 162.1.09

В.І. ЕЎМЯНЬКОЎ

“ТАРАС БУЛЬБА” М.В. ГОГАЛЯ І ГІСТАРЫЧНЫЯ РЭАЛІІ РЭЧЫ ПАСПАЛІТАЙ XVIII ст.

У дадзеным артыкуле аб’ект даследавання – аповесць М. Гогаля “Тарас Бульба”. Прадмет даследавання – гісторыка-культурны змест твора. Паводле метадалогіі, работа выразнага кампаратывісцкага характару: у ёй даследуюцца творы польскай, рускай і ўкраінскай літаратур. Асноўны вынік даследавання: у аповесці “Тарас Бульба” М. Гогаль узнавіў падзеі перыяду Барскай канфедэрацыі 1768 г. У артыкуле аналізуюцца дакументальныя сведчанні відавочцаў гайдамацкага паўстання 1768 г. (“Коліўшчына”), занатаваныя польскім гісторыкам Эдвардам Рачыньскім.

Уводзіны

Аповесць М. Гогаля “Тарас Бульба” мае выразны гістарычны змест. Тым не менш, сучаснае літаратуразнаўства разглядае яго як умоўнасць і не дапасоўвае да канкрэтных гістарычных падзей. Сам пісьменнік называе XV ст. У той жа час персанажы, якія згадваюцца ў творы, належаць стагоддзю XVII. І, такім чынам, у аповесці яскрава прасочваецца гістарычная блытаніна.

Разам з тым, акалічнасці казацка-ўкраінскіх войнаў (а менавіта яны складаюць змест “Тараса Бульбы”) – адна з папулярных тэм у літаратуры Польшчы (А. Міцкевіч, С. Гашчынскі, Г. Сянкевіч) і Украіны (Г. Шаўчэнка) XIX ст. Мажліва з вялікай верагоднасцю сцвярджаць тое, што сюжэт “Тараса Бульбы” – вандроўны. Ён мае відавочныя тыпалагічныя сыходжанні са зместам паэм “За-

мак Канёўскі” С. Гашчыньскага і “Гайдамакі” Т. Шаўчэнкі. Істотна таксама тое, што ўсе гэтыя творы ўзнаўляюць падзеі канца XVIII ст.

Асноўная частка

Гістарызм аповесці М. Гогаля “Тарас Бульба” традыцыйна разглядаецца як умоўнасць. Такі падыход уяўляецца лагічным, бо руска-ўкраінскі пісьменнік уключыў у змест свайго твора факты, якія маюць дачыненне да трох розных стагоддзяў:

1. На пачатку аповесці аўтар акрэсліў час дзеяння – XV ст. (“Бульба был упрям страшно. Это был один из тех характеров, которые могли возникнуть только в тяжелый XV век на полукачающем углу Европы” [1, с. 166]). І ў той жа час М. Гогаль сцвярджае: “<...> начались разыгрываться схватки и битвы за унию” [1, с. 165]. Паколькі гутарка ідзе пра царкоўную ўнію, падпісаную ў 1596 г., падзеі ў XV ст. адбывацца, відавочна, не маглі.

2. У аповесці згадваецца гетман вялікі каронны Мікалай Патоцкі, які нібыта “<...> разбитый, преследуемый (войскам казакаў. – В.Е.), перетопил в небольшой речке лучшую часть своего войска” [1, с. 240]. Побач з Мікалаем Патоцкім М. Гогаль згадвае імёны двух украінскіх “гетьманаў” – Астраніцы і Гуні. Аднак, па-першае, сутычкі паміж войскам Каралеўства на чале з Мікалаем Патоцкім “Мядзвежай Лапай” і Якубам Астраніцай адбыліся ў 1637 і 1638 гг. Перамогу тады святкаваў М. Патоцкі.

Па-другое, уцякаць ён – каронны гетман – мог толькі ў 1648 г. пасля сутычкі з казакамі Б. Хмяльніцкага. Тады сапраўды адбылася вялікая знявага для Каралеўства, бо вялікі гетман упершыню ў гісторыі апынуўся ў палоне (толькі не казацкім, а татарскім, пра што, дарэчы, згадвае і Г. Сянкевіч у рамане “Агнём і Мячом”).

3. М. Гогаль указвае на тое, што дзеянні аповесці адбываюцца ў той час, калі ўкраінскія землі пачалі кіраваць каралі польскія, якія прыйшлі на месца “удельных князей” [1, с. 167]. “Тогда, – падкрэслівае М. Гогаль, – влияние Польши начинало уже оказываться на русском дворянстве” [1, с. 168]. Аднак, як вядома, Валынь, Кіеўскае ваяводства і Падолле ўвайшлі ў склад Каралеўства толькі ў 1569 г. (па выніках Люблінскага сойма). І калі нават прыняць пад увагу тое, што “русіны” маглі не адрозніваць уладу караля ад улады вялікага князя (тым больш, што пасля дынастычнай уніі гэтыя пасады сумяшчаліся), то ўплыў Польшчы на “рускіх” (праваслаўных. – В.Е.) шляхціцаў зрабіўся балючай праблемай толькі на пачатку XVII ст. Ды і тое, як згадвае Г. Жавускі, нават у XIX ст. некаторыя ўкраінскія магнаты (як, напрыклад, Мікалай Базыль Патоцкі) максімальна захоўвалі нацыянальны каларыт і не надта віталі пальшчызну¹.

Ёсць таксама і некаторыя іншыя гістарычныя хібы (нерэалістычныя сцэны катавання Астапа, “рамансовыя” заляцанні Андрія Бульбенкі да дачкі польскага сенатара і Ковенскага ваяводы). Акрамя таго, выклікае сумненне: а) расійскі патрыятызм казакаў; б) іх высакароднае служэнне праваслаўнай царкве.

А. Казака атрымалі прывілей ад уладароў Рэчы Паспалітай (праект Жыгімонта Старога і рэалізацыя князя Д. Вішнявецкага) з мэтай абароны “паўднёвых крэсаў” ад туркаў і Масквы. Апошняя якраз і знішчыла “Січ” (1775 г.), паставіўшы крыж на марах аб гетманскай Украіне. Невыпадкова ад імя “Маці-Украіны” Т. Шаўчэнка ўжо ў XIX ст. заўважыў: “О, Багдане, Багданочку! (Маецца на ўвазе Б. Хмяльніцкі. – В.Е.) // Каб наўперад знала – // У калысцы б задушыла, // Пад сэрцам прыспала” [2, с. 183].

¹ Rzewuski, H. Pamiątki Sopolicy / H. Rzewuski. – Warszawa: Państw. Inst. wydawniczy, 1978. – S. 334.

Б. Героямі “Тараса Бульбы” зрабіліся гайдамакі, якіх нават кабзар, а апошні ніколі не хаваў замілавання казаччынай, назваў бандытамі і рабаўнікамі (паэма “Гайдамакі”). Працытуем М. Гогаля: “Дыбом стал бы волос от тех страшных знаков свирепства полудикого века, которые пронесли везде запорожцы. Избитые младенцы, обрезанные груди у женщин, содранная кожа с ног до колена” [1, с. 189].

Такім чынам, заяўлены ў аповесці “Тарас Бульба” гістарычны час – сапраўды ўмоўнасць, бо падзеі, калі сыходзіць са згадваемых М. Гогалем гістарычных імёнаў, маюць дачыненне, хутчэй, да XVII ст. Аднак і больш верагоднае XVIII ст. – толькі дымавая заслона, што мы і паспрабуем даказаць, адзначыўшы спачатку відавочную супярэчнасць.

М. Гогаль выявіў гістарычную непісьменнасць. Аднак “непісьменнасць” надта відавочную, а таму, на наш погляд, таксама сумніўную. Па-першае, цяжка ўявіць сабе жыхара былой Рэчы Паспалітай, які забыўся на тое, у якім стагоддзі адбылася царкоўная ўнія. Па-другое, адначасова з гістарычнай дэзарыентацыяй М. Гогаль дэманструе бліскавае, амаль дэтальнае веданне побыту, атрыбутыкі, зброі і вайсковага чыну ўкраінскіх казакаў.

І, самае галоўнае, калі аповесць “Тарас Бульба” – толькі фантастычная казка, “патрыятычны лубок”, чаму так пакрыўдзіліся на яе аўтара палякі² (А. Міцкевіч, М. Грабоўскі, Ю. Кжыжаноўскі і інш.)? Адказваючы на гэтае пытанне, падкрэслім тое, што “палякі” (грамадзяне Першай Рэчы Паспалітай) бачылі ў асобе М. Гогаля свайго, “крэсавага”. Таму “Тараса Бульбу” А. Міцкевіч, М. Грабоўскі і пазнейшыя – Ю. Крыжаноўскі, Я. Тазбір – разглядалі як графічна зафіксаваны акт здрады. Невыпадкова ні ў другой палове XIX ст., ні ў міжваеннай Польшчы, ні тым больш у Другой Рэчы Паспалітай гэту кнігу ў бібліятэках знайсці было немагчыма (хоць пераклад з расійскай на польскую мову быў зроблены Пятром Галавацкім яшчэ ў 1853 г.).

Усё сведчыць на карысць таго, што ў аповесці М. Гогаля зафіксаваныя ўсё ж больш значныя, блізкія па часе і таму куды больш балючыя для гістарычнай памяці польскага народа падзеі. На нашу думку, падобна да таго, што гутарка – пра Барскую канфедэрацыю і пра паўстанне гайдамакаў 1768 г. Доказам гэтай гіпотэзы могуць служыць наступныя аргументы:

1. М. Гогаль назваў прычыну паўстання запарожцаў: праваслаўную царкву зняважылі “ляхі” (“<...> церкви святых теперь не наши” [1, с. 185]). Уціск праваслаўных з боку канфедэратаў – адна з фармальных прычын Коліўшчыны. Пра яе згадваюць Т. Шаўчэнка ў “Гайдамаках” і С. Гашчынскі ў “Замку Канёўскім” (“Zamek kaniowski”). Нарэшце, пра тое ж згадваюць і сведкі прарадзя паўстання гайдамакаў (мы маем на ўвазе дакументальныя звесткі, апублікаваныя ў кнізе “Bunt Hajdamaków na Ukrainie r. 1768” пад рэдакцыяй Эдварда Рачынскага ў 1854 г.).

2. Апісанне помсты казакаў яўрэйскаму і каталіцкаму насельніцтву Украіны ў “Тарасе Бульбе” супадае з апісаннямі С. Гашчынскага, Т. Шаўчэнкі і Э. Рачынскага (казакі вешалі яўрэй, гвалцілі шляхцянак, зневажалі касцёлы – і рабілі ўсё гэта, заўважым, не ў XV ст., а менавіта ў 1768 г.). Казацка-шляхецкія паўстанні, а нават і войны, адбываліся і ў папярэднія перыяды (напрыклад, падчас “крывавага патопу” XVII ст.), аднак тэкст “Тараса Бульбы” мае ўсё ж надта шмат агульнага з тэкстамі згаданых украінскага і польскіх аўтараў.

² Тазбір, Я. “Тарас Бульба” – наконцец по-польски / Я. Тазбір // Новая Польша. – 2002. – № 5. – С. 21-29.

Параўнаем:

А. “Nie było względu na świętość miejsca; nikogo nie oszczędzono. Wkrótce scena mordu ogarnęła całe miasto. Trzy dni rzeź trwała: szesnaście tysięcy osób miało życie utracić różnymi rodzajami śmierci; dziś jeszcze pokazują pod klasztorem bazylianów miejsce ze studni, gdzie do tysiąca uczniów żywcem wrzucono i zaduszono kamieniami” (*С. Гашчыньскі* [3, s. 79]).

Б. “Не мілююць, // Караюць заўзята. // Як смерць тая, не ўважаюць // На гады, на ўроду // Шляхцяначкі, жыдовачкі // Цячэ кроў у воду” (*Т. Шаўчэнка ў перакладзе Я. Купалы* [2, с. 116]).

В. “Не уважали казаки чернобровых панянок, белогрудых, светлооких девиц; у самих алтарей не могли спастись они: зажигал их Тарас вместе с алтарями” (*М. Гоголь* [1, с. 204]).

Г. “Tłum więc rozbójników wpadłszy w miasto <...>. Zaczynają się więc srogie mordy. Książk Wadowski przy ołtarzu spisą zakłuty został; jednych obnażano, drugich siekierami rozcinano, trzecich rozstrzelano, innych nożami, dzidami, drągami śmierć zadawano, wywłóczono za włosy sędziwych starców, oraz delikatne damy publicznie gwałcono” (*Э. Рачыньскі*) [4, s. 29].

3. Эпізод забойства Астапам сына Андрыя ўзнаўляе рэальную гістарычную падзею – забойства, якое здзейсніў казацкі палкоўнік Гонта ў 1768 г. На вачах гайдамакаў ён пазбавіў жыцця двух уласных сыноў-падлеткаў, якія, як сведчаць Т. Шаўчэнка і С. Гашчыньскі, вучыліся ў базыльянскай школе ва Умані, бо так пажадала іх маці-каталічка. Менавіта да маці быў падобны Андрый, яго, а не Астапа маці любіла больш: “Э, да ты мазунчик, как я вижу! – говорил Бульба. – Не слушай, сынку, матери: она – баба, она ничего не знает. Какая вам нежба? Ваша нежба – чистое поле и добрый конь” [1, с. 164].

Вось як сцэну забойства падае Т. Шаўчэнка ў “Гайдамаках”: “Католікі – мае дзеці... // Каб не было здрады, // Каб не было перасудаў, // Панове-грамада! // Присягаў, як браў свяцёны, // Католіка рэзаць. <...> Будзь праклятай matka, // Праклятая каталічка, // Што вас спарадзіла! // Чаму вас да ўсходу сонца // Была не ўтапіла?” [2, с. 112]. А вось сцэна забойства Андрыя:

–Что, сынку, помогли тебе твои ляхи?

Андрій был безответен.

– Так продать? продать веру? продать своих? Стой же, слезай с коня! [1, с. 226].

Бульбенка забівае не проста сына-зрадніка, а менавіта іншаверца. Быць ляхам для яго – значыць быць католікам. Гонта і Бульба ў гэтай трактоўцы здрады не разыходзяцца.

4. У апавесці М. Гоголя згадваецца тое, як п’яныя казаки паснулі, не заўважылі атрад польскага войска і апынуліся або звязанымі, або забітымі: “<...> весь Перьяславский курень, расположившийся перед боковыми городскими воротами, был пьян мертвецки; стало быть, дивиться нечего, что половина была перебита, а другая перевязана” [1, с. 204].

Такі ж самы выпадак здарыўся і ў 1768 г. Пакліканы на дапамогу атрад рускага войска спачатку спаіў казакаў, а потым іх (без малога чатыры тысячы) сонных перавязаў і аддаў у рукі польскага ваяводы Стэмпкоўскага (пра гэта сведчаць відавочцы задушэння бунту): “Czerń ta dopadłszy gorzałki, piła ją do zbytku, tak iż ku zmierzchowi, wszyscy prawie bez zmysłów pozapijali się <...> i tak prawie wszyscy w głęboki, bez wszelkiego czucia pograżali się sen. <...> ci hultae w wielkiem mnóstwie niewiedzieli, co się z nimi stało, aż nazajutrz gdy się pobudzili ujrzeli się związanymi” [4, s. 45].

5. Фінал паходу Тараса на “ляхаў” гэтакі ж, як і фінал гайдамацкага паўстання 1768 г. (масавыя пакаранні казакаў). Прычым сцэна катавання Астара Бульбенкі дзіўным чынам нагадвае абставіны рэальнага пакарання палкоўніка Гонты ў памежнай польска-турэцкай вёсцы Сербы. Загад катаваць гайдамакаў аддаў абозны Браніцкі. Працытуем Э. Рачыньскага: “<...> z Gonty rasy, raucinano mu ręce i nogi i wyrwano z'uwemu serce, a naostatek ćwiertowano. Znosił on tę karę równie cierpliwie jak sprawiedliwie, przygotowawszy się wcześniej na śmierć” [4, s. 45].

Такім чынам, адзначым шмат гістарычных супадзенняў, якія, на наш погляд, сведчаць аб свядомай арыентацыі аўтара аповесці “Тарас Бульба” на падзеі памятнага і на Украіне, і ў Польшчы гайдамацкага паўстання 1768 г.

Якраз у перыяд напісання першага варыянта аповесці ў польскай літаратуры з’явіўся шэраг навуковых (гістарычных) прац і мастацкіх тэкстаў, у якіх “украінскае пытанне” разглядалася як найбольш істотна паўплываўшае на падзеі 1772 г. Барскія канфедэраты, супраць якіх выступілі гайдамакі, былі, карыстаючыся звыклымі міфалагемамі, “культурнымі героямі” (захавацелямі шляхецкай дзяржавы), а гайдамакі – трыкстарамі-разбуральнікамі. Гэты погляд быў выпрацаваны яшчэ Адамам Міцкевічам у незавершанай п’есе “Konfederacy Barscy” / “Барскія канфедэраты”. Іншае меркаванне, а тым больш выказанае ўкраінцам М. Гогалем, успрымалася як спроба перапісаць гісторыю, правесці палітыку царызму.

Аднак чаму ўсё ж М. Гогаль змяшаў у адно факты з розных гістарычных эпох? На наш погляд, паўплывалі на гэта адразу два фактары:

1. Фактар цензуры. Пасля падаўлення паўстання 1831 г. згадаць пра крываўны 1768 г. – значыць яшчэ раз успомніць, па-першае, пра адмоўную ролю Расіі ў падзелах Рэчы Паспалітай (і тым ускосна сцвердзіць законнасць патрабаванняў палякаў-паўстанцаў), па-другое, пра задушэнне казацкага паўстання расійскімі войскамі, што, відавочна, не ўкладалася ў ідэйны змест аповесці.

2. Фактар самацензуры. У выпадку, калі б М. Гогалю давялося пісаць пра 1768 г., яму наўрад ці ўдалося абмінуць факт знішчэння насельніцтва горада Умань у Канёўскім старостве (за тры дні там было знішчана каля 16 (паводле іншых дадзеных, каля 20) тысяч яўрэяў і католікаў). А гэта значыць, лішні раз сцвердзіць варварства рабаўнікоў-казакаў на фоне пакутніцтва адносна цывілізаваных польскіх каланістаў.

Заклучэнне

Аналіз тэкстаў, прысвечаных тэме польска-казацкіх войнаў (“Замак Канёўскі” С. Гашчыньскага, “Гайдамакі” Т. Шаўчэнкі і “Тарас Бульба” М. Гогаля), дазваляе знайсці ў іх відавочныя тыпалагічныя сыходжанні. У кантэксце дадзенага даследавання адзначым выкарыстанне аднолькавага гістарычнага матэрыялу: пісьменнікі асвятляюць падзеі 1768 г. (Барская канфедэрацыя / Коліўшчына).

Гістарызм “Тараса Бульбы”, такім чынам, – не ўмоўны, а канкрэтны, аднак зашыфраваны ў тканіне знарок ужытых хібаў, мэта якіх, – па-першае, аб’ектыўная (забытаць мікалаеўскую цензуру) і, па-другое, суб’ектыўная (пазбегнуць супярэчнасцей паміж ідэйным і падзейным зместам аповесці).

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

1. **Гоголь, Н.В.** Повести. Ревизор. Женитьба / Н.В. Гоголь. – М. : Художественная литература, 1984. – 526 с.
2. **Шаўчэнка, Т.Р.** Кабзар / Т.Р. Шаўчэнка / пер. і рэд. Янкі Купалы і Якуба Коласа. – Мінск : Дзярж. выдавецтва БССР, 1952. – 610 с.

3. Goszczyński, S. Zamek Kaniowski / S. Goszczyński. – Warszawa : Czytelnik, 1993. – 117 s.
4. Raczyński, E. Bunt Hajdamaków na Ukrainie r. 1768 (wydane z rękopisu przez Edwarda Raczyńskiego) / E. Raczyński. – Poznań : nakładem A. Poplińskiego, 1854. – 74 s.

Паступіў у рэдакцыю 27.01.2010 г.

УДК 811.161.1' 373 +811.161.3'373

Е.А. СВИРИДЕНКО

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ДИАПАЗОН ЛЕКСИКИ РУССКОГО И БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКОВ В РЕЧИ ЕЕ НОСИТЕЛЕЙ

В статье используются результаты психолингвистического эксперимента, анализируется коммуникативно-прагматический потенциал лексических единиц русского и белорусского языков, возможности функционирования их в речи билингвов: прослеживаются особенности восприятия билингвами содержательной стороны разнокорневой лексики, анализируются явления межъязыковой интерференции среди данной группы слов, а также проверяется на исследуемом материале гипотеза о том, что соответствия в языке не всегда тождественны соответствиям в речи.

Введение

В современной лингвистике существует область отношений между языковыми единицами и условиями их употребления в определенном коммуникативно-прагматическом пространстве. В процессе исторического развития русского и белорусского языков произошло размежевание лексико-семантических систем этих языков, каждая из которых имеет свои особенности. Отличие, специфику языков с точки зрения формы и содержания подчеркивают *лексические лакуны, паралексы и гетеролексы*, обладающие уникальной способностью к накоплению в речи носителей. С их усвоением связано детальное изучение всей лексической системы, а значит, в целом изучение белорусского языка русской частью населения и русского языка теми, у кого родным языком является белорусский. Однако данная лексика недостаточно широко представлена в современных исследованиях, а с позиций коммуникативно-прагматического подхода практически не изучалась. Исключение может составить комплексное исследование лексических лагун, в том числе и в коммуникативно-прагматическом аспекте.

Актуальность исследования определяется растущим интересом лингвистов к коммуникативно-прагматическому потенциалу лексических единиц в русском и белорусском языках, к возможностям функционирования их в речи билингвов, ведь “реальная жизнь языка проявляется только через индивида; язык реально живет тогда, когда он присваивается субъекту, который говорит на нем” [1, с. 39].

Основная часть

Разнокорневую лексику мы выявили путем сплошной выборки из двуязычных словарей (Русско-белорусского словаря 1991, 1994 гг. издания, Белорусско-русского словаря 1988 г. издания), констатировали факт их наличия, проана-

лизируют формы выражения и семантику. Однако указанные словари не фиксируют все контекстуальные условия функционирования номинативных единиц, не показывают реальные возможности употребления гетеролекс и лексических лагун. Чтобы выявить восприятие и употребление разнокорневой лексики носителями русского и белорусского языков, был проведен *психолингвистический эксперимент* (май – июнь, 2010 г.). “Если мы хотим должным образом охарактеризовать семантический узус, принятый в каком-либо языковом коллективе и принадлежащий к описываемому нами языку, это следует делать только не с помощью физического описания вещей; напротив, это можно сделать, лишь прибегнув к коллективным оценкам, принятым в данном коллективе, т.е. к социальному мнению”, – справедливо заметил Л. Ельмслев [2, с. 117].

Выбор равнозначности эксперимента обусловлен самим фактическим материалом. Разнокорневая лексика выявляется в результате сопоставления двух языков, а ведь именно при переключении с одного языка на другой могут возникнуть проблемы, связанные с существованием данного вида лексики. Перевод имитирует процесс двуязычной коммуникации: сначала билингв декодирует текст на одном языке, затем кодирует его на другом. Такой вид эксперимента дает возможность получить представление о том, как респонденты владеют устной речью. Для точной передачи какого-нибудь содержания билингв пытается выбрать такие средства, которые, на его взгляд, наиболее точно соответствуют определенным коммуникативным целям.

Считается, что всякий текст коммуникативен, то есть содержит некоторое сообщение, передаваемое от источника к респонденту, какие-то сведения, которые должны быть извлечены из сообщения респондентом, поняты им. Воспринимая полученную информацию, респондент тем самым вступает в определенные личностные отношения к тексту, называемые прагматическими отношениями. Такие отношения могут иметь различный характер. Они могут иметь преимущественно интеллектуальный характер, когда текст служит для респондента лишь источником сведений о каких-то фактах и событиях, его лично не касающихся и не представляющих для него большого интереса. В то же время полученная информация может оказать на респондента и более глубокое воздействие: может затронуть его чувства, вызвать определенную эмоциональную реакцию, побудить к каким-то действиям. Текст способен производить определенный коммуникативный эффект, вызывать у респондента прагматические отношения к сообщаемому, то есть осуществлять прагматическое воздействие на получателя информации.

Психолингвистический эксперимент ставил перед собой цель:

- проследить особенности восприятия билингвами содержательной стороны разнокорневой лексики;
- выявить уровень восприятия разнокорневой лексики билингвами в зависимости от степени частотности этих единиц в речи;
- проанализировать явления межъязыковой интерференции среди данной группы лексики;
- проверить на исследуемом материале гипотезу о том, что соответствия в языке не всегда тождественны соответствиям в речи.

В качестве информантов было привлечено 80 человек (студенты второго курса педагогического факультета Могилевского государственного университета им. А.А. Кулешова дневной и заочной форм обучения). Эксперимент проводился в рамках дисциплины по выбору “Омолексы, паралексы, гетеролексы в языке и в речи” и дисциплины “Культура речи”, ориентированных на расширение и углуб-

ление общезыковой подготовки студентов, обобщение и систематизацию теоретических и практических знаний по русскому и белорусскому языкам.

Фактический материал эксперимента – 40 предложений для перевода, в состав которых входит разнокорневая лексика. Отбор лексики проводился по степени употребительности в речи (наиболее, менее и малоупотребительные слова) и частеречной принадлежности (в анкетах присутствовали все части речи). Условие эксперимента: перевести предложения с белорусского языка на русский.

Для нас важно было проанализировать, насколько правильно билингвы трансформируют гетеролексичную форму и какие типичные нарушения этой формы возникают при переводе. Данные эксперимента показывают, что при переключении информантов с белорусского языка на русский разнокорневая лексика представляет собой серьезную проблему для многих из них. Не вызывают трудностей только хорошо известные, часто встречающиеся в повседневной речи слова. Информанты хорошо сохранили в памяти нужную форму, соответствующую содержанию, что привело к положительным результатам.

Слова, которые правильно перевели свыше 50% респондентов: *чырвоны – красный (100%); заўсёды – всегда (100%); час – время (100%); ведаць – знать (100%); увага – внимание (96%); кішэня – карман (92%); праца – работа (92%); з адказнасцю – с ответственностью (88%); вокладка – обложка (88%); гаспадыня – хозяйка (88%); абавязкі – обязанности (86%); друкарскі – печатный (85%); адносіны – отношения (85%); сумленне – совесть (81%); пачуццё – чувство (79%); сумны – грустный (79%); коўдра – одеяло (78%); без лаянкі – без ругани (78%); патэльня – сковорода (75%); прывабіла – привлекла (73%); летаўшая – прошлогодняя (69%); патух – погас (69%); кіраўнік – руководитель (67%); прабачце яму – простите его (63%); канюшына – клевер (63%); пасада – должность (61%); папучынае – крысиное (58%); пасадавыя – должностные (56%); тытунь – табак (52%); сьнеданне – завтрак (52%); злодзеі – вор (52%).*

Однако в ряде случаев респонденты не улавливают семантических и стилистических оттенков используемых ими слов в близкородственных языках, не фиксируют некоторые внешние расхождения, что приводит к межъязыковой интерференции, к снижению речевой культуры.

Слова, которые правильно перевели менее 50% респондентов: *страўнік – желудок (48%); пазяхалі – зевали (48%); блукаць – плутать (45%); журавінавае – клюквенное (42%); дакор – упрек (38%); карункі – кружева (31%); пісьменнасць – грамотность (25%); наўмысна – нарочно (17%); правадыр – вождь (15%); калядныя – рождественские (15%); вісок – скронь (15%); прамоўца – оратор (15%); заручыны – помолвка (15%); маёмасны – имущественный (11%); сподак – блюдец (8%); крэсіва – огниво (6%); заляцаецца да – любезничает с (6%); абразлівы – оскорбительный (6%); засмуціла – опечалила (4%); лемантавала – вопила (2%); пагарда – презрение (2%); заставалася ўдавой – вдовствовала (2%); у карак – взащей (2%); дарэмна – впустую (2%); бавіць час – убивать время (2%); каплічны крыж – часовенный крест (2%).*

На наш взгляд, есть несколько причин низкого процента правильности переводов данных слов: незнание способов передачи лексической семантики слов, расхождения в объеме значений слов и их смысловой структуры в русском и белорусском языках. Интерференционные речевые ошибки, допущенные информантами при переводе, обладают различной степенью устойчивости. Охарактеризуем наиболее типичные из них (сохраняется орфография слов, предложенная информантами).

1. Нарушение лексических норм. *страўнік* – *стравник* (прав. желудок); *пісьменнасць* – *письменность* (прав. грамотность); *калядныя* – *колядные* (прав. рождественские); *хата* – *хата* (прав. дом); *злодзей* – *злодей* (прав. вор); *канюшына* – *канюшина* (прав. клевер).

Билингвы, затрудняясь с переводом белорусского слова, часто переоформляли гетеролексичную форму в несуществующий омолекс / паралекс / фонетико-графическим, орфографическим законам русского языка. В русской речи белорусизмы являются наиболее распространенными речевыми погрешностями. Под *белорусизмом* мы понимаем слово, заимствованное из белорусского языка или созданное по образцу белорусских слов или выражений. Респонденты, для которых родным языком является белорусский, при переводе на русский язык достаточно часто употребляли вместо слова *клевер* – *канюшина*, вместо *рождественский* – *колядный*, вместо *дом* – *хата*. За таким переводом, на наш взгляд, прослеживается национальная идентификация информантов: принадлежность к белорусской национальности.

2. Нарушение семантических норм. Под *семантической эквивалентностью* мы понимаем установление набора свойств, признаков, черт, характеристик языковых единиц, в которых может быть обнаружена межъязыковая семантическая общность.

2.1. Неверный перевод словом из одной лексико-семантической группы: *скронь* – *челюсть*, *веко* (прав. висок); *сподак* – *банка*, *тарелка*, *миска*, *кувшин*, *кубок* (прав. блюдце); *снаданне* – *обед*, *ужин* (прав. завтрак); *патэлья* – *противень* (прав. сковорода); *журавінавае варэнне* – *брусничное*, *голубичное*, *смородиновое*, *земляничное*, *клубничное*, *ежевичное* (прав. клюквенное); *каплічны крыж* – *церковный* (прав. часовенный); *пацучынае гняздо* – *мышинное*, *поросыае*, *гнездо кролика*, *зайца*, *дятла* (прав. крысиное гнездо); *друкарскі станок* – *столярный*, *ткацкий* (прав. печатный станок). Примеры демонстрируют, что неподходящий по семантике эквивалент порождает гетеросемию – смысловую неадекватность.

2.2. Использование в качестве перевода одного из межъязыковых паронимов: *засмуціла* – *смугила* (прав. огорчила); *карункі* – *коронки* (прав. кружева); *правадыр* – *поводырь* (прав. вождь); *леташняя* – *летняя* (прав. прошлогодняя); *журавінавае* – *журавлиное* (прав. клюквенное); *абразлівы* – *безобразный* (прав. оскорбительный); *гаспадыня* – *госпожа* (прав. хозяйка). Внутриязыковая паронимия приводит к речевым ошибкам вследствие недостаточного четкого разграничения значений внешне схожих слов, а межъязыковые паронимы служат потенциальным источником реальной интерференции в речи билингвов.

2.3. Использование в качестве перевода одного из межъязыковых паронимов: *пацук* – *паук* (прав. крыса); *крэсіва* – *крест* (прав. огниво); *коўдра* – *кофта* (прав. одеяло); *правадыр* – *проводник* (прав. вождь); *пасада* – *палата* (прав. должность). Столкновение в речи межъязыковых паронимов порождает комизм контекста, а приведенные примеры убедительно это иллюстрируют.

2.4. Перевод словом с другой мотивацией: *страўнік* (прав. желудок) – *повар* (перевод осуществлялся под влиянием белорусского слова *стравы*); *страўнік* (прав. желудок) – *лекарь* (перевод осуществлялся под влиянием русского слова *травник*). В некоторых случаях, затрудняясь с переводом, респонденты частично калькировали белорусскую форму, не обращая внимание на семантику переводного эквивалента: *прамоўца* (прав. оратор) – *прорицатель*, *просветитель*; *пагарда* (прав. презрение) – *похвала*; *наўмысна* (прав. нарочно) – *без умысла*.

3. Нарушение стилистических норм. При переводе с белорусского языка на русский нами отмечены слова, которые обладают некоторой общностью значе-

ния, однако относятся к разным функциональным стилям: *заляцаецца да – подкатывается к, увиваецца за* (прав. любезничает с), *правадыр – лидер, глavarь* (прав. вождь), *прамоўца – говорильщик* (прав. оратор).

3.1. Перевод разговорно-просторечным словом: *амаль – прямо* (прав. почти), *дарэмна – просто так, попусту, без толку* (прав. впустую); *у карак – в шею* (прав. взашей); *лаянка – ругня* (прав. ругань); *патух – потух* (прав. погас).

3.2. Перевод диалектным словом: *заручыны – сваты, сговоры, обручение* (прав. помолвка); *снеданне – утренник* (прав. завтрак). При переводе с белорусского языка на русский респонденты меньше употребляют диалектных слов, чем при аналогичном переводе с русского языка на белорусский. Несмотря на этот факт, можно утверждать, что наличие подобных диалектных форм есть результат воздействия на русскую речь белорусов, их родного языка, а также и того, что большая часть информантов – выходцы из сельской местности, а следовательно, их родным языком является тот или иной местный говор. Эти причины оказывают влияние на стилистическую адекватность воспринимаемого текста. Респонденты не воспринимают диалектизмы как неправильность, поэтому такая лексика функционирует в их русской речи на правах вариативной нормы.

3.3. Перевод гиперонимом: *сподак – посуда* (прав. блюдец); *тытунь – трава, растение* (прав. табак); *снеданне – еда* (прав. завтрак); *журавінавае варэнне – ягодное варенье* (прав. клюквенное). Как видим, билингову иногда легче осуществить перевод, опираясь на какие-то общие признаки слова, то есть при помощи слова с более широким значением.

3.4. Калькирование. Информанты осуществляли правильный перевод словообразовательной структуры слов при неточном стилистическом выражении этого перевода: *доўгі час яна заставалася ўдавой – долгое время она оставалась вдовой* (прав. вдовствовала). Наличие подобных калек при переводе говорит о том, что информанты запрограммированы на пословный перевод и не задумываются, что в одном из языков может наблюдаться словообразовательная недостаточность, которая связана с существованием лексических лакун: *ружовіць – окрашивать в розовый цвет, недачуваць – плохо слышать*.

3.5. Перевод словом того же семантического поля: *прывабіла – заинтересовала, обратила* (прав. привлекла); *пасада – пост, место* (прав. должность); *сумны – печальный, тоскливый* (прав. грустный); *дарэмна – зря, напрасно, бесцельно, бессмысленно* (прав. впустую); *бавіць час – проводить, тратить, терять, использовать время* (прав. убивать время); *без лаянкі – без ссор, без скандала, без крика, без раздоров* (прав. без ругани); *наўмысна – специально, умышленно, осмысленно, обдуманно* (прав. нарочно); *пасадавы – служебный* (прав. должностной); *засмуціла – огорчила, расстроила* (прав. опечалила); *маёмасны – собственный, хозяйственный, частный, денежный* (прав. имущественный); *лемантавала – кричала, голосила, причитала, ругалась, горлопанила, скулила* (прав. вопила); *пагарда – обида, недовольство, неприязнь* (прав. презрение); *абразлівы – непристойный, пошлый, стыдный* (прав. оскорбительный).

Лексико-стилистические неточности, допущенные респондентами при переводе, как правило, не нарушают смысловую адекватность высказывания, но влияют на правильность экспрессивно-эмоциональной оценки.

Появление некоторых переводов в редких случаях объяснить очень трудно: *у скронь – в цель, в щит, в центр, в окно, в мишень, в дверь, в броню, в сторону* (прав. в висок); *у карак – в корень* (прав. взашей); *пагарда – поздравление, соболезнование* (прав. презрение).

Заклучение

Эксперимент показал, что при переводе с одного языка на другой разнокорневая лексика представляет собой серьезную проблему. Респонденты в неодинаковой степени (плохо или хорошо) владеют близкородственными языками, обладая индивидуальными способностями к их изучению. Интенсивность интерференционных ошибок зависит от многих факторов: образовательного уровня, творческой одаренности, национальности, возраста, языкового окружения респондента и ряда других причин. Как показывают данные эксперимента, наиболее широко в речи билингвов представлена лексико-семантическая и лексикостилистическая интерференция. Эксперимент выявил уровень восприятия разнокорневой лексики носителями близкородственных языков в зависимости от степени частотности этих единиц в речи: чем выше частотность данной лексики в речи, тем выше уровень ее правильного восприятия. Эксперимент выявил также большое количество контекстуально правильных переводов (в состав которых входит разговорно-просторечная, диалектная лексика белорусских регионов), не фиксируемых в Русско-белорусском словаре 1994 г. и в Белорусско-русском словаре 1988 г. Конечно, в любом переводе есть некоторая доля субъективизма. Можно с уверенностью говорить, что не существует нескольких абсолютно одинаковых переводов одного и того же текста. Целью нашего эксперимента была прежде всего оценка точности перевода разнокорневых соответствий в близкородственных языках. Он подтвердил, что переводные словари часто содержат лишь часть тех средств, которые используются в речи, причем не всегда коммуникативно актуальных.

Использование данной методики при изучении реального функционирования разнокорневых коррелятов в близкородственных языках представляется нам актуальным и перспективным во многих областях языкознания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Уфимцева, А.А.** Лексическое значение: Принцип семиологического описания лексики / А.А. Уфимцева. – М. : Наука, 1986. – 240 с.
2. **Ельмслев, Л.** Можно ли считать, что значения слов образуют структуру? / Л. Ельмслев // Новое в лингвистике : сб. ст. ; сост. В.А. Звегинцев. – М. : Изд-во иностр. лит., 1962. – Вып. 2. – С. 117–136.

Поступила в редакцию 10.09.2010 г.

УДК 811.161.3'271.2

Д.А. ДОУГАЛЬ

СУЧАСНЫ СТАН ДАСЛЕДАВАННЯ БЕЛАРУСКАГА ВЕРБАЛЬНАГА ЭТЫКЕТУ

У артыкуле разглядаецца сучасны стан даследавання вербальных этыкетных зносін і сродкаў іх афармлення ў беларускай мове. На падставе аналізу прац беларускіх лінгвістаў вылучаюцца кірункі вывучэння гэтай з'явы, вызначаюцца этапы фарміравання ведаў аб ёй у беларускай лінгвістыцы. Акрэслены праблемы выдзялення этыкетных выказванняў, вызначэння складу і аб'ёму этыкетных сітуацый. Прапанавана ўжыванне тэрміна "вербальны этыкет" у якасці агульнага для ўсіх правілаў зносін, што маюць слоўную рэалізацыю.

Уводзіны

Для абазначэння вербальных этыкетных зносін і сродкаў іх афармлення ў беларускай лінгвістыцы выкарыстоўваецца спалучэнне *моўны (маўленчы) этыкет* (далей МЭ), пад якім разумеюць “нормы (правілы) моўных паводзін асобы, прынятыя ў тым ці іншым нацыянальна-моўным калектыве” [1, с. 50]. У гэтым вызначэнні знайшлі адлюстраванне два розныя падыходы да вывучэння МЭ. З аднаго боку, ён разглядаецца ў межах тэорыі камунікацыі, наколькі рэгулюе моўныя зносіны асобы ў калектыве. З другога боку, пры характарыстыцы МЭ ўлічваецца тое, што “яму ўласціва яркая нацыянальная спецыфіка, звязаная з непаўторнасцю ўзуальных маўленчых паводзін, звычайў, рытуалаў, невербальнай камунікацыі прадстаўнікоў канкрэтнага соцыума, рэгіёна і да т.п.” [2, с. 413], што дае падставу спецыялістам разглядаць яго як прадмет даследавання этналінгвістыкі і лінгвакультуралогіі.

Н.Л. Сакалова адзначае, што “сучасная тэорыя МЭ прайшла тры этапы станаўлення” [3, с. 43]. Даследчыца вылучае ў лінгвістыцы “падрыхтоўчы” перыяд, які характарызуецца адсутнасцю спецыяльных даследаванняў па МЭ; этап “пераасэнсавання”, калі на змену пошуку ўласна лінгвістычных прымет МЭ прыходзіць “прызнанне прыярытэту нацыянальна-культурнай спецыфікі маўленчых паводзін” [3, с. 43]; этап “станаўлення”, звязаны з імем Н.І. Фарманоўскай, у працах якой не засталася без увагі “ніводнае пытанне, звязанае з прыродай і функцыянаваннем МЭ і яго адзінак” [3, с. 44]. Больш позняя, у параўнанні з рускай навукай, увага беларусістаў да гэтай сферы даследаванняў абумовіла асаблівасці сучаснага стану вывучэння МЭ.

Асноўная частка

У працах беларускіх мовазнаўцаў ужываюцца некалькі тэрміналагічных спалучэнняў для азначэння вербальных этыкетных зносін: *моўны этыкет*, *маўленчы этыкет*, *слоўны этыкет*.

Выкарыстанне тэрмінаў *моўны/маўленчы/слоўны этыкет* беларускімі мовазнаўцамі ў назвах прац або іх раздзелаў

№	Крыніцы (прыводзяцца ў храналагічным парадку)	Выкарыстаны тэрмін
1	Кривицкий, А.А. Речевой этикет / А.А. Кривицкий // <i>Белорусский язык для говорящих по-русски</i> / А.А. Кривицкий, А.Е. Михневич, А.И. Подлужный. – Минск : Выш. шк., 1990. – С. 331–336.	Моўны этыкет
2	Михневич, А.Е. Речевой этикет / А.Е. Михневич // <i>Русско-белорусский разговорник</i> / А.Е. Михневич. – Минск : Выш. шк., 1991. – С. 38–54.	Моўны этыкет
3	Міхневіч, А.Я. Conversational formulas (Моўны этыкет) / А.Я. Міхневіч, Н.М. Навічэнка // <i>Англа-беларускі размоўнік</i> / А.Я. Міхневіч, Н.М. Навічэнка. – Мінск : Навука і тэхніка, 1992. – С. 18–37.	Моўны этыкет
4	Канюшкевіч, М.І. Моўны этыкет у апавяданнях М. Гарэцкага: камуніканыты / М.І. Канюшкевіч // <i>Першыя Гарэцкія чытанні : тэзісы дакладаў і паведамленняў</i> . – Горкі, 1992. – С. 66–72.	Моўны этыкет
5	Савчук, Т.Н. Речевой этикет в русских и белорусских народных сказках : автореф. ... дис. канд. фил. наук: 10.02.02; 10.02.01 / Т.Н. Савчук. – Минск, 1996. – 21 с.	Маўленчы этыкет (у рэзюмэ)

Канчаток табліцы

№	Крыніцы (прыводзяцца ў храналагічным парадку)	Выкарыстаны тэрмін
6	Канюшкевіч, М. Лінгвасеміятычныя апазіцыі ў лютэрку беларускага маўленчага этыкету: колькасныя параметры / М. Канюшкевіч // Роднае слова. – 1999. – № 10. – С. 95–100.	Маўленчы этыкет
7	Васілевіч, В. Сітуацыя развіцця ў беларускім маўленчым этыкете / В. Васілевіч, Т. Піваварчык // Роднае слова. – 2000. – № 1. – С. 31–33.	Маўленчы этыкет
8	Старавойтава, Н. Гісторыя і сучаснасць беларускага слоўнага этыкету / Н. Старавойтава // Роднае слова. – 2006. – № 6. – С. 39–42.	Слоўны этыкет
9	Важнік, С.А. Моўны этыкет беларусаў: ветлівыя звароты / С.А. Важнік // Роднае слова. – 2008. – № 2. – С. 50–51.	Моўны этыкет
10	Томчык, Д.С. Унутраная спецыфіка беларускага слоўнага этыкету: сацыялінгвістычны і лінгвакультуралагічны аспекты (<i>у друку</i>)	Слоўны этыкет

Як бачым, беларускія даследчыкі звярнуліся да вывучэння вербальнага этыкету ў 90-я гг. ХХ ст. і спачатку карысталіся тэрмінам *моўны этыкет*. Аднак ужыванне тэрмінаспалучэння не было паслядоўным. У працах М. Канюшкевіч (шп. 3 і 6 табліцы), Т. Піваварчык (гл. п. 7 табліцы і [4]), Т. Саўчук (гл. п. 5 табліцы і [5]) выкарыстоўваюцца абодва варыянты – *моўны этыкет* і *маўленчы этыкет*, прычым другі тэрмін мае больш позняе ўжыванне (з сярэдзіны 90-х гг.).

Гэта разыходжанне абумоўлена, на нашу думку, нястрогай семантычнай размежаванасцю паронімаў *моўны* – *маўленчы* ў беларускай мове, што праяўляецца ў сінанімічным ужыванні гэтых прыметнікаў у шэрагу мовазнаўчых тэрмінаў: напрыклад, *маўленчая (моўная) культура, моўная (маўленчая) сітуацыя, моўны (маўленчы) стыль, моўная (маўленчая) дзейнасць* (прыклады з “Русско-белорусского словаря лингвистических терминов” [6, с. 95-96]). Ужыванне прыметніка *моўны* ў дадзеным выпадку апраўдана таму, што “моўны этыкет уваходзіць у сістэму мовы, і яго адзінкі падпарадкоўваюцца нормам мовы ў цэлым” [5, с. 39]. З іншага боку, вучоныя, якія ў дачыненні да этыкету карыстаюцца азначэннем *маўленчы*, апісваюць структуру і жанравыя асаблівасці разнастайных сітуацый зносін і акцэнтуюць увагу на прагматычным характары выкарыстання этыкетных формул [7].

Нельга не ўлічваць уплыву на тэрміналагічную сістэму беларускай мовы іншых моў, у першую чаргу блізкароднасных. Так, у рускім мовазнаўстве агульнапрынятым лічыцца тэрмін *речевой этикет*, што адпавядае беларускаму спалучэнню *маўленчы этыкет*. У польскамоўнай літаратуры распаўсюджаны варыянт *etykieta jezykowa*, які літаральна перакладаецца як *моўны этыкет*. Ва ўкраіністыцы сітуацыя нагадвае беларускую: паралельна выкарыстоўваюцца спалучэнні *мовний этикет* і *мовленнєвий этикет* [8]. Пры супастаўленні беларускай, украінскай і польскай моў выяўляецца гістарычна абумоўленая міжмоўная аманімія (бел., укр. *мова* – пол. *język*; пол. *towa* – бел. *маўленне*, укр. *мовлення*), якая не спрыяе тэрміналагічнай пэўнасці.

Між тым, пэўнасць у гэтым пытанні выклікана патрэбамі адукацыі. Так, да апошняга часу старшакласнікі, якія вывучалі беларускую мову ў школах з беларускай і рускай мовамі навучання, знаёміліся адпаведна з *маўленчым* [9, с. 222] і *моўным* [10, с. 133] этыкетам, пры тым што ў абодвух выпадках пад этыкетам разумелася сістэма ўстойлівых формул, якая выкарыстоўваецца ў пэўных маўленчых сітуацыях.

Апошнім часам даследчыкі этыкетных форм зносін спрабуюць вырашыць гэта пытанне ці, прынамсі, ставяцца да выкарыстання тэрміналагічных адзінак больш уважліва. Так, С. Важнік лічыць, што этыкетныя формулы разам са свабоднымі словазлучэннямі, фразеалогіяй у шырокім разуменні, прэцэдэнтнымі тэкстамі і выпадкамі сацыякультурнай спалучальнасці складаюць аб'ём нацыянальнай сінтаксічнай ідыяматыкі, залічваючы такім чынам этыкетныя адзінкі да адметнасцей *моўнага ўзроўню* [11], таму паслядоўна ўжывае тэрмін *моўны этыкет*. Н. Старавойтава, падаючы пералік адметных беларускіх ветлівых зваротаў, вітанняў і інш., выкарыстоўвае спалучэнне *слоўны этыкет*, які з'яўляецца поўным сінонімам выразу *вербальны этыкет* [12]. А. Д. Томчык [13] лічыць *моўны* і *маўленчы этыкет* разнавіднасцямі этыкетных формаў зносін. Пад *моўным этыкетам* ён разумее “спосабы афармлення вербальных сродкаў маўленчага этыкету сродкамі мовы згодна з нормамі, што існуюць у ёй на сённяшні дзень” [13, с. 68].

Падобнае меркаванне не ўлічвае гісторыі станаўлення тэрмінаў у беларусістыцы. У першай палове 90-х гг. усімі даследчыкамі недыферэнцыравана выкарыстоўваецца спалучэнне *моўны этыкет*. Аўтары, якія займаліся камунікатыўнай лінгвістыкай, з другой паловы 90-х пачынаюць паслядоўна карыстацца тэрмінам *маўленчы этыкет*. З сярэдзіны 2000-х гг. робяцца захады максімальна поўна апісаць сістэму этыкетных адзінак беларускай мовы з улікам нацыянальнай спецыфікі, што адлюстравалася ў выкарыстанні тэрміна *моўны этыкет*. Такім чынам, мы можам адзначыць, што сёння выкарыстанне тэрміна *маўленчы этыкет* адлюстроўвае канвенцыянальны падыход да вывучэння вербальных этыкетных зносін, а ўжыванне спалучэння *моўны этыкет* – нарматыўнае.

Паводле сродкаў ажыццяўлення зносін, якія абумоўліваюць асаблівасці камунікавання, вербальны этыкет можа быць эпістальярным (на папяровых носбітах), тэлефонным, электронным (этыкет sms- і Інтэрнэт-камунікацыі); паводле асяроддзя, у якім адбываюцца зносіны, – сямейным, моладзевым, прафесійным і пад. Адзначым, што спецыяльных даследаванняў ці практычных дапаможнікаў па разнавіднасцях вербальнага этыкету ў беларускім мовазнаўстве пакуль няма. Выключэнне складаюць артыкулы дацэнта С. Важніка, прысвечаныя эпістальярнаму этыкету ў ліставанні класікаў беларускай літаратуры [14], а таксама апісанне выклічнікаў этыкету ў Інтэрнэт-камунікацыі А. Лянкевіч [15].

Матэрыялам для вывучэння адзінак МЭ служаць, акрамя эпістальярных пасланяў, фальклорныя творы [16] і творы беларускай літаратуры, у якіх мадэлюецца жывое беларускае маўленне [17].

Беларускія даследчыкі плённа працуюць над вывучэннем рускага МЭ [18], часам выбіраючы беларускую мову ў якасці фону для дэманстрацыі спецыфічных асаблівасцей рускамоўных этыкетных адзінак [19]. Спрабам разгляду этыкетных форм беларускай мовы на славянскім фоне прысвечаны даследаванні прафесара Вроцлаўскага ўніверсітэта (Польшча) Л. Пісарэк, якая звяртае ўвагу на “выражэнне адзінак беларускага моўнага этыкету ў супастаўленні з рускім і польскім” [20, с. 126]. Кампаратыўную скіраванасць маюць публікацыі па гэтай тэме прафесара ГрДУ імя Я. Купалы М.І. Канюшкевіч [21].

Адзінкамі вербальнага этыкету з'яўляюцца “адметныя камунікатыўныя адзінкі, якія маюць устойлівыя (непарадыгматычныя) катэгорыі мадальнасці, часу, асобы, устойлівую сінтаксічную структуру, пастаянную лексічную прадстаўленасць” [5, с. 39]. З пункту гледжання тэорыі маўленчых актаў яны з'яўляюцца “акрэсленымі актамі мовы, або ілакутыўнымі (перфарматыўнымі) актамі. Вымаўленне этыкетных формул раўназначнае адпаведным дзеянням” [20, с. 123]. Яны па-

рознаму названья ў мовазнаўчых артыкулах – *этыкетныя формулы (выразы, выказванні), формулы этикету, устойлівыя формулы зносін, этикетныя стэрэатыпы, маўленчаэтыкетныя (этыкетныя) адзінкі, этикемы, моўныя формулы, ветлівыя фразы, формулы ветлівасці*. Найбольш распаўсюджаным у беларускім мовазнаўстве, бадай, з’яўляецца першы з пералічаных тэрмінаў – *этыкетная формула*, найноўшым – сінанімічны яму, але больш ёмкі тэрмін *этыкема* (у працах С. Важніка). У згаданай тэорыі маўленчых актаў этикетныя выказванні аб’яднаныя тэрмінам *бехабітывы* (ад англ. *behave* ‘паводзіць сябе’ і *habit* ‘звычка’), які быў уведзены англійскім логікам Дж. Осцінам [22]. Па справядлівай заўвазе М.І. Канюшкевіч, “формулам маўленчага этикету не знаходзіцца месца ў лексіка-граматычных класіфікацыях, якія ўжо склаліся: гэта ці выклічнікі, ці фразеалагізмы, ці нечланыя выказванні, ці гэта спецыялізаваны клас маўленчаэтыкетных стэрэатыпаў (што, бадай, найбольш дакладна адпавядае рэчаіснасці)” [23, с. 32].

Этыкетныя формулы абслугоўваюць пэўныя сітуацыі маўлення. Маўленчаэтыкетнымі лічацца сітуацыі, у якіх моўцу важна не столькі назваць прадметы вакол сябе ці перадаць пэўную думку, колькі адрэгуляваць свае адносіны з суразмоўцам. Састаў жа гэтых сітуацый акрэсліваецца па-рознаму; найчасцей у якасці такіх падаюцца зварот, вітанне, развітанне, падзяка, прабачэнне [гл.: 1; 12; 24; 25; 26; 27].

Некаторыя даследчыкі ў лік этикетных уключаюць формулы выражэння пачуццяў – радасці, здзіўлення, абурэння і інш., якія ў класічнай тэорыі маўленчых актаў не адносяцца да этикетных, бо “хаця бехабітывы маюць несумненную сувязь як са сцвярджаннем ці апісаннем нашых пачуццяў, так і з іх выражэннем (у сэнсе выяўлення эмоцый), яны ўсё ж адрозніваюцца і ад адных і ад другіх” [22, с. 126]. А залічванне да маўленчаэтыкетных формул пытанняў кшталту *Што гэта (такое)?, Куды мы ідзем (едзем)?, Чый гэта парасон (чыя кніга)?* (прыклады А.А. Крывіцкага [26]) увогуле дэманструе размытасць межаў МЭ. Але трэба прызнаць, што гэтыя камунікатыўныя формулы валодаюць важнай характарыстыкай этикем – частай ужывальнасцю (дарэчы, раздзел размоўніка А. Клышкі, дзе змешчаны маўленчаэтыкетныя адзінкі, называецца “Найбольш ужывальныя выразы” [25]). Для дапаможніка, які прызначаны для павышэння ўзроўню валодання беларускай мовай, такая характарыстыка стала вызначальнай пры складанні раздзела “Моўны этикет”. Гэта сведчыць пра тое, што ў залежнасці ад мэтаў, якія ставяць перад сабой даследчыкі, аб’ём, састаў і нават намінацыя этикетных сітуацый і выказванняў могуць адрознівацца.

Заклучэнне

Такім чынам, моўны (маўленчы) этикет мае выключна важнае значэнне ў зносінах паміж людзьмі і з’яўляецца неад’емнай часткай нацыянальнай культуры, што абумоўлівае разнастайнасць падыходаў да вывучэння гэтай з’явы. У беларускім мовазнаўстве адносна нядаўна з’явіліся даследаванні, прысвечаныя МЭ, таму пытанні тэрміналагічнага характару, крытэрыі вылучэння этикетных выказванняў, пытанні вызначэння складу і аб’ёму этикетных сітуацый носяць дыскусійны характар.

Разнастайнасць кірункаў даследавання, на нашу думку, мэтазгодна аб’яднаць у тэрміне *вербальны этикет*, які абазначае ўсе правілы зносін, што маюць слоўную рэалізацыю (у процілегласць *невербальнаму этикету*). У вывучэнні беларускага вербальнага этикету можна вылучыць некалькі этапаў: перыяд стварэння першых дапаможнікаў для навучання беларускай мове як замежнай (ключавы тэрмін *моўны этикет*) – пачатак 90-х гг.; этап вызначэння ролі этикетных

формул у афармленні маўленчых сітуацый (ключавы тэрмін *маўленчы этыкет*) – з сярэдзіны 90-х гг.; этап падагульнення, спробы максімальна поўна ў сінхранічным і дыяхранічным аспектах апісаць сістэму этыкетных адзінак беларускай мовы (ключавыя паняцці *моўны этыкет, слоўны этыкет, вербальны этыкет*) – з сярэдзіны 2000-х гг.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

1. **Важнік, С.А.** Моўны этыкет беларусаў: ветлівыя звароты / С.А. Важнік // Роднае слова. – 2008. – № 2. – С. 50–51.
2. **Формановская, Н.И.** Речевой этикет / Н.И. Формановская // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М. : Сов. энциклопедия, 1990. – С. 413–414.
3. **Соколова, Н.Л.** О системном характере речевого этикета / Н.Л. Соколова // Филологические науки. – 2005. – № 1. – С. 43–52.
4. **Піваварчык, Т.А.** Этыкетныя асаблівасці эпістальнага жанру ў творах М. Гарэцкага / Т.А. Піваварчык // Гарэцкія чытанні : Матэрыялы дакладаў і паведамленняў. – Мінск, 1996. – С. 143–147.
5. **Саўчук, Т.М.** Моўныя формулы прывітання і развітання ў рускіх і беларускіх казках / Т.М. Саўчук // Веснік БДУ. Сер. 4. – 1994. – № 3. – С. 38–43.
6. Русско-белорусский словарь лингвистических терминов / ред. Н.В. Бирилло, П.В. Стецко. – Минск : Наука и техника, 1988. – 141 с.
7. **Васілевіч, В.** Сітуацыя развітання ў беларускім маўленчым этыкете / В. Васілевіч, Т. Піваварчык // Роднае слова. – 2000. – № 1. – С. 31–33; **Піваварчык, Т.** Маўленчаэтыкетная сітуацыя “абяцанне”: Жанравыя разнавіднасці / Т. Піваварчык // Роднае слова. – 2000. – № 6. – С. 43–46.
8. **Богдан, С.Л.** Мовний этикет українців: традиції і сучасність / С.Л. Богдан. – Київ : Рідна мова, 1998. – 475 с.; **Білоус, М.П.** Мовленнєвий этикет українського народу / М.П. Білоус // Мова і духовність нації : Тези доп. регіон. наук.-практ. конф. – Львів, 1989. – С. 98–108.
9. **Гваздовіч, Г.А.** Беларуская мова: падруч. для 10 кл. устаноў, якія забяспечваюць атрыманне агульнай сярэдняй адукацыі, з беларус. мовай навуч. / Г.А. Гваздовіч, М.М. Круталевіч, У.П. Саўко. – Мінск : Народная асвета, 2004. – 239 с.
10. Беларуская мова: Падруч. для 10–11-х кл. агульнаадукац. шк. з рус. мовай навучання / В.І. Несцяровіч [і інш.] – Мінск : Народная асвета, 1999. – 271 с.
11. **Важнік, С.А.** Нацыянальная сінтаксічная ідыяматыка / С.А. Важнік // Роднае слова. – 2008. – № 1. – С. 65–66.
12. **Старавойтава, Н.** Гісторыя і сучаснасць беларускага слоўнага этыкету / Н. Старавойтава // Роднае слова. – 2006. – № 6. – С. 39–42.
13. **Томчык, Д.С.** З гісторыі вывучэння этыкетных формаў зносін / Д.С. Томчык // Весці БДПУ. Сер. 1. – 2009. – № 2. – С. 67–71.
14. **Важнік, С.А.** Эпістальны этыкет беларусаў: Да пытання станаўлення эпістальнай нормы беларускай мовы / С.А. Важнік // Роднае слова. – 2009. – № 2. – С. 54–56; **Важнік, С.А.** Эпістальны этыкет беларусаў: Нашаніўскі лістоўны стыль / С.А. Важнік // Роднае слова. – 2009. – № 3. – С. 46–49.
15. **Лянкевіч, А.** Выклічнікі этыкету / А. Лянкевіч // Беларускі выклічнік у Сеціве / А. Лянкевіч ; рэд. С. Важнік. – Мінск : Права і эканоміка, 2009. – С. 23–37.
16. **Савчук, Т.Н.** Речевой этикет в русских и белорусских народных сказках: автореф. дис. ... канд. фил. наук: 10.02.02; 10.02.01 / Т.Н. Савчук. – Минск, 1996. – 21 с.
17. **Канюшкевіч, М.І.** Моўны этыкет у апавяданнях М. Гарэцкага: камуніканы / М.І. Канюшкевіч // Першыя Гарэцкія чытанні: тэзісы дакладаў і паведамленняў. – Горкі, 1992. – С. 66–72; **Пісарэж, Л.** Этикетное речевое поведение героев комедии Янки Купалы “Паўлінка” как отражение польско-белорусского культурного взаимодействия / Л. Пісарэж // Acta Polono-Ruthenica I. – 1996. – С. 291–300.
18. **Михальчук, Т.Г.** Речевой этикет в русской художественной литературе : монография / Т.Г. Михальчук. – Могилев : МГУ им. А.А. Кулешова, 2005. – 428 с.
19. **Гребенщикова, Н.С.** История русского приветствия (на восточнославянском фоне) : монография / Н.С. Гребенщикова. – Гродно : ГрГУ, 2004. – 306 с.

20. **Пісарэж, Л.** Беларускі моўны этыкет на фоне рускага і польскага / Л. Пісарэж // Беларусіка=Albaruthenica 6. Беларусь паміж Усходам і Захадам: Праблемы міжнацыян., міжрэлігійн. і міжкультур. ўзаемадзеяння, дыялогу і сінтэзу. Ч. 2. / рэд. Ул. Конан і інш. – Мінск : ННАЦ імя Ф. Скарыны, 1997. – С. 123–126.
21. **Конюшкевич, М.И.** Белорусский речевой этикет в сопоставлении с русским: ситуация приветствия / М.И. Конюшкевич // Вопросы функциональной грамматики : Дополнительные материалы Шестых Карских чтений 25–26 января 1996 г. / отв. ред. М.И. Конюшкевич. – Гродно, 1996.
22. **Остин, Дж.Л.** Слово как действие / Дж.Л. Остин // Новое в зарубежной лингвистике : Вып. 17. Теория речевых актов. – М. : Прогресс, 1986. – С. 22–129.
23. **Конюшкевич, М.И.** Категория гоноративности и ее отношение к функциональной грамматике / М.И. Конюшкевич // Вопросы функциональной грамматики: Сборник научных трудов. – Гродно : ГрГУ, 1998. – С. 25–35.
24. **Важнік, С.А.** *Здароў! – Здароў, калі змалоў!*: Этыкетныя формулы вітання і развітання / С.А. Важнік // Роднае слова. – 2008. – № 3. – С. 53–56; **Важнік, С.А.** Маленькія ключыкі да паспяховай камунікацыі: Сітуацыі прыцягнення ўвагі, просьбы/прапановы, падзякі / С.А. Важнік // Роднае слова. – 2008. – № 4. – С. 48–51; **Важнік, С.А.** *Наш адказ Чэмберлену, або Як навучыцца ветліва пагаджацца і адмаўляць* / С.А. Важнік // Роднае слова. – 2008. – № 5. – С. 42–46; **Важнік, С.А.** Навука выбачаць, або Як правільна па-беларуску прасіць прабачэння і як выбачаць / С.А. Важнік // Роднае слова. – 2008. – № 6. – С. 56–59; **Важнік, С.А.** *Сумняваюся, а значыць, жыву!*: Спосабы выражэння сумнення і ўпэўненасці / С.А. Важнік // Роднае слова. – 2008. – № 7. – С. 55–57; **Важнік, С.А.** *Малайчынка, Буслік!* – *Цудоўна, Цімоша!*: Спосабы выражэння захаплення, ухвалення і зычлівасці / С.А. Важнік // Роднае слова. – 2008. – № 8. – С. 51–55.
25. **Клышка, А.К.** Беларуска-польскі размоўнік / А.К. Клышка. – Мінск : Выш. школа, 1992. – 335 с.
26. **Кривицкий, А.А.** Речевой этикет (Моўны этыкет) / А.А. Кривицкий // Беларускі язык для гаворячых по-русски / А.А. Кривицкий, А.Е. Михневич, А.И. Подлужный. – Минск : Выш. школа, 1990. – С. 331–336.
27. **Михневич, А.Е.** Русско-белорусский разговорник / А.Е. Михневич. – Минск : Выш. школа, 1991. – 335 с.; **Міхневіч, А.Я.** Англа-беларускі размоўнік / А.Я. Міхневіч, Н.М. Навічэнка. – Мінск : Навука і тэхніка, 1992. – 240 с.

Паступіў у рэдакцыю 26.05.2010 г.

УДК 004.738.5(476)

К.А. БЕЛОВА

ЖАНРОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСА БЕЛАРУСИ

Статья посвящена рассмотрению наиболее коммуникативно значимых для белорусских пользователей жанров интернет-дискурса. Учитывая существующие классификации электронных жанров, по результатам анкетирования, проведенного на базе ряда предприятий и организаций столицы, были выделены следующие жанры: электронное письмо, спам-письмо, списки рассылки, чат, форум/конференция, блог, гостевая книга, социальный мир, баннер, каталог, доски объявлений и “часто задаваемые вопросы”. Перечисленные жанры классифицированы в соответствии с определенной степенью их функционального и/или структурного сходства на три группы: электронная переписка, электронные дискуссии, разноплановые жанры.

Введение

Одной из основных особенностей современного общества является стремительное развитие компьютерных информационных технологий и систем телеком-

муникаций. За последние годы в этой области произошел качественный скачок, что привело к появлению не только глобальной информационной среды, но и особых виртуальных миров, сетевых сообществ, сетевой культуры и сетевого языка, обслуживающих этот сегмент социальной реальности. В результате активному воздействию подвергся язык как система и как средство коммуникации и появился особый тип дискурса – интернет-дискурс. Интернет же стал не просто системой хранения и передачи сверхбольших объемов информации, но и новым слоем повседневной реальности и сферой жизнедеятельности большого числа людей. В связи с этим актуальным представляется исследование феномена интернет-дискурса в общем и особенностей его жанрового наполнения в частности.

Основная часть

Несмотря на то, что за последние десять лет появились публикации, посвященные изучению жанрово-стилистических особенностей интернет-дискурса (Е.Н. Галичкина, В.И. Карасик, Л.Ю. Иванов, Л.А. Капанадзе, D. Crystal и многие другие), существует неоднозначность мнений в отношении определения количества жанров и их классификации.

Понятие жанра толкуется в работах отечественных и зарубежных исследователей по-разному. Принимая за основу мнение М.Б. Бахтина о жанре как “устойчивой, закреплённой бытом и обстоятельствами форме жизненного общения” [1], а также интерпретируя понимание жанра К.Ф. Седовым (“жанр – это вербально-знаковое оформление типических ситуаций социального взаимодействия людей” [2, с. 21]) и Д. Кристал, который рассматривает жанры интернет-дискурса как “ситуации использования Интернета” [3, с. 67], в данной статье под жанром понимается (не)вербальное отражение ситуаций использования Интернета для социально-коммуникативной интеракции индивидов.

Лингвисты, занимающиеся исследованием интернет-дискурса, выделяют от четырех до пятнадцати жанров и более.

Например, Е.Н. Галичкина выделяет 4 жанра компьютерного общения: 1) электронная почта; 2) чат – неформальное общение в реальном времени посредством компьютера; 3) электронные доски объявлений; 4) компьютерные конференции [4, с. 8].

По мнению Л.А. Капанадзе, наиболее распространенными электронными жанрами являются: собственно веб-сайт, домашняя страница (имеет меньший масштаб, нежели сайт), электронная библиотека, электронный журнал, электронное письмо, чат (разговоры “в прямом эфире”), форум, гостевая книга, доска объявлений, коллекция программ, каталог (например, виртуального магазина), коммерческие объявления, рекламные баннеры [5, с. 246].

Д. Кристал пишет о следующих жанрах: электронная почта; синхронные и асинхронные чаты, включая BBS; виртуальные миры; ВЕБ-тексты, к которым относятся электронные тексты с гипер- и линейной структурой (например, тексты в формате pdf) [5, с. 10].

В перечень жанров компьютерной коммуникации российского лингвиста Л.Ю. Иванова входят как типично сетевые жанры, так и жанры, изначально несетевые, но в век компьютерных технологий оцифрованные:

- общеинформационные жанры, или жанры компьютерных новостей (сайты новостей, разновидности некоторых PR-сайтов);
- научно-образовательные и специальные информационные жанры (монографии, научные статьи, интерактивные учебные курсы);

- художественно-литературные жанры, вмещающие все оцифрованные произведения мировой классики (электронные книги, так называемая “сетература”);
- жанры, оформляющие неспециальное, непрофессиональное общение (виртуальные игры, живые электронные дневники, чаты, гостевые электронные книги и почтовая переписка);
- деловые и коммерческие жанры (доски рекламных объявлений, корпоративные сайты, баннеры) [6, с. 40-41].

Учитывая опыт упомянутых исследователей, нами были проведены опросы и анкетирование на базе некоторых организаций и предприятий столицы (ИП “Велком”, УП “НИИСМ”, ГО “БЕЛРЕСУРСЫ”, ГУ РНПЦ “Мать и Дитя”, ББОО “В будущее с надеждой”, УО “БГЭУ”, УО “МГЛУ”, УО “Средняя школа-лицей № 16” и др.) с целью выделить наиболее коммуникативно значимые для белорусских пользователей жанры интернет-дискурса.

Аналізу подверглись ответы пользователей Интернета на вопросы типа “Для чего Вы используете Интернет?”, “Какими интернет-ресурсами пользуетесь чаще всего?”, “Что привлекает Ваше внимание во время интернет-сеанса?” и т.п.

Все опрошенные (3769) пользуются услугами электронной почты и скачивают информацию различных форматов и объемов; многие (2915 из 3769) являются пользователями социальных миров; участниками форумов или конференций являются 2175 опрошенных; новостными ресурсами пользуются 2004 пользователя; отношения купли-продажи осуществляют с помощью досок объявления достаточно большое количество респондентов (1709 из 3769); общаются посредством систем мгновенного обмена сообщений и/или заходят в чаты 1549; ищут ответы на интересующие их вопросы в системах FAQ 1024 из 3769 пользователей; часто оставляют сообщения в гостевых книгах посещаемых сайтов 980 из 3769; ведут личные дневники или просматривают информацию, представленную в блогах 967 из 3769; подписчиками на ту или иную рассылку являются 617 респондентов; поиск по каталогам ресурсов сайтов осуществляют 598 пользователей; 183 пользователя не оставляют без внимания спам-рекламу или баннерную рекламу. Нерепрезентативное число пользователей имеют личные страницы (9 из 3769) или играют в on-line игры (17 из 3769).

Исходя из вышесказанного представляется обоснованным вслед за вышеупомянутыми исследователями выделять как наиболее распространенные и коммуникативно значимые для белорусского пользователя такие жанры, как электронная почта, чат, доски объявлений, форум/конференция, гостевая книга, живой журнал/блог, баннер, каталог, а также добавить к этому списку спам, списки рассылки, FAQ (часто задаваемые вопросы), сообщения систем социальных миров.

Перечисленные жанры можно классифицировать в соответствии с определенной степенью их функционального и/или структурного сходства. Для этого нами было отобрано 160 электронных писем личного характера, 80 спам-сообщений электронной почты и 65 текстов жанра списка рассылки, 300 текстов сообщений чатов, 210 сообщений социальных миров, 140 текстов форумов и конференций, 135 текстов гостевых книг, 90 блогов, 200 текстов объявлений на электронных досках, 150 FAQ, 60 баннеров и 50 каталогов. Следует отметить, что под текстом здесь понимается любая вербальная и/или невербальная фиксация информации в рамках жанра.

На наш взгляд, можно говорить о трех группах жанров интернет-дискурса.

1. Электронная переписка

Данная группа включает электронные письма, спам-письма, списки рассылки. Перечисленные жанры были объединены в одну группу по нескольким причинам.

Прежде всего, отнесенные в данную группу жанры выполняют общую функцию информационного обмена.

Результаты анализа показали, что данные жанры близки и по некоторым структурным параметрам своих текстов. Следует отметить, что в текст электронного письма, так же как и двух других жанров данной группы, мы включаем заголовок (заполняемые поля э-письма) и тело.

Полный текст заголовка у всех жанров можно представить так: “кому + от (кого) + копия + скрытая копия + дата/время + тема + приложение”. Следует отметить, что данная последовательность не фиксирована и может меняться в зависимости от настроек почтового сервера и/или программы.

Данный вариант в своей полной форме встречается не часто в текстах электронных писем (18 из 160), отсутствует в отобранных текстах спам-писем и списков рассылки. Наиболее типичной для почтовых ящиков белорусских пользователей является структура “от (кого) + кому + дата/время + тема” (127 из 160 – электронные письма, 68 из 80 – спам-письма, 60 из 65 – списки рассылки). Например: 1) “от: Nina Grach <n.grach@tut.by> + кому: dorin1983@tut.by + дата: 3 ноября 2009 г. 13:22 + тема: Список гостей” – электронное письмо; 2) “от: TUT.BY News news@tut.by + кому: valdis25@tut.by + дата: 2 декабря 2009 г. 21:00 + тема: Новости портала TUT.BY” – списки рассылки; 3) “от: Denis Kuper <deniskuper@open.by> + кому: dpr555@onliner.by + дата: 9 октября 2009 г. 21:00 + тема: Руководителям” – спам-письмо.

По результатам анализа была выделена также и структура тела электронного письма: “приветствие (Пр) / обращение (О) + основной текст (ОТ) + финальная фраза и/или подпись (ФП)”, спам-письма – “приветствие (Пр) / обращение (О) + представление/название товара/услуги (П/Н т/у) + описание товара/услуги (О т/у) + контактная информация (КИ) + гиперссылки (Г)”, списка рассылки – “обращение (О) + основной текст (ОТ) + подпись с контактной информацией об отправителе (П)”.

Как и полный вариант заголовка, данная структура тела у всех жанров встречается в различных вариантах. Приведем здесь лишь наиболее типичные.

Например, тело электронного письма личного характера имеет следующие распространенные варианты: 1) Пр + ОТ → 27 из 160, например: “Приветики! Я обязательно буду (...)”; 2) Пр + ОТ + ФП → 29 из 160, например: “Здравствуй-те, пересылаю, что просили. С уважением, Лариса.”; 3) О + ОТ → 17 из 160, например: “Отдел маркетинга, напоминаю! соревнования по футболу 26.10 в ФОК “Серебрянка”. Начало в 18.00.”; 4) О + ОТ + ФП → 14 из 160, например: “Уважаемые студенты ЗТТ-2, рассылаю темы рефератов по психологии. Удачи. Ольга”; 5) Пр-О + ОТ → 12 из 160, например: “привет, сестричка! Сори, что сразу не ответила (...)”; 6) Пр-О + ОТ + ФП → 19 из 160, например: “всему семейству, хэлоу! Америка супер!!!! (...) Гудбай, Артур”.

Спам-письма имеют следующие наиболее типичные структуры: “П/Н т/у + КИ” – 27 из 80, например: “Настоящие швейцарские часы в Минске! +37529 xxxxxx”; “П/Н т/у + Г” – 14 из 80, например: “Бесплатно IQ-тесты на brainbooth.info”, “Г” – 17 из 80, например: “xuk.ru”.

В большинстве текстов списка рассылки прослеживался полный вариант структуры тела – 59 из 65, например: “Уважаемые абоненты! Напоминаем, что

при оплате абонентской платы до 15 числа каждого месяца вам будут начислены 15% бонусного трафика к выбранному тарифу. С уважением, администрация Космос ТВ. cosmostv.by”.

2. Электронные дискуссии

К жанру электронных дискуссий можно условно отнести чаты, форумы/конференции, гостевые книги, блоги, сообщения систем социальных миров.

В функциональном плане данные жанры объединяет интерактивная доминанта, а именно возможность оставлять сообщения на хостинге программы, комментирование чужих записей и ведение дискуссии, наличие темы/обсуждаемой проблемы.

Данные жанры также обладают и схожими признаками текстовых структур, состоящих из заголовка и тела.

Общим минимальным элементом заголовков всех жанров в данной группе является указание ника/имени автора сообщения и даты/времени создания сообщения. Например: 1) “11.06. петручки” – чат; 2) “14.08.09. Apolo13” – форум/конференция; 3) “Анна Карачун 03.12.2009 18:12” – сообщение социальных миров; 4) 28/01/2008 SHEV_2a/выпуск2007 – гостевая книга; 5) Шоколад ни в чем не виноват! Денис Блищ, 27.11.2009 – блог.

В зависимости от жанра может также присутствовать и другая разнообразная информация, представленная как в окне сообщения, так и в раскрывающейся закладке: тема сообщения, статус участника (новичок, гость, модератор и др.), дата регистрации участника, порядковый номер пользователя, общее количество его сообщений, рейтинг просмотра этих сообщений, город, статус online/offline, электронный адрес/URL/ICQ и др. Например: 1) “Батон1 + Senior Member + автор темы + 13 Май 2009 21:11 + сейчас онлайн + Member # 167604 + Сообщений: 574 + Из города: Минск” – форум; 2) Пользователь: soft [Рядовой] + Репутация: 0 + Имя: + Элионора Шафик + Статус: Offline + Дата регистрации: Понедельник, 31.08.2009, 20:45 + Дата входа: Понедельник, 26.10.2009, 16:19 + Дата рождения: 7 Января 1960 [49 Козерог] + E-mail: shaf60@tut.by – гостевая книга.

Перечисленные в данной группе жанры имеют сходство и по отдельным элементам структуры тела. Проиллюстрируем сказанное.

Тело сообщения чата имеет следующую структуру: “приветствие (Пр) / обращение (О) + основной текст (ОТ)”, которая представлена в четырех вариантах: 1) Пр + ОТ (54 из 300), например: “Всем хаюшки! Люди расскажите кто-нибудь что-нибудь интересное!”; 2) О + ОТ (107 из 300), например: “Каааать)) Отстань ото мну с этой песней))”; 3) Пр-О + ОТ (41 из 300), например: “пен 87 приветик! ПОШЛИ!”; 4) ОТ (98 из 300), например: “ЗДЕСЬ есть красивые одинокие девочки????????”

Структура тела сообщений социальных миров также довольно проста (приветствие (Пр) / обращение (О) + основной текст (ОТ) + финальная фраза) и имеет следующие варианты: 1) Пр + ОТ (82 из 210), например: “Привет, мне кажется мы в одном садике были возле 9 школы недалеко от м.Пушкинская!?”; 2) О + ОТ (43 из 210), например: “Кать, права ты конечно, но ничего с собой поделатть не могу (...);” 3) Пр-О + ОТ (21 из 210), например: “Привет, Ната! Когда домой собираешься приезжать?”; 4) ОТ (64 из 210), например: “Что-то с отдыхом не ясно пока!”

В теле сообщения форума/конференции в самом общем плане можно выделить следующую структуру: “цитата комментируемого сообщения (Ц) + Приветствие (Пр) / обращение (О) + Основной текст (ОТ) + Подпись (П)” и ее варианты (более 15). Наиболее типичными являются следующие структуры:

“Ц + ОТ” (46 из 140) и “ОТ” (29 из 140). Например: 1) *“(цитата) А в Минск хочу давно и упорно, не хотелось бы проворонить такую возможность. (основной текст) У меня очень похожее положение:xsad: (...) Может и мне заодно кто-нибудь поможет!:xsmile:”*; 2) *“Хотелось бы спросить, а как вообще оцениваете бел. театр???”*

Тело текста жанра “гостевая книга” также имеет одну полную структуру: “приветствие (Пр) / обращение (О) + основной текст (ОТ) + подпись (П) + ответ администратора сайта (ОА) + комментарии других пользователей (К)” и ее многочисленным потенциально возможные варианты (более 30). Наиболее распространенным вариантом можно назвать структуру “ОТ” (46 из 135), например: 1) *“Спасибо за фильм о нашей свадьбе от 14 июня 2008 года!!!!!!”*; 2) *“Есть ли доступ к архивам депонированных работ (2004 год)?”*

Телу сообщения блога не характерны приветствие/обращение или подпись, как в других жанрах второй группы. Главным элементом является основной текст (ОТ). Например: *“Небольшой видеоофтопик, но в целом по теме. Данное здание явно сверхъестественное – (ссылка)”*.

3. Разноплановые жанры

Анализ показал, что в интернет-дискуссии существуют разноплановые в жанровом отношении тексты, выполняющие специфические функции или являющиеся полифункциональными, а также имеющие уникальную текстовую структуру. Это позволило выделить в отдельную группу доски объявлений (BBS), баннеры, каталоги, FAQ. Проиллюстрируем сказанное.

В рамках данной статьи рассматривается наиболее популярный среди белорусских пользователей по данным анкетирования тип объявлений – частные коммерческие объявления, выполняющие разнопорядковые функции.

По результатам проведенного анализа можно выделить следующие элементы в текстовой структуре частных коммерческих объявлений и их наполнение: (1) заголовок (номер сообщения, тема, тип объявления, раздел, город/регион, дата/время подачи/удаления объявления) + (2) тело (основной текст (ОТ)/основной текст + контактная информация (ОТ + КИ)) + (3) подпись (контактная информация (КИ) – имя, телефон, email; дата подачи/удаления объявления; количество просмотров/показов/ответов; дополнительная информация). Например: 1) *“(заголовок) №106684: Продается квартира. (тело: ОТ) Продается 4 комнатная квартира по ул. Рогачевской, 3 (...). (подпись) Телефон: +37529xxxxxxx. Дата подачи: 04.12.2009”*; 2) *“(заголовок) 19.10.2009/15:04. ремонт (тело: ОТ + КИ) Ремонт сотовых телефонов, аудио- видеотехники. Адрес: пр-т Черняховского д.35 кор.1 Тел.: (029) 213-84-17”*.

Трудно говорить о какой-либо структурной организации текстов баннера, т.к. каждый отдельно взятый баннер создается по индивидуальному заказу. Приведем лишь перечень элементов, рекомендуемых для повышения эффективности баннера: логотип сайта, надписи различного характера, URL, кнопки, картинки, и разнообразные эффекты. У проанализированных текстов вербально выражен логотип/название, URL, а также различные надписи, например: *“Ваши лучшие подруги на rodruqi.by”, “Эстатэ + Без головной боли + Экспедирование грузов/ таможенные услуги/логистика + estate-by.com”*. Функционально же баннер является рекламным продуктом и выполняет его функции.

В плане организации текста каталога рассмотрим текст ссылки каталога. Ссылки в каталоге имеют иерархическую структуру от более общего в содержательном плане к более специфическому. Иной вариант расположения текста

ссылок в 50 анализируемых примерах не замечен. Например: “*Наука и образование → ВУЗы, Рефераты (...)*” Основными функциями каталога являются краткое представление информации или ресурсов сайта/портала/личной страницы и оптимизация процесса поиска информации.

Текст жанра “FAQ” состоит из двух обязательных частей: текст вопроса и текст ответа. Логика структуры заключается в последовательности “вопрос → ответ”. Во всех 150 проанализированных текстах иная структура не обнаружена. Например: “*(вопрос) Почему программа спрашивает у меня пароль? → (ответ) Данная программа ВСЕГДА спрашивает пароль при первом активировании (...)*” С функциональной точки зрения “FAQ” выполняют функцию получения информации.

Заключение

В заключение следует отметить, что изучение жанрового наполнения интернет-дискурса и структурных параметров соответствующих текстов может способствовать оптимизации межкультурной компьютерно опосредованной коммуникации белорусов, а также быть полезным белорусским пользователям Интернета для ориентации в мире интернет-общения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Бахтин, М.М.** Проблема речевых жанров / М.М. Бахтин // Собр. соч. – М. : Русские словари, 1996. – Т. 5 : Работы 1940–1960 гг. – С. 159–206. – [Электронный ресурс]. – 2004. – Режим доступа : http://philologos.narod.ru/bakhtin/bakh_genre.htm. – Дата доступа : 04.07.2009
2. **Седов, К.Ф.** Дискурс и личность: Эволюция коммуникативной компетенции. Серия “Психолингвистика” / К.Ф. Седов. – М. : Лабиринт, 2004. – 320 с.
3. **Crystal, D.** Language and the Internet / D. Crystal. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – 272 p.
4. **Галичкина, Е.Н.** Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках (на материале жанра компьютерных конференций) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.Н. Галичкина. – Волгоград, 2001. – 19 с.
5. **Капанадзе, Л.А.** Структура и тенденции развития электронных жанров / Л.А. Капанадзе // Жизнь языка : сб. ст. к 80-летию М.В. Панова. – М., 2001. – С. 246–255.
6. **Иванов, Л.Ю.** Язык Интернета: заметки лингвиста / Л.Ю. Иванов // Словарь и культура русской речи. – М. : Азбуковник, 2000. – С. 35–45.

Поступила в редакцию 22.02.2010 г.

ЗВЕСТКІ ПРА АЎТАРАЎ

- ЦІМАФЕЕЎ**
Расціслаў Уладзіміравіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры гісторыі Беларусі ВДУ імя П.М. Машэрава
- ПАЎЛАВЕЦ**
Юрый Сяргеевіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры гуманітарных дысцыплін Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта інфарматыкі і радыёэлектронікі
- ПАДДУБСКАЯ**
Алена Фёдараўна – аспірант кафедры гісторыі Новага і Найноўшага часу БДУ
- КУЗНЯЦОЎ**
Анатоль Барысавіч – доктар гістарычных навук, прафесар
- ЛАБОХА**
Галіна Міхайлаўна – магістрант кафедры айчынай і ўсеагульнай гісторыі Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта
- БАРСУК**
Ірына Аляксандраўна – аспірант кафедры філасофіі і метадалогіі навукі БДУ
- ПАПОЎ**
Міхаіл Аляксандравіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры філасофіі і паліталогіі Беларускага дзяржаўнага медыцынскага ўніверсітэта
- ЧАРНОВА**
Марыя Станіславаўна – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры рускай і замежнай літаратуры МДУ імя А.А. Куляшова
- ВОРАНАВА**
Алена Вітальеўна – дактарант кафедры граматыкі французскай мовы Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта
- ШЭЦКА**
Ларыса Міхайлаўна – асістэнт кафедры рускай мовы МДПУ імя І.П. Шамякіна
- ЕЎМЯНЬКОЎ**
Віталь Іванавіч – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры журналістыкі МДУ імя А.А. Куляшова
- СВІРЫДЗЕНКА**
Алена Андрэеўна – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры беларускай і рускай моў МДУ імя А.А. Куляшова
- ДОЎГАЛЬ**
Дзмітрый Аляксандравіч – аспірант кафедры беларускай мовы МДУ імя А.А. Куляшова
- БЯЛОВА**
Ксенія Аляксандраўна – аспірант кафедры тэорыі маўлення і камунікацыі Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта

SUMMARIES

Barsuk I.A. SPIRITUAL AND MORAL BASES OF THE EAST SLAVIC CIVILIZATION IN THE GLOBALIZING WORLD.

The explication and substantial analysis of formation and development of spiritual and moral bases of the East Slavic civilization as an important subject of the culture-historical process is performed in the paper. Extrapolation in researching the civilizational approach and its versions on the East Slavic world realities makes it possible to disclose unity of East Slavic peoples and to get an idea about the general and the special which are characteristic for their history and present. Dynamics of culture-historical values which are backbone elements of the East Slavic civilization are also considered. The research of the strategy of civilizational development of the East Slavic region is shown on representative historical and cultural material.

Belova K.A. GENRE REPRESENTATION OF THE BELARUSIAN INTERNET DISCOURSE.

This paper is devoted to revealing the most communicatively significant genres of the Belarusian Internet sector. Allowing for the present classifications of these genres and basing on results of the poll conducted in some organizations and enterprises of Minsk, we mark out the following genres: e-mail message, spam letter, mailing list, chat, forum, blog, social net, banner, guestbook, catalog, BBS, and FAQ. These genres are analyzed and classified into three groups such as e-correspondence, e-discussions, and diverse genres in accordance with their functional and/or structural similarity.

Chernova M.S. V.D. SPASOVICH ABOUT A.S. PUSHKIN: FORGOTTEN PAGES OF PUSHKIN STUDIES IN RUSSIA.

Scientific works and speeches of the lawyer and philologist V.D. Spasovich, which are devoted to A.S. Pushkin, are entered the history and literature practice. The method of his research of the poet's outlook and creativity is determined. It is proved that judgments of Spasovich about A.S. Pushkin have corresponded to tendencies which were outlined in the philological science of the last quarter of the XIX century.

Douhal D.A. BELARUSIAN VERBAL ETIQUETTE: STATE OF THE ART.

The review of modern researches of the Belarusian verbal etiquette and means of its manifestation is presented in the paper. An analysis of works of Belarusian linguists reveals main approaches and crucial periods in the study of this phenomenon of Belarusian linguistics. Problems of verbal etiquette distinction and determination of the content and scope of etiquette situations are outlined. The term "verbal etiquette" is proposed as a general term for all types of verbally realized relationships.

Evmen'kov V.I. "TARAS BULBA" BY N.V. GOGOL AND HISTORICAL REALITIES OF THE POLISH-LITHUANIAN COMMONWEALTH OF THE XVII CENTURY.

In this paper, the object of research is the novel "Taras Bulba" by N. Gogol. The subject of research is the historical and cultural content of the work. As for methodology, the paper is of comparative nature and investigates works of Polish, Russian, and Ukrainian literatures. The main result is the conclusion that N. Gogol recreated

events of the period of the Bar Confederation (1768) in his novel "Taras Bulba". The paper also contains an analysis of documentary evidences of the Haidamak revolt of 1768 ("Kolivshchina"), written by the Polish historian Edward Rachinski.

Kuznetsov A.B. OLD RUS' OF THE END OF IX – X CENTURIES IS THE POTESTARY STATE.

The old Russian state of the end of IX – X centuries was the potestary state, i.e. the sociopolitical formation of time of transition from tribal reigns and unions to the feudal state. Its institutes and bodies were in the process of feudalization and had a lot of elements of the tribal structure. The presence of the potestary state indicates that tribal institutions could not already solve the problems of the old Russian society and feudal ones were too weak to do that.

Laboha G.M. PERIODIZATION OF Z. DERRIDA'S CREATIVE ACTIVITY.

The problem of periodization of philosophical-literary heritage of French philosopher-semiologist J. Derrida is represented. The description of three main periods of author's creative activity is revealed in the paper. The paper touches upon the historiographic review of both the well-known classical Derrida's works such as "Of Grammatology", "Writing and Difference" and the practically unknown ones, for instance, "Ghosts of Marx". The content of Derrida's works is considered in accordance with common periods of creative activity of the author. The specificity and semantic content of "poetical thinking" of the author as well as evolution of public-political views in crucial Derrida's works are considered.

Papou M.A. LITERARY AND SCIENTIFIC ACTIVITY OF METROPOLITAN STANISLAV BOHUSZ-SESTRZENCEWICZ.

The literary and scientific heritage of one of Catholic Church hierarchs in Belarus, namely metropolitan Stanislaw Bohusz-Sestrzencewicz (1731 – 1826), is characterized in this paper. Being a poet, playwright, translator, philosopher, the linguist, philologist, and historian he has enjoyed deserved fame as an erudite and popularizer of scientific knowledge among the contemporaries. In this paper, the special attention is given to reviewing historical works of the Mogilev archbishop. He has left five historical subject researches which are devoted to study of Crimea history, problems of origin of Slavs and formation of their statehood. The author has come to conclusion that S. Bohusz-Sestrzencewicz considered Belarus as an organic component of Russia which had been in its structure from the beginning of Slavs' statehood formation and can be considered as one of west-russism predecessors.

Pavlovets Yu.S. THE USSR AND THE ALBANIAN PROBLEM IN THE PROCESS OF POST-WAR SETTLEMENT (1945 – 1946).

The paper reveals the main trends of the political struggle of the USSR for recognition of the People's Republic of Albania as an equal member of the international community during the First and Second sessions of the Council of Ministers of Foreign Affairs of five great powers (the U.S., the USSR, China, Britain, and France), and at the Paris Peace Conference in 1946. In the post-war settlement the Albanian problem changed into a rather important issue of international relations and became one of the reasons of deepening the geopolitical division of the world into two antagonistic camps.

Poddubskaja E.F. THE RESISTANCE IN ITALY AND THE CATHOLIC CHURCH ATTITUDE.

The attitude of the Catholic Church to the national liberation struggle in Italy is considered in the paper. The author analyzes official policy of the church hierarchy in relation to the Resistance movement as well as the Catholic guerrilla movement. This theme does not lose its urgency because the Resistance movement has determined important political changes in Italian society which resulted in formation of new political and state structures.

Shetsko L.M. PROSE AND POETIC INDIVIDUAL STYLE OF V. KARATKEVICH IN THE ASPECT OF INTERNAL INTERTEXTUALITY.

This paper contains the description of parameters of description of the prose and poetic individual style of V. Karatkevich in the aspect of internal intertextuality at the following levels: conceptual level, level of figurativeness, genre level, and thematic and textual level. The research of V. Karatkevich's prose and poetic individual style, which represents a twofold polygenre (prose + poetry) phenomenon in aggregate, is promising because a model of complex research of the polygenre individual style has not been developed.

Sviridenko E.A. COMMUNICATIVE-PRAGMATIC RANGE OF LEXICON OF RUSSIAN AND BELARUSIAN LANGUAGES IN SPEECH OF NATIVE SPEAKERS.

Basing on results of the psycholinguistic experiment, the communicative-pragmatic potential of Russian and Belarussian words and possibilities of their functioning in bilingual speech are analyzed. The features of the bilinguals' perception of the different root words are retraced, interlinguistic phenomena of words of that kind are analyzed and the hypothesis that speech expressions are not always identical with those in the language is tested.

Timofeev R.V. SUPPORT AND ORGANIZATION OF REST OF WORKERS OF THE BSSR TRANSPORT ENTERPRISES IN 1943 – 1991.

This research shows legislative support and concrete organization of rest of the workers of transport enterprises in the BSSR in 1943 – 1991. The author has marked the main documents, on which this work was built, the basic sources of financing, forms and directions, achievements and defects of the rest organization. Special attention has been paid to determination of features in the organization of rest of the workers of specific transport types.

Voronova E.V. HETEROGENEITY AS THE ESSENTIAL CHARACTERISTIC OF THE NARRATIVE TEXT.

The paper deals with the study of narrative text heterogeneity, which is one of its main characteristics like intertextuality and dialogism. A narrative text author uses different ways for introducing some of character's voices thus diversifying the text's structure.